

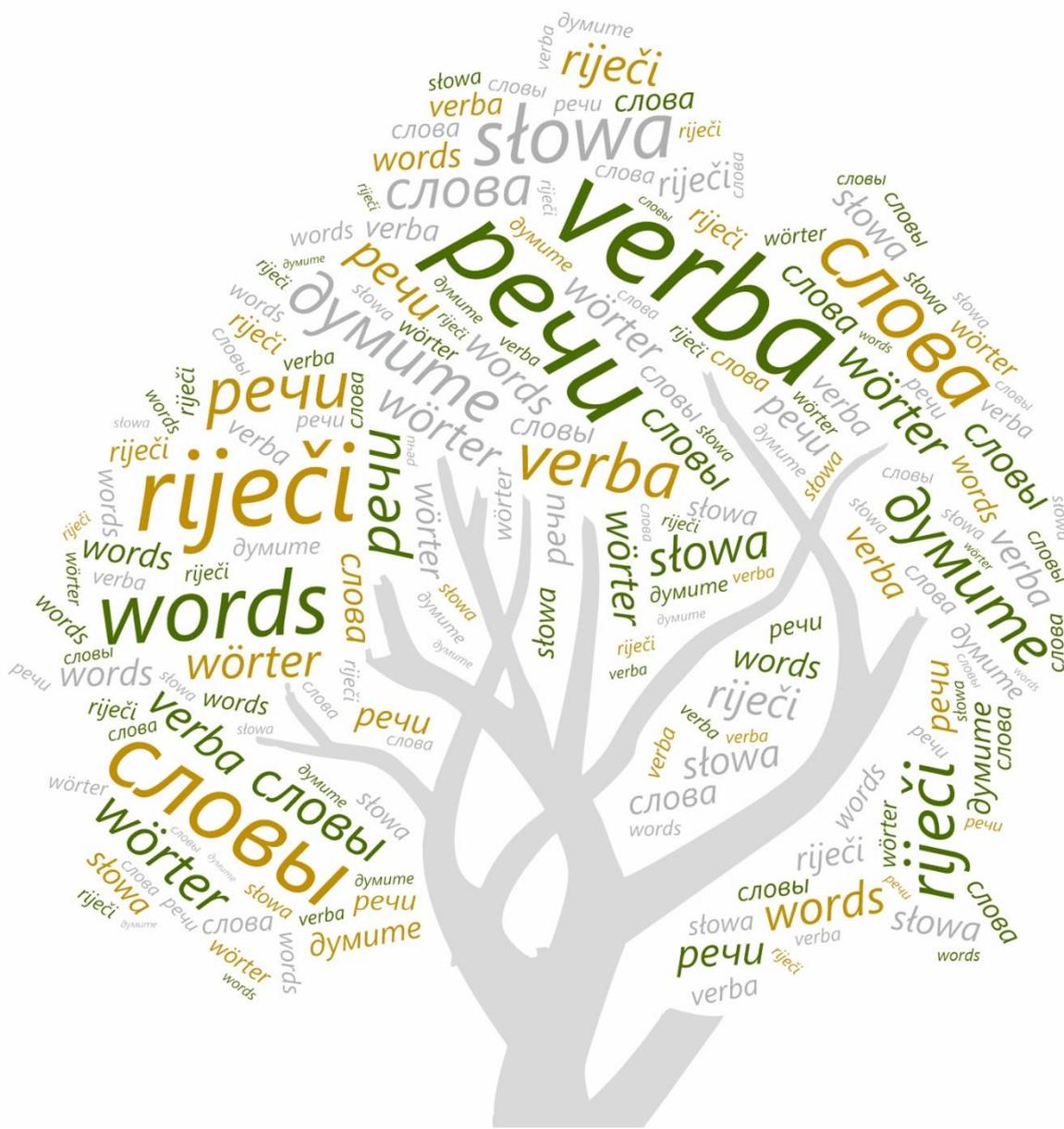

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный
лингвистический журнал

№ 2(2) 2021

ISSN 2713-0665 (Online)

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

Сетевое, периодическое научное издание

2(2) 2021

ISSN 2713-0665 (Online)

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-80208 от 22 января 2021 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издается с 2021 г.

Периодичность: 2 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (НовГУ)

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ И ИЗДАТЕЛЯ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41,
тел.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 1216
тел.: +7(8162) 33-88-30 (доб. 2293)
E-mail: verba@novsu.ru

Сайт издания: <https://VERBA.PRESS>

Редакторы перевода: А. Власова

Дизайн обложки: В. Фромов

Макет, верстка: О. Кармаева

Разработка сайта: А. Ни

Дата выхода: 06.12.2021

© НовГУ, 2021

© Авторы статей, 2021

Все права защищены

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Т.В. Шмелева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В.И. Макаров, кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

А. Бирих, доктор филологических наук, профессор; Трирский университет, Трир, Германия

Х. Вальтер, доктор филологических наук, профессор; Университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Грайфсвальд, Германия

В.Л. Васильев, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Заика, доктор филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

К. Кусаль, доктор филологических наук, профессор; Гуманитарно-экономическая Академия, Лодзь, Польша

В.И. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Т.Г. Никитина, доктор филологических наук, профессор, профессор; Псковский государственный университет, Псков, Россия

Б.Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор; Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

М. Рак, доктор филологических наук, профессор; Ягеллонский университет, Краков, Польша

Ж. Финк, доктор филологических наук, профессор; Загребский университет, Загреб, Хорватия

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

(16+)

Verba. Северо-Западный лингвистический журнал

online scientific journal

2(2) 2021

ISSN 2713-0665 (Online)

Registration certificate of a mass medium:

El № FS 77-80208 of 22.01.2021 registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: 2 issues per year

FOUNDER AND EDITOR

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND EDITOR

173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41,
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Russia, 173003, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, B.Sankt-Peterburgskaya St., 41, of. 1216
tel.: +7(8162) 33-88-30 (ext: 2293)
E-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://VERBA.PRESS>

Translation editors: A. Vlasova

Cover design: V. Fromov

Layout: O. Karmaeva

Website creation: A. Nee

Release date: 06.12.2021

© NovSU, 2021

© Authors of articles, 2021

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor, University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor; Ernst-Moritz-Arnt University of Greifswald, Greifswald, Germany

V.L. Vasiliev, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor; Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor; Humanitarian and Economic Academy in Lodz, Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor; St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor; Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor; Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor; Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor; University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание

Content

От главного редактора.....4

From editor-in-Chief.....4

Паремиология / Paroemiology

Пословицы Петровского времени в Словаре
В. П. Жукова
В. М. Мокиенко
.....8

Proverbs of Peter the Great's Time in the
V. P. Zhukov's Dictionary
V. M. Mokienko
.....8

Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом
М. Л. Ковшова
.....20

Variability of Russian Proverbs with an Anthroponym Component
M. L. Kovshova
.....20

Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления
А. Н.
Сперанская.....33

Writing and Calligraphy in Paroemias: Russian-Chinese Comparisons
A. N.
Speranskaya.....33

Аспекты и методы изучения фразеологии / Aspects and methods of studying phraseology

Устойчивые словесные комплексы в политической публицистике советского периода
А. В.
Батулина.....46

Stable Verbal Complexes in the Political Journalism of the Soviet Period
A. V.
Batulina.....46

Идиоматичность и синонимичность (на материале русских существительных)
В.
А. Белов.....56

Idiomatichity and Synonymy (based on Russian nouns)
V. A. Belov
.....56

Problemy przekładu transformacji frazeologicznych M. Uspieńskiego na język polski
Т.
Кананович.....65

Problems of Translation of M. Uspensky's Phraseological Transformations into Polish
T.
Kananowicz.....65

Хто такі ТОЙ і што ён КАЗАЎ? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні)
М. І.
Канюшкевіч.....79

Who Is TOY and What Did He KAZAŬ? (Use of YAK TOY KAZAŬ combination in Belarusian speech)
M. I.
Kaniushkevich.....79

Новгородский мотив / Novgorod motive

Новгородская фразеологическая школа
В. И.
Макаров.....95

Novgorod Phraseological School
V. I. Makarov
.....95

Научная жизнь: хроника, рецензии, обзоры / Scientific life: chronicle, critiques, reviews

Детская фразеография: псковская версия
Т. В. Соловьева.....109

Children's Phraseography: The Pskov Version
T. V. Solovieva.....109

От главного редактора

V

**Дорогие коллеги,
наши авторы и читатели!**

Представляя вам второй номер журнала, который, как и было объявлено, посвящен фразеологии, хотелось бы напомнить, что выбор темы вновь связан с датой: в 2021 году исполнилось сто лет со дня рождения Власа Платоновича Жукова, известного фразеолога, основателя Новгородской фразеологической школы.

Поэтому особенно важной оказывается рубрика «НОВГОРОДСКИЙ МОТИВ», где публикуется статья В. И. Макарова «Новгородская фразеологическая школа». В ней анализируется понятие фразеологической школы, показано место среди таких школ Новгородской, рассматриваются ключевые идеи и публикации основателя школы, его последователей и учеников. Хотелось бы обратить ваше внимание на эту статью и предложить начать чтение номера именно с нее, чтобы стало понятно многое – и состав авторов, и получившие освещение сюжеты. Так, автор статьи Владлен Иванович Макаров и Анна Владимировна Батулина – представители школы. Многих можно считать близкими ей исследователями, это вы увидите по многочисленным отсылкам к работам В. П. Жукова.

Нам хотелось отдать дань памяти талантливому лингвисту, но сделать журнал не только о школе, но и тех фразеологических проблемах, которые волнуют современных исследователей языка.

Самыми популярными проблемами, связанными с фразеологией в ее широком понимании, оказались паремиологические, что и позволило начать с них номер и сформировать рубрику «ПАРЕМИОЛОГИЯ». Объединяемые вниманием к паремиологии, статьи рубрики представляют ее по-разному. Профессор СПбГУ Валерий Михайлович Мокиенко сравнивает сборник пословиц Петровского времени со знаменитым сборником юбиляра, показывая, как менялись подходы паремиологов к описанию и объяснению паримий, и предлагая свои интересные интерпретации. Статья Валерия Михайловича задает юбилейный тон и временную координату паремиологических рассмотрений.

Его пространственную координату задает Алевтина Николаевна Сперанская, сопоставляя русские пословицы о письме с китайскими о каллиграфии, показывая, какие разные представления о письме стоят за этими речениями. А. Н. Сперанская работает в университете китайского города Ланчжоу, и не только преподает русский язык студентам, но и познает китайскую культуру, в этом случае через пословицы о каллиграфии.

Мария Львовна Ковшова, ведущий сотрудник Института языкознания РАН, анализирует редкие, как мне казалось до знакомства с ее статьей, пословицы, включающие имя собственное человека. В статье показано, что такие пословицы не только не редки, но и отличаются вариативностью. Все случаи такой вариативности подробно рассмотрены в статье, что делает ее весьма интересной.

Остальные фразеологические статьи объединены в рубрике «АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ». А. В. Батулина обращает внимание на ряд устойчивых выражений, сложившихся в политической публицистике советской поры, анализирует их фразеологическую природу. Вадим Алексеевич Белов (молодой доктор, утвержден в июне этого года) демонстрирует возможности экспериментального метода в изучении фразеологии в аспекте синонимии, пока не самый распространенный среди фразеологов. Наша белорусская коллега – Мария Иосифовна Конюшкевич – представляет метод портретирования одного белорусского фразеологизма, который близок русской идиоме «как говорится». В этой работе фразеология соединяется с синтаксисом, семантикой, что, как кажется, обогащает результаты исследования и описания. А наша польская коллега – Татьяна Кананович – рассматривает фразеологизмы художественной речи сквозь призму перевода, обобщая результаты конкурса переводов красноярского писателя Михаила Успенского.

В рубрике «НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ» представлен обзор работ Т. Г. Никитиной и Е. И. Рогалевой. Для рассматриваемого направления деятельности наших псковских коллег автор обзора – Татьяна Васильевна Соловьева – предлагает название «детская фразеография». Автор преподает русский язык будущим учителям начальной школы, и специфика работы с маленькими читателями ей знакома лучше многих. Поэтому обзор получился, как мне кажется, заинтересованным и содержательным.

Итак, в этом номере журнале представлены лингвисты Северо-Запада – Великого Новгорода, Петербурга, Череповца. Наш московский автор – М. Л. Ковшова – поддерживает академическую ноту в нашем журнале. А наши зарубежные коллеги из Беларуси и Польши позволяют расширять его горизонты, выводя издание в пространства славистики.

Выражаю сердечную благодарность всем, кто откликнулся на приглашение написать в этот номер нашего журнала!

Отдельной благодарности заслуживают рецензенты, непростой труд которых обычно остается за кадром. Большое спасибо Борису Юстиновичу Норману, Татьяне Геннадьевне Никитиной, Виктории Генриховне Дидковской, Владимиру Михайловичу Мокиенко, Владимиру Ивановичу Заике, Наталье Владимировне Юдиной.

Надеюсь, мы достойно отметили память Власа Платоновича Жукова и увидели, над чем работают лингвисты, научные интересы которых связаны с фразеологией.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

Т. В. Шмелева

From the Editor-in-Chief

Dear colleagues, our authors and readers!

Presenting you the second issue of the journal, which, as announced, is devoted to phraseology, I would like to remind you that the choice of the topic is again associated with the date: in 2021, we celebrated the hundredth anniversary of the birth of Vlas Platonovich Zhukov, the famous phraseologist, founder of the Novgorod phraseological school.

Therefore, the heading “NOVGOROD MOTIVE” turns out to be especially important, the article “Novgorod Phraseological School” by V. I. Makarov is published there. It analyzes the concept of a phraseological school, shows the place of Novgorod school among them, examines the key ideas and publications of the founder of the school, his followers and students. I would like to draw your attention to this article and suggest that you start reading this issue with it, so that a lot becomes clear – both the composition of the authors and the plots that have got covered by them. For example, the author of the article Vladlen I. Makarov and Anna V. Batulina are representatives of the school. Many researchers can be considered close to it, you will see this from the numerous references to the works of V. P. Zhukov.

We would like to honour the memory of the talented linguist, but to make this journal not only about the school, but also about those phraseological problems that concern modern language researchers.

The most popular problems associated with phraseology in its broadest sense turned out to be paroemiological ones, which has made it possible to put them in the beginning of the issue and form the heading “PAROEMIOLOGY”. United by being focused on paroemiology, the articles in this heading present it in different ways. Valery M. Mokienko, a professor at SPBU, compares the collection of proverbs of Peter the Great’s time with the famous collection of the person whose anniversary is celebrated, showing how the paroemiologists’ approaches to describing and explaining paroemias have changed and offering his own interesting interpretations. Valery Mokienko’s article sets the jubilee tone and time coordinate of paroemiological considerations.

Its spatial coordinate is set by Alevtina N. Speranskaya, who compares Russian proverbs about writing with Chinese ones about calligraphy, showing what different ideas about writing are behind these sayings. A. N. Speranskaya works at the University of the Chinese city of Lanzhou, and not only teaches Russian to students, but also learns Chinese culture, in this case through the proverbs about calligraphy.

Maria L. Kovshova, a leading researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, analyzes rare, as it seemed to me before I read her article, proverbs that include a proper name of a person. The article shows that such proverbs are not only not rare, but also versatile. All cases of such variability are discussed in detail in the article, which makes it very interesting.

The rest of the phraseological articles are grouped under the heading “ASPECTS AND METHODS OF STUDYING PHRASEOLOGY”. A. V. Batulina draws attention to a number of stable expressions that developed in the political journalism of the Soviet era and analyzes their phraseological nature. Vadim A. Belov (young PhD approved in June, this year) demonstrates the possibilities of the experimental method when studying phraseology in terms of synonymy, which is still not the most one common among phraseologists. Our Belarusian colleague, Maria I. Konyushkevich, presents a method of portraying one Belarusian phraseological unit, which is close to the Russian idiom “as they say”. In this work, phraseology is combined with syntax, semantics, which seems to enrich the results of research and description. As for our Polish colleague, Tatiana Kananowicz, she studies the phraseological units of artistic speech through the prism of translation, summarizing the results of the Krasnoyarsk writer Mikhail Uspensky’s translation competition.

The heading “SCIENCE LIFE: CHRONICLE, CRITIQUES, REVIEWS” provides an overview of T. G. Nikitina’s and E. I. Rogaleva’s works. For the considered area of our Pskov colleagues’ activities, the author of the review, Tatyana V. Solovyova, suggests the name “children’s phraseography”. The author teaches Russian language to future primary school teachers, and she is familiar with the specifics of working with young readers better than most. Therefore, in my opinion, the review turned out to be interested and informative.

Accordingly, in this issue of the journal linguists of the North-West – Veliky Novgorod, St. Petersburg, Cherepovets – are presented. Our Moscow author, M. L. Kovshova, supports the academic note in our journal. And our foreign colleagues from Belarus and Poland allow us to expand its horizons, bringing the publication into the space of Slavic studies.

I express my heartfelt gratitude to everyone who responded to the invitation and wrote to this issue of our journal!

The reviewers, whose difficult work usually remains behind the scenes, deserve special thanks. Many thanks to Boris Yu. Norman, Tatyana G. Nikitina, Victoria G. Didkovskaya, Vladimir M. Mokienko, Vladimir I. Zaika, Natalia V. Yudina.

I think we honoured the memory of Vlas P. Zhukov and saw what linguists, whose scientific interests are related to phraseology, are working on.

Until next time on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

ПАРЕМИОЛОГИЯ / PAROEMIOLOGY

Пословицы Петровского времени в Словаре В.П. Жукова

В. М. Мокиенко

Proverbs of Peter the Great's Time in the V. P. Zhukov's Dictionary

V. M. Mokienko

Валерий Михайлович Мокиенко – доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский федеральный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mokienko40@mail.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

В статье подчёркивается значение «Словаря русских пословиц и поговорок», составленного В. П. Жуковым, для русской и общей паремиологии и паремиографии. Отмечается инновативное, нетрадиционное понимание составителем термина поговорка. Характеризуются основные лексикографические параметры, на которых этот словарь построен: 1) последовательная подача толкований к каждой образной пословице при их отсутствии для безобразных пословиц, т. е. поговорок; 2) детализированные контекстные иллюстрации из классической и современной литературы к каждой пословице, подтверждающие ее семантизацию; 3) последовательный историзм в указании хронологической последовательности фиксации русских паремий. Достижения последней цели В. П. Жуков добивается тремя способами. Во-первых, расположением цитатного материала с преимущественно имплицитным использованием хронологической последовательности авторов. Во-вторых – приведением в конце словарной статьи ссылок на литературу XVIII века и контекстных иллюстраций. Наконец, ссылкой на основные отечественные паремиологические собрания в их хронологической последовательности. Особое внимание в статье уделяется диахроническому аспекту, имплицитному в словари отсылками к паремиологическим собраниям Петровского времени: На конкретных примерах демонстрируется значение разных типов вариантов (морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических), зафиксированных собранием древних русских пословиц П. К. Симони, к которому последовательно отсылает В. П. Жуков. Тем самым словарь В. П. Жукова остаётся мощным импульсом для будущих разысканий по русской исторической паремиологии.

Ключевые слова: «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, паремиология, пословица, поговорка, паремии Петровского времени, диахроническая паремиография

УДК 398. 91

Valery M. Mokienko – Grand PhD in Philological Sciences, Professor; Saint Petersburg Federal University, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0264-0576

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

The article emphasizes the importance of the “Dictionary of Russian Proverbs and Sayings”, compiled by V. P. Zhukov, for Russian and general paroemiology and paroemiography. A compiler's innovative, unconventional understanding of the term proverb is noted, to which the author attributed vague proverbs like Money is a matter of time. The main lexicographic parameters, which this dictionary is based on, are characterized: 1) consistent presentation of interpretations to each figurative proverb in the absence of them for vague proverbs, i. e. sayings; 2) detailed contextual illustrations from classical and modern literature for each proverb, confirming its semantization; 3) consistent historicism in indicating the chronological sequence of recording Russian paroemias. The last goal is achieved by V. P. Zhukov in three ways. First, the arrangement of the quotation material with an implicit primary use of the authors' chronological sequence: first – the works of the classics, then – contextual quotations from the Soviet literature. Secondly, by giving references to the 18th century literature and the corresponding contextual illustrations at the end of the dictionary entry. Finally, a reference to the main Russian paroemiological collections in their chronological order. Particular attention in the article is paid to the diachronic aspect, which is implied in the dictionaries by references to the paroemiological collections of Peter the Great's time: specific examples demonstrate the meaning of different variant types (morphological, derivational, syntactic and lexical), recorded in the P. K. Simonyi's collection of ancient Russian proverbs, which V. P. Zhukov consistently refers to. Therefore, the dictionary of V. P. Zhukov remains a powerful impetus for future research in Russian historical paroemiology.

Keywords: V. P. Zhukov's “Dictionary of Russian Proverbs and Sayings”, paroemiology, proverb, saying, paroemias of Peter the Great's time, diachronic paroemiography

OECD: 6. 02. OY

V

Постановка проблемы. Для отечественной фразеологии и паремиологии 2021 год стал знаковым. Знаковым, поскольку он отмечен 100-летним юбилеем патриарха этих лингвистических дисциплин, основателем Новгородской фразеологической школы Власа Платоновича Жукова. Краеугольным камнем его целостной фразеологической теории стало детализированное исследование двух общих оппозиций, обеспечивающих динамику фразеологической системы: 1) фразеологизм и слово и 2) слово и компонент фразеологизма [Жуков, 2021]. Именно осознание «словности» компонентов устойчивых словосочетаний, признаваемой далеко не всеми фразеологами его эпохи, привело В. П. Жукова к последовательному многоаспектному анализу русской паремиологии и её лексикографическому писанию. Это и естественно: ведь в пословицах слово обычно не просто сохраняет свою «словность», но и становится узнаваемым смысловым и образным ядром всей паремии. Эта особенность словесных компонентов пословицы в отличие от компонентов фразеологизмов порождает трудности, причем нередко – почти непреодолимые – в семантизации пословиц. Если фразеологизмы, ввиду своей так называемой «соизмеримости со словом» дефинируются практически без проблем, а их эмоционально-экспрессивная характеристика покрывается и раскрывается соответствующими стилистическими пометами, то дефиниция пословицы никак не может быть монословной, соразмерной слову, поскольку она по сути своей полисловна, развернута до законченного предложения, как и сам объект ее описания.

История вопроса. Именно поэтому большинство самых совершенных классических европейских собраний пословиц – немецких [Wander, 1867-1889], чешских [Flajšhans, 1911-1913; 2013], польских [Krzyżanowski, 1969-1978], украинских [Номис, 1864; 1993], как и «наше паремиологическое всё» – «Пословицы русского народа» В. И. Даля [Даль, 1861-1862; 1879] оставляют избранные ими языковые и фольклорные единицы без последовательных толкований, ограничиваясь (да и то – скорее в виде исключений) отдельными глоссами.

Именно эту неимоверно трудную задачу поставил перед собой В. П. Жуков, задумав и осуществив составление своего знаменитого «Словаря русских пословиц и поговорок». Словаря, выдержавшего 11 изданий [Жуков, 1966; 1967; 1991; 2004] и до сих пор непревзойдённого по своей лексикографической последовательности в русской паремиографии. Пожалуй, именно задача последовательной дефиниционной характеристики паремий в этом капитальном словаре привела В. П. Жукова к пересмотру традиционного распределения терминов *пословица* и *поговорка*. Неудовлетворённый расширительной семантикой этих классических терминов, он отказывается от их традиционной трактовки и предлагает весьма оригинальное их толкование [Жуков, 1966, с. 11]. Под *пословицами* новгородский паремиолог понимает краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым отнесены речения типа:

Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, ко вторым – *Деньги – дело наживное* или *Коса – девичья краса*. Отсюда – и вынесенное в заглавие словаря В. П. Жукова обозначение *поговорок* в той новой терминологической интерпретации, которая им была предложена в предисловии.

Будучи официальным рецензентом второго, исправленного и дополненного издания словаря В. П. Жукова в 1991 году (это была и личная просьба составителя, и заказ издательства «Русский язык»), автор этих строк выполнил свою рецензентскую функцию с пиететом, подчеркнув все несомненные достоинства этого фундаментального труда. Единственным поводом для дискуссии с автором стал тогда именно терминологический вопрос – проблема новой дефиниции терминов *пословица* и *поговорка*. Мною отстаивалось их традиционное толкование, где *пословица* – это законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. *Поговорки* же интерпретировались в моей издательской рецензии так же традиционно – как *фразеологизмы* в узком смысле слова, т. е., по В. И. Далю, как устойчивые словосочетания в узком смысле слова типа *бить баклуши*, *гонять собак* или *не видно ни зги*. Главным отличием *пословицы* от *поговорки*, следовательно, по традиции признавалось отличие структурно-семантическое и функциональное: если *пословица* представляет собою законченную синтаксическую структуру с назидательным содержанием, то *поговорка* – это лишь «строительный элемент» предложения, оценочно-экспрессивное словосочетание, выполняющее в нём чаще всего ту же функцию, что и образно коннотируемое слово [Мокиенко, 2011].

Методология и методика анализа. Сейчас, по прошествии нескольких десятков лет, следует, как кажется, на эту терминологическую проблему посмотреть диалектично. А именно: оставляя неизменным традиционное определение терминов *пословица* и *поговорка*, принять само сущностное распределение пословиц на две категории, как и предлагал В. П. Жуков: 1) образные пословицы и 2) безобразные пословицы. Паремии этих двух категорий в классическом понимании термина *пословица* и стали объектом описания в словаре В. П. Жукова. И не просто стали – они чётко и последовательно разграничены автором значимой демаркационной линией: подачей развёрнутой дефиниции для каждой образной пословицы и её отсутствием для безобразной. Такой подход оказался новаторским и лексикографически продуктивным. Он оправдан и со строго логической точки зрения: образы, кодирующие смысл паремий первой категории, нуждаются в интерпретации, в то время как назидательный смысл пословиц безобразных прямо вытекает из сложения их словесных компонентов. Так чисто дефиниционная проблема стала для В. П. Жукова теоретическим (resp. терминологическим) классификационным инструментарием.

Семантизация двух типов русских паремий в словаре потребовала от составителя обширной контекстной документализации. Для отечественной паремиографии эта задача также была новаторской. Здесь, правда, у В. П. Жукова был предшественник – М. И. Михельсон, который в своем собрании «Русская мысль и речь. Опыт...» [Михельсон, 1903-1905; 1994] предлагал контекстные иллюстрации к

описываемым языковым единицам. Однако, во-первых, такие иллюстрации нередко были спорадичными и значительно сокращенными, во-вторых, – устаревшими уже в виду дореволюционного издания этого не потерявшего и сейчас источниковедческой ценности справочника. В. П. Жуков построил свой словарь на органически сбалансированном симбиозе контекстов из классической и современной ему русской литературы. Каждая цитата при этом воспроизведена с величайшей точностью, в соответствии со строгими, но справедливыми нормами советской редактуры словарей.

Третья важная теоретическая и практическая ипостась словаря В. П. Жукова – последовательный историзм в указании хронологической последовательности фиксации русских паремий. Этого составитель добивается тремя способами. Во-первых, расположением цитатного материала с имплицитно преимущественным использованием хронологической последовательности авторов: сначала – произведения классиков, затем – контекстные цитации из советской литературы. Во-вторых – приведением в конце словарной статьи ссылок на литературу XVIII века и соответствующих контекстных иллюстраций. Наконец, ссылкой на основные отечественные паремиологические собрания в их хронологической последовательности.

Анализ материала. Приведём типичную словарную статью из словаря В. П. Жукова, иллюстрирующую описанные лексикографические параметры:

ДО БОГА ВЫСОКО, ДО ЦАРЯ ДАЛЕКО. *Говорится тогда, когда неоткуда ждать помощи, некому пожаловаться.* Полно сидеть на корточках, – сказал Роговольд. — До бога высоко, до царя далеко, нам просить о помощи некого. Потянись, брат любезный, в один конец, я потянусь в другой. Даль, Сказка о Роговольде. Он [начальник] хотя, скажем, не полный генерал был, да мы-то в правлении всегда его вашим превосходительством звали. Сам приказал: «Для чужих я, говорит, может, и меньше полковника, а своим подчиненным я Бог и царь!» – А что ты думаешь?.. И верно! ~ опять вставил Копыленков. – До Бога высоко, до царя далеко, а он тебя тут завсегда ухватит... Это он правильно. Короленко, Ат-Даван. – Мне другая сила – не адвокатская нужна, мне нужна такая сила, чтобы все суды, все законы пересилила. К царю мне теперь путь... – Э-э, дед, до Бога высоко, до царя далеко, – мрачно сказал Петр и с тоской посмотрел на Ульянова. Вирта, Вечерний звон. – Государю о сем надо написать! – сердито сказал Черепанов. – До Бога высоко, до царя далеко! Да разве царь в силах наказать сих грабителей? Е. Федоров, Каменный пояс. Народ робко смотрел, как в парчовой шубе с черно-бурым ожерельем либо в кафтане, надменно высунув вперед бороду лопатой, в собольих шапках, с высоким посохом в руках шел площадью из своего двора в соборную церковь, он, воевода, хозяин города, уездов, владыка черных людей. До Бога высоко, до царя далеко, – кому скажешь, куда пойдешь? В. Н. Иванов, Черные люди.

Из XVIII в.: [Советник:] А в мое время всякий и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьёю, получить милостивую резолюцию. В мое время дале не совались. У нас была пословица: до Бога высоко, до царя далеко. Фонвизин, Бригадир. Наше дело крестьянское, у ково нам просить милости, как не у тебя. У нас в крестьянстве есть пословица: до Бога высоко, а до царя далеко, там мы-таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце?

Трутень, лист 30, 17 ноября 1769. [Излет:] Перед ней [царицей] открою раны, Грудь открывши я свою... Донесу ей, как тираны Дочь похитили мою... [Лесник:] Да вить до Бога-то высоко, а до царя далеко. Николев, Розана и Любим.

– Симони: Высоко Богъ, далеко царь; Даль: До Бога высоко, до царя далеко; Рыбникова: До Бога высоко, до царя далеко. [Жуков, 1991, с. 104].

Как видим, и в контекстной части словаря, и цитациях литературы XVIII в., и в «нижней» отсылке на паремиологические собрания В. П. Жуковым строго соблюдена хронологическая иерархия фиксации описываемой пословицы. И на первом месте здесь оправдано числится именно сборник Петровской эпохи – сборник П. К. Симони, в котором собраны древнейшие рукописи русских пословиц и поговорок [Симони, 1899], особенно – Петровского времени. Для многих пословиц, лексикографированных новгородским паремиологом, этот источник открывает хронометрический ряд описания, имплицитно предлагая читателю их диахроническую ретроспективу. По нашим подсчётам, в словаре В. П. Жукова такие ссылки приводится в 216 словарных статьях, напр:

Бабы города недолго стоят, Барышу наклад большой (родной) брат, Беда не по лесу ходит, а по людям, Без денег в город — сам себе ворог, Без детей горе, а с детьми вдвое, Без имени <и> овца баран, Без соли, без хлеба худая беседа, Бездна бездну призывает, Ближняя копеечка дороже дальнего рубля, Бог даст день, даст и пищу, Бог (господь) не выдаст, свинья не съест, Бодливой корове Бог рог не дает, Большому кораблю — большое <и> плавание, Брань на вороту не виснет, Были бы кости, а мясо нарастет (будет), Быть бычку на веревочке, В воре, что в море, а в дураке, что в пресном молоке, В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет, В поле две воли: чья сильнее (чья возьмет), Всякий (всяк) молодец на свой образец... Как (сколько) волка ни корми, <а> он все в лес глядит (смотрит), Каков в колыбельку (в колыбельке), таков и в могилку (в могилке), Капля (и) камень долбит (точит), Конь <и> о четырех ногах, да <и тот) спотыкается, Который (какой) палец ни укуси, все <одно> (все, каждый) больно, Кошке игрушки, а мышке слезки, Кто в море не бывал, тот (досыта) Богу не маливался, Кто грамоте горазд, тому не пропасть, Куда иголка, туда и нитка, ... Старую собаку не баткой звать, Старый друг лучше новых двух, Стерпится, слюбится, Сухая ложка рот дерет, Сытый голодного не разумеет, Теля умерло, хлева прибыло, Тише едешь, дальше будешь, Тот же Савка на тех же санках, У бабы волос долог, да (а) ум короток, У богатого (богатому) телята, <а> у бедного (бедному) ребята, У всякого Павла своя правда, У семи нянек дитя без глазу (без глаза), У страха глаза велики, У Фили пили, да Филю ж и били, Укатали (уходили, умыкали) Сивку (Бурку) крутые горки, Улита едет, <да> когда-то будет, Ум хорошо, <а> два лучше (того), Утро вечера мудренее, Ученье свет, <а> неученье тьма, Хлеб-соль ешь, а правду режь, Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит, Чем богаты (богат), тем и рады (рад), Чем (что) дальше в лес, тем (то) больше дров, Чему быть, того (тому) не миновать, Чему посмеешься, тому поработаешь, Что <ни> город, то норы <что <ни> деревня, то обычай, Что написано пером, того не вырубишь топором, Что посеешь, то и пожнешь, Что с

возу (с воза) упало, то <и> пропало, Шила (шило) в мешке не утаишь, Шилом моря не нагреешь, Эта ворона нам не оборона, Яблоко (яблочко) от яблони (от яблоньки) недалеко падает, Язык до Киева доведет, Язык мой – враг мой (прежде ума глаголет).

Ценность таких отсылок на собрание П. К. Симони не только в доказательной констатации преемственности и жизнеспособности русского паремиологического фонда с Петровской эпохи до нашего времени, но и в демонстрации их динамики. Ведь точное воспроизведение формы той или иной паремии даже в орфографии трехсотлетней давности в сопоставлении с её современным обликом даёт объективное представление о вариантной разнообразности и процессах нормализации паремиологической системы.

Вот типичный пример демонстрации такой вариантной динамики паремий от Петровской эпохи, запечатленных в собрании П. К. Симони, до их современного функционирования, зафиксированного в словаре В. П. Жукова [Жуков, 1991, с. 312]:

СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ. Говорится перед тем, как пригласить кого-л. к столу (обычно после затянувшихся разговоров), или (реже) тогда, когда важны (нужны) не пустые разговоры, а конкретные дела. – Да что это я болтаю: соловья баснями не кормят! Василиса! Василиса! Что ж мы сидим: скорей вели собирать на стол, до обеда долго, он позавтракает. Гончаров, Обрыв. Ну, да ведь соловья баснями не кормят, а ты, Андревнушка, спроворь-ка нам поскорее закусочку: водочки поставь да мадерцы, икорки зернистой, да грибочков, да груздочков, да рыжиков, да смотри, огурчиков соленьких не забудь. Мельников Печорский, На горах. – Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет. Афанасьев, Народные анекдоты. Молодежь также отлично знала, что СОЛОВЬЯ баснями не кормят. Знал это и проповедник и счел необходимым, прежде нежели начать проповедывать, привязать их к себе угощением: стал до отвала кормить молодежь кашей. Г. Успенский, Власть земли. – Погодите, погодите... Соловья баснями не кормят, – суетился Карнаухов, затаскивая Ароматова в контору. – Ну, брат, прежде всего устроим разрешение вина и еляя... Вкушаешь? Мамин Сибиряк, Золотуха. – Ну ладно, соловья баснями не кормят. Он [Дроздов] заказал закуску, водку и сразу же возобновил разговор о пьесе. Саянов, Страна родная. – Однако соловья баснями не кормят. Сейчас мы чаек соорудим. Р. Хигсропич, Путь писателя. – Соловья, Маруся, баснями не кормят! – прервал жену Фирсов. – Приглашай гостя к столу. Степанов, Семья Звонаревых. – Я заехал еще привезть тебе денег, так как соловья баснями не кормят, – сказал он. – Тебе нужно, я думаю. Л. Толстой, Анна Каренина.

А теперь, я надеюсь, Арина Власьевна, что, насытив свое материнское сердце, ты позаботишься о насыщении своих дорогих гостей, потому что, тебе известно, соловья баснями кормить не следует. Тургенев, Отцы и дети. Тетюев немного обиделся. Невнимание к его игре задело его за живое как артиста. – Вот что, прибавил он. – Соловья музыкой будущего не кормят... Так? Адмиральский час на дворе, и пора закусить. От закуски Прозоров не отказался. Мамин Сибиряк, Горное гнездо.

Из XVIII в.: (Розана:!) Уж грех? Вить мы не говеем?.. [Любим:] Ха, ха, ха! простушка моя! быть так: не мы первые, не мы последние... Однако соловья баснями не кормят. Я, право, проголодался. Николев, Розана и Любим. [Сквалыгин:] Послушай, голубка! соловья баснями не кормят. Матинский, Санкт-Петербургский гостиный двор.

– Симони: Басни соловья не кормят; Соловья басни не кормят; Снегирев: Соловья баснями не кормят; Даль: Соловья баснями не кормят; Михельсон: Соловья баснями не кормят; Рыбникова. Соловья баснями не кормят.

Как видим, В. П. Жуков не только отразил динамику этой пословицы со времени их фиксации собранием П. К. Симони, но и щедро иллюстрировал её контекстными иллюстрациями. Наш сводный словарь пословиц показывает, что такая вариантная динамика не разрушила устойчивости этой пословицы, ибо основной вариант воспроизводится большинством позднейших паремиологических источников, в том числе и диалектных, напр., псковских, поморских, ленинградских и кубанских говорах [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 854], там же читатель найдет точные данные обисточниках:

Соловья (Соловей) баснями (басни) не кормят. Сим., 139; Петр. галер. нач. XVIII в., 35; Паус нач. XVIII в., 40; СлРЯ XVIII в. 10, 175; ДП 2, 130; Д 1, 52; СР 2, 231; Соб. 1956, 122; Раз. 1957, 201; Рыбн. 1961, 132, 138; Жук. 1966, 434–435; Спир. 1985, 130; Ан. 1988, 291; Пермьяков 1988, 157; Помор. Мерк. 1997, 104; Кубан. ППЗК 2000, 65; Пск. СПП 2001, 140; Ленингр. Соловьева 2001, 83; Сок., 54.

Не разрушают такой «ядерной» стабильности, зарегистрированной В. П. Жуковым, и периферийные варианты пословицы, отраженные разными источниками и всё более удаляющимися от исходного прототипа:

Соловья за песни кормят. Соб. 1985, 122; Ан. 1988, 291; Сок., 564.

Соловья завтраком кормили, а он издох. Акмол. Асенова 2010, 15.

Соловья кормят за песни. Петр. галер. нач. XVIII в., 35.

Соловья песней не кормят. Пск. ПОС 26, 62.

Соловья песнь не кормит. Пск. (Оп.) СПП 2001, 140.

Соловья побасками не кормят. Д 3, 135.

Не песнями коней кормят. Соб. 1956, 110.

Песнями скотину не кормят. Кубан. ППЗК 2000, 65; Твер. ТПП 1993, 30.

Попа сеном не кормят. Тат. нач. XVIII в., 60.

Ср. также недавно записанную социально заостренную антипословицу, свидетельствующую об актуальности старой паремии

Соловья баснями не кормят, ими кормят народ. Трушкин 2000, 161. [Вальтер, Мокиенко, 2004, с. 452].

Виды паремиологических вариантов, представленных в зеркале выборки из собрания П. К. Симони В. П. Жуковым, соответствует традиционной типологии фразеологического варьирования [Мокиенко, 1989, с. 9-36]. При этом морфологические и словообразовательные варианты достаточно редки, напр.: **Бабы города недолго стоят – Бабы городы не стоят; Бог (Господь) не выдаст, свинья не съест – Богъ здасть и свинья съѣсть.** Синтаксические же и лексические варианты характеризуются как значительной количественной представленностью, так и вариантным многообразием.

Вот примеры синтаксических вариантов: **Барышу наклад большой (родной) брат – Накладъ барышу большой братъ; Без соли, без хлеба худая беседа – Без обѣда не красна беседа; Беседа без хлѣба худая беседа; Бог даст день, даст и пищу**

– *Дастъ Богъ утро и день, дастъ Богъ и пищу; В поле две воли: чья сильнее (чья возьмет) – В поле воля; Всем сестрам по серьгам – Достанется сестрамъ по серьгамъ; До бога высоко, до царя далеко – Высоко Богъ, далеко царь.*

Некоторые варианты такого рода отражают важные для исторической паремиологии и фразеологии особенности. Так, вариант современной пословицы **Говорить правду – терять дружбу** – Говорить правда, потерять дружба, зафиксированный П. К. Симони, является осколком древней синтаксической модели: именительного падежа объекта при независимом инфинитиве. Эта конструкция широко отражена в памятниках XIII–XIV вв. и до сих пор встречается в диалектах. На русском Севере и сейчас можно услышать *вода носить, баня топить, голова сложить* (вместо *воду носить, баню топить, голову сложить*) [Мокиенко, 1990, с. 71].

К этому же типу вариантов можно отнести и вариант к пословице **На чужой рот пуговицы не нашьешь**, зафиксированный в собрании П. К. Симони, – *На чужой рот не пуговица нашить.*

Лексические варианты из собрания П. К. Симони, представленные в словаре В. П. Жукова, имеют ещё бóльшую ценность для историко-этимологического анализа фразеологии и паремиологии, ибо именно они отражают компонентную (resp. образную) динамику этих языковых подсистем. **Копеечка дороже дальнего рубля – Домашняя гривна лутче отълзжева рубля; Большому кораблю – большое <и> плавание – Великому кораблю велико и плавание; Знать (видать) птицу (сову) но полету – Знать сову по перью; Всему свое время – Всякой вещи время; Горбатого <одна> могила исправит – Горбатаго гроб исправляет; Гром не грянет, мужик не перекрестится – Громъ не грянетъ и мужикъ не дрогнет; Который (какой) палец ни укуси, все <одно> (все, каждый) больно – За которой персть ни укусишь, инъ все болят; Куй железо, пока горячо – Когда железо кипит, тогда его и ковать; Мертвым телом хоть забор подпирай – Мертвымъ да мерзлымъ хошь тын подпирай; Не в свои сани не садись – В чюжие сани не садись; Не бойся суда, <а> бойся судьи – Не бойся исца, бойся судьи.**

Лексические варианты, сохранённые паремиологическими собраниями Петровского времени, ценны и тем, что они законсервировали некоторые редкие, архаичные или диалектные лексемы, вытесненные позже литературными компонентами. Так, глагол *лучаться/лучиться*, вошедший в состав варианта **Не плюй в колодец, пригодится воды напиться**, зафиксирован в значении ‘случиться, приключиться’ в великолукских, владимирских, воронежских, донских, костромских, курских, орловских, смоленских, тамбовских и других народных говорах.

Ареал сущ. *мылна (мыльна)*, который у П. К. Симони зафиксирован в варианте к пословице **Не велик голик, а в бане и он царь** – *Вһникъ в мыльне всһмъ господинъ*, не менее широк [Мызников, 1965-2019, т. 19, с. 55]. Характерно, что в былинах даже в рамках одного контекста наблюдается сопряжение синонимов *мыльна – баня*, зарегистрированных В. П. Жуковым путем отсылки к собранию П. К. Симони: *В ту же пору, в то же было же во времечко. Как пошла-то Настасья дочь княжевична,*

Во мыльню она да жарку банечку. (Былины Печоры и Зимнего Берега) [Мызников, 1965-2019, т. 17, с. 209].

Ещё более широкий ареал имеет диалектизм *слота*, ставший частью варианта к пословице **Наделала синица славы, а море не зажгла** – *Ходила баба море зажигать, море не зажгла, а слоту явила* (Симони). В русских народных говорах слово *слота* (*слоть*) имеет значения ‘слякоть, дождливая погода’, ‘зимняя сырая погода, снег с дождем, мокрый снег’. Выражение *явить слоту* не зафиксировано до сих пор ни одним другим источником, кроме собрания П. К. Симони. Оно является, видимо, метафорой со значением ‘лгать, бесстыдно врать’ – ср. арх. и волг. *слотить* ‘врать, шутить, острить, пустословить’ [Мызников, 1965-2019, т. 38, с. 305]. Прямое же значение слов *слота*, *слатина* этимологически связано с географическим термином *солотина*, *слотина* ‘небольшая болотная топь, крутобереговая низменность с родниками, нередко со ржавчиной’, *солоть* ‘сырое, вязкое место; болото, глубокая лужа, яма на дороге’ [Мызников, 1965-2019, т. 39, с. 304]. Эти слова имеют праславянскую дальнобойность и зафиксированы во всех славянских языках [Мокиенко, 1972].

Лингвокультурологическую ценность имеют краткие, но ёмкие комментарии о происхождении некоторых паремий, которые предлагает В. П. Жуков, опираясь на известные ему источники. Вот некоторые из них.

Пословица **ДОРОГО ЯИЧКО К ВЕЛИКОМУ (к светлому, к Христову) ДНЮ (празднику)**, которая в собрании П. К. Симони зафиксирована в варианте *Дорого яичко к велику дни*, комментируется В. П. Жуковым [Жуков, 1991, с. 108] со ссылкой на книгу И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах» (М., 1833. Кн. 3. с. 116): «Первоначально об обычае в среде чиновников (XVI в.) на пасху вместе с красным яйцом брать и деньги (хотя официально взятки были запрещены)».

К тому же источнику (Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1834. Кн. 4. с. 187) относится и комментарий к пословице, зафиксированной П. К. Симони, – **У фили пили, да филью ж и били** [Жуков, 1991, с. 332]: «Первоначально – о венгерском бароне Фильние, по прозвищу Филья Прегордый (XIII в.), непримиримом враге русских, которого перехитрили русские воины: сначала побывали у него в гостях, а затем изрядно побили».

Значимый лингвокультурологический комментарий предложен В. П. Жуковым [Жуков, 1991, с. 94] для пословицы **Далеко кулику до Петрова дня**, которая в собрании П. К. Симони фиксируется в варианте *Далеко кулику до Петрова дни*: «Петров день (29 июня ст. ст.) – начало охотничьего сезона на Руси. С 9 марта до 29 июня – время запрета охоты на дичь. «Вот это-то время... и выражает собою то „далеко“, которое изживает кулик в полной беспечности и безопасности». Этот комментарий опирается на книгу этнографа С. В. Максимова [Максимов, 1891; 1955, с. 383].

Нередко именно варианты пословицы, зафиксированные в собраниях Петровского времени, становятся убедительными аргументами в пользу историко-этимологической расшифровки, предлагаемой в словаре В. П. Жукова. Таков вариант из собрания П. К. Симони *Пһнию время и молитвһ чась*, приводимый им к пословице **Делу время, <a> потехе час** [Жуков, 1991, с. 99]. Здесь новгородский паремиолог

обращается к классическому труду Н. С. и М. Г. Ашукиных [Ашукин, Ашукина, 1955, с. 175]: Первоначально употреблялось в значении: делу и веселью свой срок, своя пора; всему; свое время. Из приписки царя Алексея Михайловича к сборнику правил соколиной охоты под названием «Книга, глаголемая урядник»: «Прилог книжный или свой: сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя не забывайте: делу время и потехе час».

При необходимости В. П. Жуков в качестве диахронического комментария приводит иноязычный источник. Особое внимание при этом уделяется латинизмам: **Бумага все терпит** – *Epistola non erubescit*; **Глас народа – глас Божий** – *Vox populi – vox die*; **Гора родила мыш** – *Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus*; **Каждому свое** – *Suum cuique*; **Капля (и) камень долбит (точит)** – *Gutta cavat lapidem*; **Конец – (всему) делу венец** – *Finis coronat opus*; **Не место красит человека, а человек место** – *Non locus ornat hominem, sed homo lokum*; **Привычка – вторая натура (природа)** – *Consuetudo est altera natura*; **Рука руку моет <и обе белы бывают>** – *Manus manum lavat*.

В некоторых случаях В. П. Жуков проявляет оправданную осторожность, избегая прямолинейного сопряжения описываемой им пословицы с латинским прототипом путём отсылки к последнему с помощью пометы *Ср.*: **Сколько голов, столько <и> умов** – *Ср. лат. Quot homines, tot sententiae*; **Сказано – сделано**. *Ср. лат. Dictum – factum*.

Приводятся в словаре В. П. Жукова и отсылки к «живым» европейским языкам, паремиология которых обогатила русский язык – немецкие: **Нет розы без шипов** – *Keine Rose ohne Dornen*; **Старая любовь не ржавеет** – *Ср. нем. Alte Liebe rostet nicht*; французские: **Аппетит приходит во время еды** – *L'appétit vient en mangeant*; **В доме повешенного не говорят о веревке** – *On ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu*; **Игра не стоит свеч** – *Le jeu ne vaut pas la chandelle*; **Поживем – увидим** – *Ср. франц. Qui vivra verra*; английские: **Время – деньги** – *Time is money*; **В доме повешенного не говорят о веревке** – *Ср. англ. Name not a halter in his house that was hanged*.

Выводы. Вчитываясь в словарные статьи классического «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, хочется вслед за А. С. Пушкиным воскликнуть: «Что за прелесть эти сказки! Каждая из них есть поэма...». И в самом деле: каждая пословица и поговорка, включенная новгородским паремиологом в словарь – это своеобразная фольклорная миниатюра. Миниатюра, которая предлагает читателю полное представление об образности и экспрессивности описываемой паремии, о её употреблении в классической и современной литературе, о многогранности её дидактического смысла и границах употребления. В этом очерке я постарался показать, сколь значим словарь В. П. Жукова для русской исторической паремиологии. Ведь лапидарные сопряжения современного материала с контекстами литературы XVIII века и сборниками Петровской эпохи, предлагаемые в этом словаре, дают мощный импульс для будущих разысканий. И для каждого исследователя, которого увлечёт паремиологическая археология, вратами диахронической учёности останется скрупулезное изучение словаря В. П. Жукова.

Литература

Ашукин, Н. С., & Ашуккина, М. Г. (1955). *Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения*. Москва: Художественная литература.

Вальтер, Х., & Мокиенко, В. М. (2004). *Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск*. Под ред. А. А. Шумейко. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.

Даль, В. И. (1861-1863; 1879). *Пословицы русского народа*. Санкт-Петербург: «Гостинный двор». Москва: «Кузнецкий мост», 1879. (1-е издание 1861–1862).

Жуков, А. В. (2021). Через версты войны к истинам русской речи (К 100-летию со дня рождения В. П. Жукова). *Русский язык в школе*. 82(2). 85-89.

Жуков, В. П. (1966; 1967; 1991; 2004). *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Сов. энциклопедия, 1966; 2-е и 3-е изд. (стереотип.). Москва, 1967; 4-е изд., испр. и доп. Москва: «Русский язык», 1991; 11-е изд. (стереотип.). Москва: Русский язык – Медиа, 2004.

Максимов, С. В. (1891, 1955). *Крылатые слова*. СПб, 1891. 2-е изд. Москва: ГИХЛ, 1955.

Михельсон, М. И. (1903-1905; 1994). *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Санкт-Петербург, Т. 1, 1903. Т. 2, 1905; Михельсон, М. И. (1994). *Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. Москва: «Русские словари». Т. 1–2.

Мокиенко, В. М. (1972). Сербохорв. *пониква, слатина* и некоторые проблемы изучения славянской географической терминологии. *Исследования по сербохорватскому языку* (с. 139-156). Москва: «Наука».

Мокиенко, В. М. (1989). *Славянская фразеология*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: «Высшая школа».

Мокиенко, В. М. (1990). *Загадки русской фразеологии*. Москва: «Высшая школа».

Мокиенко, В. М. (2011). Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации. *Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова*. Т. 1. (с. 33-41). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., & Николаева, Е. К. (2010). *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*. Москва: «ОЛМА Медиа Групп».

Номис, М. (1864; 1993). *Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О. В. Марковича і других. Спорудив М. Номис*. Санкт-Петербург, 1864; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993.

Симони П. (1899). *Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони*. Санкт-Петербург.

Мызников, С. А. (Ред.). (1965–2019). *Словарь русских народных говоров (СРНГ)*. Вып. 1–51. Л. –Санкт-Петербург.

References

Ashukin, N. S., & Ashukina, M. G. (1955). *Winged words. Literary quotes. Figurative expressions*. Moscow: Fiction. (In Russian)

Dal, V. I. (1861-1863; 1879). *Proverbs of the Russian people*. St. Petersburg: "Gostiny Dvor". Moscow: "Kuznetsky Most", 1879. (1st edition 1861-1862). (In Russian)

Flajšhans, V. (1911-1913; 2013). *Czech proverbs. A collection of proverbs, stories and sayings of the Czech people in Bohemia, Moravia and Silesia. Part I. Old Bohemian proverbs. Part I (A-N), Part II (O-Ru)*. Prague: Czech Academy of Emperor Franz Josef for Science, Literature and Art; 2nd, extended edition. Foreword by V. Mokienko, comments by V. Mokienko, L. Stepanova. V. Mokienko, L. Stepanova (Eds.). Olomouc: Palacký University in Olomouc. (In Czech)

Krzyżanowski, Ju. (Ed.). (1969-1978). *New book of Polish proverbs and expressions (NKP)*. Vol. 1-4. Warsaw: State publishing institute. (In Polish)

Maximov, S. V. (1891, 1955). *Winged words*. St. Petersburg, 1891; 2 nd ed. Moscow: GIHL, 1955.

Mikhelson, M. I. (1903-1905; 1994). *Russian thought and speech. His and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables*. St. Petersburg, Vol. 1, 1903. Vol. 2, 1905; Mikhelson, M. I. {1994}. *Russian thought and speech. His and someone else's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables*. Foreword and comments by V. M. Mokienko. Moscow: "Russian dictionaries". Vol. 1–2.

Mokienko, V. M. (1972). Serbohorv. *ponikva, slatina* and some problems of studying Slavic geographical terminology. *Studies in the Serbo-Croatian language* (pp. 139-156). Moscow: "Science".

Mokienko, V. M. (1989). *Slavic phraseology*. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: "High school".

Mokienko, V. M. (1990). *Riddles of Russian phraseology*. Moscow: "High school".

Mokienko, V. M. (2011). Proverb and Saying: From Terminological Pluralism to Unification. *Literary and dialect phraseology: history and development (Fifth Zhukovsky readings): materials of the Intern. scientific. symposium. to the 90th anniversary of the birth of Vlas Platonovich Zhukov*. Vol. 1. (p. 33-41). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., & Nikolaeva, E. K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs. About 70,000 proverbs*. Moscow: "OLMA Media Group".

Myznikov, S. A. (Ed.). (1965–2019). *Dictionary of Russian Folk Dialects (SRNG)*. Issue 1-51. L. –St. Petersburg.

Nomis, M. (1864; 1993). *Ukrainian proverbs, sayings etc.: Zb. O. V. Markovich and others. Equipping M. Nomis*. St. Petersburg, 1864; 3rd type. Kiev: Libid, 1993. (In Ukrainian)

Simony P. (1899). *Old collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. XVII – XIX centuries*. Collected and prepared for publication by Pavel Simoni. St. Petersburg.

Flajšhans, V. (1911-1913; 2013). *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědu, slovesnost a umění; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

Krzyżanowski, Ju. (Ed.). (1969-1978). *Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich (NKP)*. T. 1-4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy.

Wander, K. F. W. (1867-1889; 1964, 1987). *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. 5 Bde. Leipzig, Ndr. Darmstadt; Ndr. Kettwig.

Walter, H., & Mokienko, V. M. (2004). *Dictionary of modern Russian nicknames. Experimental release*. Ed. A. A. Shumeiko. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. (In Russian)

Wander, K. F. W. (1867-1889; 1964, 1987). *German proverb lexicon. A treasure trove for the German people*. 5 vols. Leipzig, Ndr. Darmstadt; Ndr. Kettwig. (In German)

Zhukov, A. V. (2021). Through war miles to the truths of Russian speech (To the 100th anniversary of the birth of V. P. Zhukov). *Russian language at school*. 82(2). 85-89. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1966; 1967; 1991; 2004). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow: Sov. encyclopedia, 1966; 2nd and 3rd ed. (stereotype.). Moscow, 1967; 4th ed., Rev. and add. Moscow: "Russian language", 1991; 11th ed. (stereotype.). Moscow: Russian language - Media, 2004.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

Для цитирования статьи:

Мокиенко, В. М. (2021). Пословицы Петровского времени в Словаре В. П. Жукова. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 8–19. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-8-19

For citation:

Mokienko, V. M. (2021). Proverbs of Peter the Great's Time in the V. P. Zhukov's Dictionary. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 8–19. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-8-19

Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом

М. Л. Ковшова

Variability of Russian proverbs with an anthroponym component

M. L. Kovshova

Мария Львовна Ковшова — доктор филологических наук
Институт языкознания Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация

E-mail: kovshova_maria@list.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Maria L. Kovshova – Dr. Sci. in Philology, Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8920-8638

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

В статье на материале пословиц с компонентом-антропонимом рассматриваются основные методы и приемы исследования вариативности в пословицах, разрабатывается новый подход, который синтезирует лингвистические и фольклористические принципы и понятия. Такой подход позволяет изучить вариативность на основе сопоставления текстов, с одной стороны, по критериям обобщенного значения и функций пословицы; с другой стороны – с учетом образной системы, особенностей структуры и композиции. На обширном материале исследуется вариативность антропонимического компонента в составе пословиц, определяется степень воздействия тех или иных изменений антропонима на семантическое тождество пословиц, их предметно-понятийный, предметно-образный и структурно-композиционный план. В ходе анализа сгруппированы изменения антропонимического компонента, которые происходят на разных уровнях языка – фонетическом, словообразовательном, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Исследование проводится в диалоге с теорией вариативности В. П. Жукова; выявляется, в том числе с привлечением метода семантической аппликации, предложенного В. П. Жуковым, степень влияния антропонимических изменений на семантическое тождество пословиц, их предметно-образный и структурно-композиционный план. В работе используются понятия, принятые в лингвистике и фольклористике: вариант, вариация и др.; выделены виды вариативности антропонимов, разработаны категории, по которым квалифицируются виды вариативности; на этом основании пословицы с антропонимическими компонентами разграничиваются на варианты, вариации и автономные единицы. Особое внимание уделяется пословицам с прецедентными именами, которые, как правило, не имеют лексических вариантов, что обуславливает автономный статус пословицы.

Ключевые слова: пословицы, антропоним, вариативность, вариант, вариация, В. П. Жуков

УДК 398.91

Based on the material of proverbs with an anthroponym component, the main methods and techniques for studying variability in proverbs are considered, a new approach that synthesizes linguistic and folkloristic principles and concepts is developed. Such an approach allows us to study the variability based on the comparison of texts according to the generalized meaning and functions of a proverb, on the one hand, and taking the figurative system, features of structure and composition into account, on the other hand. Using extensive material, the variability of the anthroponymic component in the proverbs composition is studied, the impact of certain changes in the anthroponym on the semantic identity of proverbs, their subject-conceptual, subject-figurative and structural and compositional plan. In course of the analysis, the proverbs are subdivided in groups based on the changes that their anthroponym component undergo on each language level, i. e. phonetics, word formation, morphology, lexis and syntax. The study is conducted in close dialogue with Vlas P. Zhukov's variability theory. Applying, among other techniques, the method of semantic application proposed by Vlas P. Zhukov, the paper reveals the degree of influence of anthroponyms' changes upon the proverbs semantic equivalence and identity, their subject-figurative and structural and compositional plan. The concepts adopted both in linguistics and folkloristics, namely "variant", "variation" and others are used in the work. The study distinguishes types of anthroponyms variability, establishing categories to qualify these types. Based on this, the proverbs with anthroponyms components are subdivided into variants, variations and autonomous units. Special attention is paid to proverbs with precedent names, which normally have no lexical variants, which determines the autonomous status of the proverb.

Keywords: proverbs, anthroponym, variability, variant, variation, Vlas P. Zhukov

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Основная проблема состоит в необходимости разработки параметров для комплексного описания вариативности пословиц; в выработке критериев для исследования роли антропонимического компонента, в том числе прецедентных имен, в варьировании пословиц. Развитие подхода, синтезирующего принципы и методы лингвистики и фольклористики, позволит объединить анализ языковых, образно-семантических и структурно-композиционных изменений в вариантах пословиц.

История вопроса. Тема вариативности является одной из самых востребованных в паремиологии, поскольку вариативность – сущностная характеристика пословиц и как малого паремийного жанра фольклора, и как устойчивых воспроизводимых языковых выражений, оформленных в логически и синтаксически законченную сентенцию.

Варьирование является одной из типологических универсалий фольклора; варьирование выражает присущую народной ментальности идею доминирования общего, типического, постоянного над отдельным, частным, изменчивым. Пословицы не застывшие произведения устного народного творчества; ведущиеся с давних пор записи пословиц отмечают разные изменения – на уровне фонетики, словообразования, лексики (а значит, и образов, к этому ведет замена компонентов), синтаксиса (а значит, и сюжета, к этому ведут количественные изменения, перестановка звеньев, полная перестройка текста). Вариативности в пословицах способствуют два фактора – традиционность и массовость этого жанра. Традиционность выражается в воспроизводстве пословиц на большом пространстве, что обуславливает творческий характер их употребления. Воспроизводство пословиц вызвано потребностью в данном жанре, это ведет к массовости текстов и, следовательно, множественности вариантов. Пословичная «память» укрепляется тем, что варианты пословицы, как правило, не отклоняются от ее структурно-типовой модели, но допускают внутренние изменения в тексте; ср.: *Кому поведётся, у того и петух несётся; Кому поживётся, у того и петух несётся; У кого счастье поведётся, у того и петух несётся* [Аникин, 1988, с. 139, 307].

В науке о языке паремии признают автономным уровнем языковой системы, ее «верхним ярусом» [Пермяков, 1975], поскольку паремии одновременно обладают признаками языкового знака и признаками текста [Савенкова, 2002, с. 13]. Пословица – в полной мере синтаксически оформленное языковое выражение, представляющее собой нравоучительное или назидательное генеритивное суждение о действительности, данное в прямой или иносказательной форме. Вопросы варьирования пословиц, классификация видов вариативности, определение границы между вариантностью и синонимией исследуются в работах В. П. Жукова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Л. Б. Савенковой, Г. Ф. Благовой, Е. И. Селиверстовой и др. На пути решения данных вопросов кардинальный подход был предложен В. П. Жуковым. Ученый с мировым именем, теоретик и лексикограф, тончайший исследователь фразеологизмов и паремий, В. П. Жуков разработал метод

семантической аппликации, позволяющий путем последовательного сопоставления сем каждого компонента в составе пословиц определять степень их семантической близости [Жуков, 1964, с. 140-141]. Было введено понятие «смыслового центра», или обобщающего смысла, который «поглощает» неизбежные при вариативности семантические преобразования [Жуков, 1986, с. 19]. Понимая под вариативностью формальное и содержательное изменение в пределах одной единицы, В. П. Жуков определяет вариантность как взаимозаменяемость компонентов при условии сохранения семантического тождества вариантов; в отличие от фразеологизмов, в пословицах представлены случаи, главным образом, лексической вариантности [Жуков, 1986, с. 37]. По В. П. Жукову, лексические варианты в пословицах – это словесные видоизменения, которые предполагают замену одного слова другим, синонимичным; данные замены происходят в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание паремии. Предложенный критерий семантического тождества как основание для идентификации вариантов пословицы встречает некоторые возражения. Так, отмечается, что в целях идентификации целостности и автономности языкового знака нельзя соединять взаимоисключающие признаки, «считать, что существуют языковые объекты, в семантическом плане являющиеся синонимами (разными единицами), а в плане выражения – вариантами (одной и той же единицей)» [Телия, 1972, с. 52]. Также при использовании метода семантической аппликации в пословицах обнаруживается, что зачастую друг друга заменяют субституты, не являющиеся синонимами [Селиверстова, 2017, с. 102]. Ср., например: *Мужик-то сер, а ум-то у него не волк (не чёрт) съел. Сердилась баба на мир (ветер), а мир (ветер) про то и не ведал. Со счастьем на клад набредёшь, тез счастья и грибов (гроша) не найдёшь. У семи нянек (пастухов) дитя без глаза* [Аникин, 1988, с. 188, 283, 289, 309]. Важным остается вопрос о разграничении вариативности и синонимии, тем более что в основе синонимии также лежит варьирование. Как правило, синонимичные пословицы тяготеют к одной и той же структурно-типовой модели, но синонимический ряд включает разные в этом плане единицы. Ср., например, ряд синонимов с общим смыслом, который можно передать фигурально: «Одним всё, другим ничего»: *Кому дали, а мне посулили; Кому полтина, а кому и ни алтына; Один ходит в сукне да в шёлке, а у другого зубы на полке; Один слепнет от голода, другой – от золота* [Аникин, 1988, с. 138, 241]. В целях разграничения вариативности и синонимии в пословицах рассматриваются различные типы семантических отношений. Так, лексические замены с большой семантической дистанцией между ними при синтаксическом тождестве пословиц трактуются как явление паремийной квазисинонимии; ср.: *У всякого Ермишки свои делишки; У всякой лекарки свои припарки; У всякого скомороха свои погудки* [Левин, 1984, с. 112].

Согласно В. П. Жукову, у вариантов пословиц при вариативности компонентов сохраняется семантическое тождество, т.е. характер отношений, связей или зависимостей между вещами и явлениями, составляющих логический и структурно-композиционный план паремии, при этом предметно-образный план пословицы может сохраняться полностью или частично [Жуков, 2000, с. 16]. Для определения

вариантности важно установить тождество предметно-понятийного содержания вариантов, то есть тождество смысловых видоизменений по объему выражаемого понятия. Предложенный В. П. Жуковым принцип семантического тождества и понятие «смыслового центра» соотносятся с принципами изучения варьирования в фольклористике, где приняты понятия: «редакция», «запись», «повторные записи», «вариант», «вариация», «версия», «основная версия». Так, вариантами называются тексты одного сюжетного типа. Если варьирование значительно, говорят о вариациях, или версиях, для которых характерен свой набор мотивов, имеются существенные образные и композиционные особенности в текстах одного структурно-сюжетного типа [Добровольская, 2018]. Для настоящего исследования данное понятие вариации представляется особенно важным. Немаловажным является понятие формул в фольклоре. Традиционность, о чем писали А. Н. Веселовский, Б. Н. Путилов, Г. И. Мальцев, предполагает наличие формул, или типических, общих мест. Формулы кодируют «стереотипы, оформляющие ситуации, образы персонажей»; в формулах проявляется эстетическая закономерность фольклора, его «художественный канон» [Мальцев, 1981, с. 13]. Изменяемость переходных мест в том или ином традиционном тексте отвечает творческому характеру исполнения фольклорного произведения; если незначительное варьирование не влияет на основную сюжетную схему, запас поэтических формул и т.п., то говорят о разных записях одного и того же текста. Если типические места определяют стабильность, то переходные места – изменяемость, импровизационный характер фольклора. Однако и типические места подлежат изменению, могут как незначительно, так и существенно варьироваться. Отклонения в фольклорном тексте любого жанра возможны на уровне фонетики, грамматики; существенным отклонением считается лексическое варьирование, особенно изменение лексики (а следовательно, и образов), а также синтаксическое варьирование – прибавление или отсутствие строк в типических местах (а следовательно, изменения в сюжете).

Представляется, что принципы исследования, принятые в фольклористике, соотносятся с лингвистическим описанием структурно-семантических моделей пословиц, выявлением инварианта. Если фольклористика для разграничения вариантов и вариаций использует понятие «структурно-сюжетный тип», то паремиология вводит понятие «структурный тип», или «пословичный тип», который близок понятию структурно-семантической модели и вместе с тем вбирает в себя понятие поэтической структуры пословицы и ее обобщенного значения и основных функций [Кокаре, 1978, с. 28; Селиверстова, 2017, с. 49]. Тем самым, можно заключить, что в паремиологии ведется поиск синтезирующего подхода, который позволит описать языковые изменения в пословицах и определить степень их влияния на семантическое тождество пословиц, образное наполнение и структурно-композиционное строение.

Методология и методика анализа. Для предметного анализа языковых изменений необходимо из всего разнообразия пословиц выбрать конкретный материал. Такой материал в данном исследовании составляют русские пословицы с антропонимами, собранные со всеми ссылками на источники в словаре [Ковшова,

2019]; далее все примеры даются из этого словаря. Цель работы – исследовать влияние изменений, связанных с компонентом-антропонимом, на семантическое тождество пословиц, их образное наполнение и структурно-композиционное строение. В ходе исследования предполагается использовать понятия, принятые в лингвистике и фольклористике: вариант, вариация, образ и др., и вести анализ в соотнесении с научным методом В. П. Жукова. В задачи исследования входит 1) классифицировать виды вариативности антропонимов; 2) определить воздействие изменений антропонима на вариантность пословиц по следующим категориям: а) изменения не нарушают семантическое тождество пословиц, не влияют на предметно-образный и структурно-композиционный план, тем самым, пословицы являются **вариантами**; б) изменения не нарушают семантическое тождество пословиц, но воздействуют на предметно-образный и структурно-композиционный план пословиц, вносят существенные смысловые и экспрессивные добавки и/или создают композиционные изменения, что позволяет квалифицировать пословицы как **вариации**; в) изменения обуславливают нарушение семантического тождества пословиц, которые определяются как **автономные единицы**.

Анализ материала. Вначале отметим роль антропонимов в пословицах, кратко обозначим их знаковые функции. В составе пословиц компоненты-антропонимы не выполняют присущую онима идентифицирующую и референтную функции (за исключением прецедентных имен). Выбор антропонимов в пословице обусловлен, как правило, их фонетическими характеристиками; они используются для создания рифмы, ритма, размера. В то же время антропонимы в пословицах принимают на себя культурно-языковые функции – собирать социальные типы, группировать и обобщать характеры, поведенческие типажи; см. подробнее [Ковшова, 2019а]. С появлением онима начинается маленькая пословичная «пьеска», сюжет которой часто ограничивается основной характеристикой персонажа; ср.: *Велика Федора, да дура*; реже в пословице в свернутом виде представлено действие обобщенного вневременного характера; ср.: *Не идёт Федора за Егора; а Федора идёт, да Егор-то (Егорка) не берёт*. Некоторые антропонимы приобретают прочную «пословичную» коннотацию; ср.: *Федул* ('недовольный', «чего губы надул»), *Макар* ('невезучий', «на бедного Макара») и др. Многие онимы входят в состав пословиц со своим смысловым «ореолом», это имена, известные по сказкам, лубочным картинкам, сатирическим песням (*Емеля, Фома, Ерёма, Иван*); это мифологические, религиозные, исторические имена (*Курилка, Адам, Ева, Егорий, Кутузов*). В семантизации пословиц участвуют «говорящие» имена (*Дарыш, Купиш, Авоська* и др.). На функцию типизации и обобщения указывают кванторы всеобщности (*всяк, всякий, наш* и др.) и показатели количества; ср.: *Всяк Аксён про себя умён. У всякого Ермишки свои делишки. Наш Андрей никому не злодей. Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванова* (*Романы* здесь – обобщающая форма для названия цыган, *Иваны* – русских). В паремиях изредка встречаются производные от онима апеллятивы: в тавтологических конструкциях, в характеризующей предикации, в притяжательной форме; ср.: *Нашего Егорья не объегоришь. И я адам, и ты адам, и все мы адамы. Она просаввилась,*

проварварилась (всё прогулять в праздники св. Саввы и св. Варвары). *Широки рукава, видно, что с трубецкого двора.*

Исследуем антропонимические компоненты в пословицах на предмет их вариативности; перечислим виды вариативности антропонимов и проанализируем влияние тех или иных изменений антропонимов на сохранение или нарушение тождества пословиц.

I. Оним/формы онима

Фонетическая, фонологическая вариативность онима отражает особенности диалектных и народных форм личных имен и не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный и структурно-композиционный план. Ср.: *Нашего Абросима (Обросима) невесть куда забросило. Худ мой Устин, да лучше с ним; Худ мой Устим, да лучше с ним* и др.

Морфемная и словообразовательная вариативность онима также не нарушает семантическое тождество пословиц, существенно не влияет на предметно-образный план пословицы, но может привносить в семантику пословиц эмоционально-оценочный компонент. Ср.: *Манюшку (Маняшку) манят, дак города сулят. Не идёт Федора за Егора; а Федора идёт, да Егор-то (Егорка) не берёт.* Вариативность кодифицированной формы личного имени и его народных форм также не нарушает семантическое тождество пословиц; ср.: *Георгий с мостом, а Никола с гвоздём; В осень Егорий с мостом, Никола с гвоздём.*

Грамматическая вариативность онима не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на предметно-образный план, вносит разнообразие в структурно-композиционный план, демонстрирует разные ракурсы описания. Ср.: *Лёвке всё ловко; У Лёвки всё ловко. Каков Савва, такова ему и слава; По Савве и слава.*

Во всех перечисленных случаях представлены **варианты** пословиц.

II. Оним/оним

Лексическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, их предметно-образный и структурно-композиционный план. Это наиболее представительная подгруппа вариантов, в которой участвуют онимы различных форм и структур. Субституты данной подгруппы часто указываются в скобках при одной пословице. Ср.: *Живёт Ермошка (или: Игошка): есть собака да кошка. Худ Роман (Иван), коли пуст карман. Филипп пирует, а кума горюет; Фома пирует, а кума горюет. Охнула Татьяна, напоив мужа пьяна; Ахнула Ульяна, увидела мужа пьяна. Хоть Ивановна, да не корыстна; и Ивановна, да нам надобна; Хоть Кузьмишна, да не корыстна; и Ивановна, да нам надобна. Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная Прасковья; Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья. У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Как у Сенюшки две денежки – так Семён да Семён, а у Сенюшки ни денежки – ни во что Семён.*

Важно отметить отдельные примеры вариативности, когда один вариант общеизвестен, а другой ограничен в употреблении или устарел. Ср.: *По Сеньке [и] шапка, по Ерёме [и] колпак; По Афоньке шапка, по Ерёмке колпак. Узнаешь Кузькину мать, в чём она ходит; Узнаешь Ерёмину мать, как её звать. Вчера Макар огороды*

(гряды) копал, а ныне Макар в воеводы попал; Прежде Кузьма огороды копал, а ныне Кузьма в воеводы попал. Хватит Мирошка (или: Кондрашка, смерть), далече уйдёшь. Благодаря методу семантической аппликации легко обнаружить смысловой и экспрессивный «перевес» общеизвестных пословиц, антропонимы в которых стали прецедентными именами; в данных случаях следует говорить о **вариациях**.

Лексико-морфологическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, но различных по роду. Ср.: У ленивой Федорки на всё отговорки; У лентяя Федорки всегда отговорки; У ленивого Егорки на всё отговорки. По Сеньке шапка, по Малашке шлык; По Ерёме шапка, по Сеньке кафтан. У солдата Яшки таковы замашки; У всякой Пашки свои замашки. Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная. Сидор Карпу родной Терёх. Данный вид вариативности не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на структурно-композиционный план, хотя вносит некоторые изменения в образный «рисунок» пословиц. Тем не менее, эти изменения нельзя признать существенными, поскольку показателем предела варьирования является противопоставление признаков, различающих значения. В отношении семантики пословиц признаки мужского рода/женского рода не выступают как различительные, поскольку референтами в семантической структуре пословиц выступают не лица, а определенные свойства лиц. Тем самым, следует говорить о **вариантах** пословиц.

Лексико-синтаксическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, выражается в формальной замене онимов и изменении синтаксических конструкций. Ср.: *Эх, Кипрей, не нашёл ты дверей! Фаддей не нашёл в избе дверей.* Данный вид вариативности не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный план, но вносит небольшое разнообразие в структурно-композиционный план **вариантов** пословиц.

Лексическая вариативность онимов, не сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, но существенно воздействует на их предметно-образный план; каждый оним задает свою рифму, которая по-своему развивает содержание; тем самым, образуются **вариации**. Ср.: *В людях Ананья, а дома каналья; У людей Илья, а дома свинья.*

Синтаксическая вариативность онимов, связанная с видоизменением их количества, приводит к существенным структурно-композиционным изменениям, влияющим на расширение сюжета, как правило, с помощью равноструктурных звеньев. Данный вид вариативности, согласно принципу аппликации В. П. Жукова, нарушает семантическое тождество пословиц, что дает право говорить о **вариациях**. Ср.: *По Ивашке и рубашка; По Сеньке – и шапка, по Ерёмке – колпак, а по Ивашке – и рубашки. Шемякин суд; Это Сидорова правда, да Шемякин суд* (связано с именем несправедливого князя Дм. Шемяки (XV в.), с произволом и беззаконием феодального суда). К данной подгруппе, на первый взгляд, относятся также примеры отсутствия/наличия онима. Однако все примеры представляют собой **автономные единицы**, между которыми, несмотря на общие типические места, нет семантического тождества; ср.: *Помутилась вода с песком (о ссоре супругов)* [Даль, 1957, с. 372]. *Бился Лука с Петром, помутилась вода с песком* [Ковшова, 2019, с. 162].

III. Оним/апеллятив

Лексическая вариативность оним/производный от него апеллятив не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный и структурно-композиционный план; ср.: *Друг всем Макарам (рыболовам), а ухи не видал. Друг всем макарам, а ухи не видал.*

Лексическая вариативность оним/апеллятив, сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, но оказывает воздействие на предметно-образный план, а также вносит смысловые и экспрессивные добавки в семантику пословиц, что позволяет говорить о **вариациях**. Так, варьируются гендерно маркированные компоненты в пословицах, основанных на противопоставлении по полу; ср.: *Флор плачет, а жена скачет; Муж пашет (плачет), а жена пляшет (скачет)*. Апеллятивные варианты, как правило, акцентируют семантические признаки, усиливают экспрессию пословиц. Например, компоненты *муж* или *жена* появляются вместо антропонимов в тех случаях, когда в пословице акцентируется смысл 'тесная связь, подобная по силе семейной связи'. Ср.: *Иван играет, а Марья с голоду умирает; Жена умирает, а муж со смеху помирает*. Компонент *матушка*, замещающий антропонимы в пословице, акцентирует сему ближнего родства, данный образ усиливает смысл иронического сомнения; ср. *Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья; Его-то матушка моей-то матушке двоюродная Парасковья*. Взаимозаменяемость онимов *Марья*, *Малашка* и компонента *жена* и более широкого по семантике *баба*, или онимов *Иван*, *Флор* и компонента *муж* подтверждает присущую антропонимам функцию типизации по гендерным признакам. Ср., например: *По Сеньке шапка, по Малашке шлык; По Сеньке и шапка, по бабе и шлык*. Безусловно, данный вид вариативности определяется формальными признаками субститутов, которые рифмуются, совпадают по размеру или ритму в тексте; ср.: *У всякого Гришки (попишки) свои делишки*. Однако подобные замены существенно воздействуют на предметно-образный план пословиц, а также вносят свои смысловые и экспрессивные добавки, что и приводит к возникновению вариаций. Так, компонент *чёрт* является экспрессивным субститутом в отношении антропонимического компонента *Борис*; ср.: *Мерили Борис да Тарас, и бечева порвалась; Мерили чёрт да Тарас, у них верёвка оборвалась. Чёрт говорит: давай свяжем! А Тарас: давай так скажем!* Материал показывает, что в пословицах метод семантической аппликации требует уточнений. Так, в пословицах возможна субституция тематически неоднородных компонентов – онимов, именующих лицо, и апеллятивов, именующих предметы, животных. В псевдосемантические отношения входят антропоним – несемантический знак языка, который в пословице наполняется значением тех или иных свойств социального типа, и наименования животных или предметов, референтами которых в пословице являются те или иные свойства, переносимые на лицо, человека. Ср.: *У всякой Пашки (пташки) свои замашки. Со всем Максим, и шапка с ним (и Аксинья с ним)*. Если в первом примере субституция имеет явно формальный, возникший по созвучности характер, то во втором можно предполагать связанные с шапкой и с Аксиньей (женой) соизмеримо ценностные смыслы, существующие в костюмном и семейном кодах традиционной культуры.

Пословицам данной подгруппы свойственно «пренебрежение» и другими правилами вариантности. См. примеры субституции неодушевленного апеллятива и одушевленного онима: *По бороде Авраам, а по делам – Хам; С бороды как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан*. В первом тексте нейтрализуется противопоставление оним *Хам* – апеллятив *хам*; со значением апеллятива сближается переносное значение номинации *сосновый чурбан* – ‘бесчувственный’. Также нередки примеры, когда личное местоимение выступает субститутым личного имени, тем самым, «игнорируется» принцип морфологической идентичности вариантов – принадлежности к одной части речи. Ср.: *Кого мимо, а меня (а Мину) в рыло*.

Лексико-морфологическая вариативность оним/апеллятив, сходных по фонетическим характеристикам, но различных по роду или числу, не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их структурно-композиционный план, однако изменение онима на апеллятив вносит существенные образно-смысловые и экспрессивные добавки, что позволяет говорить о **вариациях**. Ср.: *У всякого **Филатки** свои хватки; У всякой **бабки** свои хватки. Потужи о себе, а там и о **других** (и о **Фоме**)*. В последнем примере в силу созвучности нарушается принцип морфологической идентичности, частеречной однородности вариантов.

Лексическая вариативность оним/апеллятив, не сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество вариантов пословиц, но создает особый образно-смысловой «рисунок» в пословицах, что позволяет говорить о **вариациях**. Ср.: *В праздник – Груша, а в будень – клуша; В праздник – белоличка, а в будень – чумичка*. В данных пословицах каждый из онимов задает свою рифму, чем перспективизирует создание образа. Оним *Груша* (народная форма личного имени *Аграфена*) и апеллятив *белоличка* сходятся в обозначении молодой девушки, женщины, которая, по стереотипным представлениям, должна выглядеть опрятно и красиво. *Груша* противопоставляется *клуше*; в переносном значении *клуша* – ‘Дурно одетая или закутанная женщина’ [Даль, 2004, с. 104]. Если *белоличка* и *чумичка* являются контрастными словами и вне пословиц, то семантическая близость слов *Груша* и *клуша* обусловлена исключительно пословичным контекстом и закреплена рифмой.

IV. Отсутствие лексической вариативности

Отсутствует лексическая, основная, по В. П. Жукову, вариативность онимов в пословицах с прецедентными именами святых, религиозных и мифологических персонажей, с табуированными именами, с именами исторических личностей. Ср.: *Авель праведен, а Каин грешен, а оба убиты. Наш Касьян на что ни взглянет, всё вянет. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Не крещён, так и Богдан* (о незаконнорожденном). *Александр храбр, а от худого умре* (Александр Македонский по преданию умер от пьянства). Приведем редкие исключения: *Хозяин в дому – что Адам в раю; Хозяин в дому, как Авраам в раю. Хватит Мирошка (или: Кондрашка, смерть), далече уйдёшь. Узнаешь Кузькину мать, в чём она ходит; Узнаешь Ерёмину мать, как её звать. По бороде Авраам, а по делам – Хам; С бороды как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан*.

Нет лексических вариантов у прецедентных имен в пословицах, возникших на основе крылатых выражений; ср.: *Что позволено Юпитеру, то не позволено быку*. Нет лексических вариантов у антропонимов с «говорящей» внутренней формой; ср.: *Не гордись, Гордей, ты не лучше людей*. Отсутствие лексического варьирования у прецедентных имен и «говорящих» антропонимов в пословицах является важным критерием для того, чтобы считать такие единицы **автономными**.

Однако отсутствие лексических вариантов у онимов не отменяет возможность варьирования их форм; ср. **варианты**: Нынче Подари умер, а остался брат его Купи; Дарило умер, остался один Купило. Что у волка в зубах, то Егорий дал. Что у волка в зубах, то Георгий дал (на св. Георгия 23 апреля первый выгон скота). Синтаксическое (количественное) варьирование таких онимов в текстах оказывает существенное влияние на образно-смысловой «рисунок» и структурно-композиционный план пословиц, что позволяет считать их **вариациями**; ср.: Дариш уехал в Париж; Дариш уехал в Париж, а Дай поехал в Китай.

Результаты анализа. Исследование антропонимических компонентов на предмет их изменений позволило классифицировать виды вариативности антропонимов и определить степень их воздействия на вариантность пословиц. Изменения антропонимического компонента в I группе «оним/формы онима» связаны с планом выражения одного и того же имени и не воздействуют на семантическое тождество, на предметно-образный и структурно-композиционный план пословиц, которые являются вариантами. В группе II «оним/оним» большинство изменений связано с фонетическими характеристиками антропонимов, которые своей формой перспективизируют образно-смысловой «рисунок» пословиц, что позволяет считать их вариациями. В III группе «оним/апеллятив» большинство видоизменений антропонимов также ведет к признанию пословиц вариациями. В IV группе прецедентное имя и «говорящие» имена входят в пословицу со своим смысловым «багажом», который составляет основу ее семантизации, тем самым, обеспечивается автономность единиц и высокая степень их устойчивости.

Выводы. Тема вариативности в паремиологии может исследоваться с помощью синтезирующего подхода, призванного объединить определенные принципы и понятия лингвистики и фольклористики. Классификация видов вариативности компонентов-антропонимов показала степень их воздействия на семантическое тождество пословиц, сохранение или изменение предметно-образного и структурно-композиционного планов. Кроме лексических замен в вариантную парадигму антропонимического компонента вовлекаются его фонетические, морфемные, словообразовательные, грамматические формы. Виды вариативности в пределах одного антропонима не нарушают семантическое тождество пословиц, не снижают высокую степень их языковой, образной и структурной тождественности. Другие виды вариативности антропонимов в пословицах существенно воздействуют на предметно-образный и структурно-композиционный план, вносят смысловые и экспрессивные добавки, образуют количественные изменения, что приводит к возникновению вариаций – промежуточного звена между вариантами и автономными пословицами. Несмотря на то, что заменяемые компоненты оним/оним, оним/апеллятив, как

правило, объединены по родовому признаку – ‘человек’, именно семантическое наложение выявляет их различный образно-смысловой и экспрессивный «рисунок» в семантике пословиц, что позволяет говорить о вариациях. Если варьирование антропонима связано с образованием новой рифмы, размера и ритма, это неизбежно обновляет пословицу, преобразует ее формальный и содержательный план. Прецедентному имени с присущими ему устойчивыми смыслами принадлежит определяющая роль в семантизации пословиц; прецедентные имена в пословицах не имеют лексического варьирования, за исключением считанных случаев. Можно заключить, что прецедентное имя в пословице особенно способствует языковой, семантической и образной «сплоченности» других компонентов, а чем «сплоченнее» компоненты, тем «меньшей вариантностью» обладает пословица [Жуков, 1972, с. 24].

Литература

- Аникин, В. П. (1988). *Русские пословицы и поговорки*. Москва: Художественная литература.
- Даль, Вл. (1957). *Пословицы русского народа*. Москва: Гос. изд. худож. лит.
- Даль, В. И. (2004). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах. Т. II. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.
- Добровольская, В. Е. (2018). «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции). *Современные методы и подходы в изучении современной народной культуры. Из истории русской фольклористики*. Санкт-Петербург, 10, 226–238.
- Жуков, В. П. (1964). О смысловом центре фразеологизмов. *Проблемы фразеологии. Исследования и материалы* (с. 140-141). Москва-Ленинград.
- Жуков, В. П. (1972). Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне. *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968)*. Тула: ТПУ им. Л. Н. Толстого, 2, 20-29.
- Жуков, В. П. (1986). *Русская фразеология*. Учебное пособие для вузов. Москва: Высшая школа.
- Жуков, В. П. (2000). Искусство слова в пословицах и поговорках *Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип*. Москва: Русский язык.
- Ковшова, М. Л. (2019). *Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах*. Москва: ЛЕНАНД.
- Ковшова, М. Л. (2019а). *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры*. Москва: ЛЕНАНД.
- Кокаре, Э. Я. (1978). *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*. Рига.
- Левин, Ю. И. (1984). Провербиальное пространство. *Паремнологические исследования: Сборник статей. Сост. и ред. Г.Л. Пермяков* (с. 109-126). Москва: Глав. ред. вост. лит-ры.
- Мальцев, Г. И. (1981). Традиционные формулы русской необрядовой лирики (к изучению эстетики устнопоэтического канона). *Русский фольклор. XXI. Поэтика русского фольклора* (с. 13–37). Ленинград: Наука.
- Пермяков, Г. Л. (1975). К вопросу о структуре паремнологического фонда. *Типологические исследования по фольклору* (с. 247–274). Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит.
- Савенкова, Л. Б. (2022). *Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: изд-во Ростов. ун-та.

References

- Anikin, V. P. (1988). *Russian proverbs and sayings*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)
- Dal', V. I. (2004). *The Explanatory dictionary of the living great Russian language in four volumes*. Vol. II. Moscow: OLMA-PRESS Publ. (In Russian)
- Dal', Vl. (1957). *Russian proverbs*. Moscow: Gos. izd. khudozh. lit. Publ. (In Russian)
- Dobrovolskaia, V. E. (2018). "Nut-tree branch": Narrative type edition SUS 425S "The Scarlet Flower" (a fairytale of Lithuanian Old Believers in the context of Russian fairytale tradition). *Contemporary methods and approaches in folklore culture studies. Excerpts on the history of Russian folklore studies*. Saint Petersburg, 10, 226–238. (In Russian)
- Kokare, E. Ia. (1978). National and international in Lettish proverbs and sayings. Riga. (In Russian)
- Kovshova, M. L. (2019). *Dictionary of personal names in Russian riddles, proverbs, sayings, and idioms*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian)
- Kovshova, M. L. (2019a). The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. *Anthroponomical culture code*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian)
- Levin, Iu. I. (1984). Proverbial space. *Paremiological studies: collection of articles*. Ed. By G.L. Permiakov (pp. 109-126). Moscow: Glav. red. vost. lit-ry Publ. (In Russian)
- Mal'tsev, G. I. (1981). Traditional formulae of Russian non-ritual lyrics (on the research of aesthetics of oral poetry canon). *Russian folklore. XXI. Poetics of Russian folklore* (pp. 13–37). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)
- Permiakov, G. L. (1975). About the structure of paremiological fund. *Typological studies of folklore* (pp. 247–274). Moscow: Nauka Publ., Ed. vost. lit. Publ. (In Russian)
- Savenkova, L. B. (2022). *Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects*. Rostov-on-Don: Rostov. un-t. Publ. (In Russian)
- Seliverstova, E. I. (2017). *The space of Russian proverbs: variability and invariability*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian)
- Teliia, V. N. (1972). Variability of idioms and principles of variation identification. *The issues of stability and variability of phraseological units. Materials of inter-university symposium* (1968). Tula: TSPU. 2, 30-69. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1964). About a semantic centre of phraseological units. *Phraseology issues. Research and material* (pp. 140-141). Moscow-Leningrad. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1972). About stability and variability of phraseological units at the semantic level. *The issues of stability and variability of phraseological units. Materials of inter-university symposium* (1968). Tula: TSPU. 2, 20-29. (In Russian)

Селиверстова, Е. И. (2017). Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Москва: Флинта; Наука.

Телия, В. Н. (1972). Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов. *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968)*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2, 30-69.

Zhukov, V. P. (1986). *Russian phraseology*. A study guide for university students. Moscow: Vysshaia shkola Publ. (In Russian)

Zhukov, V. P. (2000). *The art of words in proverbs and sayings. A dictionary of Russian proverbs and sayings*. 7th ed., RP. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Ковшова, М. Л. (2021). Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 20–32. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32

For citation:

Kovshova, M. L. (2021). Variability of Russian proverbs with an anthroponym component. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 20–32. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32

Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления

А. Н. Сперанская

Writing and Calligraphy in Proverbs: Russian-Chinese Comparisons

A. N. Speranskaya

Алевтина Николаевна Сперанская — кандидат филологических наук; Институт иностранных языков и литературы, университет Ланьчжоу, Ланьчжоу, Китайская Народная Республика. E-mail: alsperanskaya@yandex.ru

Alevtina N. Speranskaya – candidat of Philological Sciences; School of foreign languages and literature, Lanzhou University, Lanzhou, Gansu Province, P. R. China
ORCID: 0000-0002-0712-1337

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

Работа посвящена сопоставлению двух групп паремиологических текстов на тему письма (рукописной записи) и каллиграфии. В статье представлено описание специфических характеристик написанного текста в русской и китайской культурах. Русские паремийные тексты о письме связаны с грамотностью, так как грамотный – это тот, кто умеет читать и писать. Умение писать получает в паремиях высокую оценку. Письмо требует интеллектуальных усилий: *Не пером пишут, а умом*. С письмом соединена способность понимать. Письменный текст в паремиконе связан с государственными или социально значимыми структурами, что воплощено в лексеме закон, который создается в процессе написания. В паремиконе закреплена мысль о невозможности исправить написанное. Четкость написания и разборчивость почерка – едва ли не самые важные критерии при оценке письменного текста, что объясняется прагматической установкой: текст должен легко читаться, а небрежная манера письма затрудняет понимание написанного. Важность нормы утверждается за счет «отрицательных примеров», содержащих большое количество шуточных сравнений. Основное свойство «нормального» письменного текста – грамотность и гладкость изложения. Ценность написанного слова не абсолютная, а ситуативная. Китайское каллиграфическое письмо ориентировано, скорее, на пишущего, оно является способом самовыражения человека. Овладение каллиграфией – длительный процесс, так как каллиграфия помогает воспитывать характер. Практика каллиграфического написания сравнивается с отработкой удара. Предшествует написанию обдумывание того, что каллиграф хочет изобразить. Каллиграфия несет отпечаток личности пишущего. Многочисленные тексты с положительной оценкой: в паремиях говорится о красивой, изящной, хорошей каллиграфии, а также о свободном, легком, смелом, сильном, мускулистом, твердом и пр. письме. Национальная специфика выражается в использовании природного кода, зоонимического и метеорологического, как образного ресурса при описании каллиграфии.

Ключевые слова: паремия, пословицы и поговорки, чэньюй, письмо, каллиграфия, русско-китайские сопоставления

This work is focused on the comparison of two groups of paroemiological texts devoted to writing (handwriting) and calligraphy. The article gives the description of the specific characteristics of the written text in Russian and Chinese cultures. The Russian paroemial texts about writing are connected with the literacy, as the literate person is the one who can read and write. The ability to write is highly valued in the paroemias. Writing demands intellectual effort: *One writes not with a pen, but with the mind*. The ability to understand is connected to writing. The written text in the paroemicon (collection of paroemias) is connected to state or socially significant structures, which is embodied in the lexeme “law” created in the process of writing. The paroemicon enshrines the idea that it is impossible to correct what is written. Accuracy and legibility of handwriting are almost the most important criteria in evaluating a written text which is explained by pragmatic rules: a text should be easy to read, and a careless writing impedes understanding of what is written. The importance of norm is asserted through “negative examples”, containing a large number of humorous comparisons. The main characteristic of “normal” written text is literacy and fluency. The value of the written word is not absolute, but situational. Chinese calligraphy is more oriented on the writer, it is a way of self-expression. Mastering calligraphy is a long-term process, as it builds personality. Practicing calligraphy is compared to practicing a punch. Before writing the calligrapher first thinks about what he wants to inscribe. Calligraphy carries the imprint of a writer’s personality. There are numerous texts with positive evaluations: proverbs say about beautiful, graceful, good calligraphy and also about free, easy, brave, strong, muscular, firm and other writing. The national specificity is expressed in the use of natural, zoonimic and meteorological, cultural codes as a figurative device in describing calligraphy.

Keywords: paroemy, proverbs and sayings, Chengyu, writing, calligraphy, Russian-Chinese comparisons

УДК 003.212:003.077(470+510)

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. В сопоставлении паремиологических корпусов выделяют несколько направлений. Во-первых, лингвострановедческое (в современной терминологии – межкультурное), которое служит выявлению сходства, установления степени эквивалентности и пр. (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, В. Н. Телия и др.). Другое –

социолингвистическое: описание реалий и социальных условий, отражённых в паремии. Третье направление решает задачу экспликации в паремии её национально-культурной специфики: символики и универсалий, а также так называемых культурных концептов. Наконец, ещё одно направление: имея представление о закономерностях постижения мира человеком, увидеть механизм отражения этих результатов в паремиях и сформулировать их, опираясь на терминологический аппарат когнитивной лингвистики.

Цель настоящей статьи – сравнение русского и китайского паремикона о письме, письменном тексте и каллиграфии с целью обнаружения национальных и культурных особенностей, которые отражены в этих текстах. Данное направление изучения точнее всего будет назвать этнокультурным. В нем сочетается интерес к реалиям материального и духовного мира этноса и внимание к тем логико-семантическим умозаключениям, которые можно «вычитать» из текста паремий, и которые отражают национальную картину мира.

Предлагаемое исследование посвящено анализу устойчивых языковых единиц о письме и каллиграфии. Тем самым продолжаются две традиции изучения: определенного паремикона (группы паремий на одну тему) и письменной фактуры текста.

История вопроса. Сопоставительные русско-китайские работы, посвященные анализу устойчивых речевых единиц, не столь многочисленны. Это прежде всего работы [Бо Лю, 2009; У Вэй, 2012; Коробейникова и др., 2015; Шитов, Мао, 2015; Салимова, 2018; Цзюй, 2018] и др., а также коллективная монография [Россия – Китай, 2014]. В них показано национально-культурное своеобразие паремий и фразеологизмов о здоровье, болезни, зиме, о человеке, об образах животных и т.д., но не представлен анализ народных речений, посвященных письму как виду речевой деятельности и каллиграфии как искусству оформления знаков, где ценятся гармония и виртуозность исполнения.

Русским паремиям о письме посвящены статьи [Сперанская, 2014; 2015]. Алфавитная идиоматика, то есть буквы алфавита, которые стали не только техническим средством письма, но и особым культурным текстом, в котором имена разных букв приобретают фразеологизированные значения, рассмотрена в [Шмелева, 2004; 2005]. Таким образом, русско-китайские сопоставления паремиологических текстов, посвященных письму и каллиграфии, имеют в отечественной лингвистике пока небогатую базу изучения.

Для обозначения китайских устойчивых выражений используется несколько терминов. «Долгое время в китайской фразеологии все единицы обозначались словом «чэньюй» 成语 (дословно «готовое выражение»). Под этим термином подразумевались

не только собственно чэньюй как вид фразеологизмов, но и всякого рода устойчивые выражения, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, афоризмы» [Гнездилова, Глинкин, 2016: 60]. В современной литературе содержится следующая типология китайских фразеологических единиц: чэньюй – идиома; сехоуэй – недоговорка-иносказание; яньюй – пословица; суюй – поговорка, поговорка; гуаньюньюй – фразеологическое сочетание. Однако специфика китайской фразеологии такова, что эти термины соотносятся лишь условно с принятыми в отечественном языкознании (см. об этом: [Войцехович, 2007; Арикеева, 2020; Коробейникова и др., 2015; Чжан М., Саяхова, 2017]).

Включенный в статью материал принадлежит к паремиологическим единицам, как их понимал Г. Л. Пермяков [Пермяков, 1970], подчеркивая единство разнородных устойчивых языковых единиц и объединяя их свойствами: клишированность, сжатость, общедоступность, широкое бытование «в народе».

Особенность паремийных суждений в том, они трехмерны: паремию можно рассматривать а) как часть языковой системы (тогда паремия – устойчивое сочетание, в котором отражается языковая картина мира этноса); б) как элемент мысленной деятельности (тогда паремия – логическая единица, выражающая те или иные суждения); в) как фольклорный жанр – художественную миниатюру, в которой ярко обобщаются факты окружающей действительности.

Китайские чэньюй можно назвать народными суждениями по широте распространения и употребления, однако «происхождение чэньюев различное: некоторые пришли из исторических преданий, притч, философских трактатов; другие созданы на основе устоявшихся привычных выражений... Количество знаков в чэньюе может варьироваться, но наиболее часто встречающиеся – четыре иероглифа» [Десять чэньюев, 2021]. Для современного китайца владение чэньюями – признак как отличного знания древней культуры, так и хорошего слога, поэтому «в своей устной и письменной речи китайцы часто применяют их, что придает убедительности высказыванию, а также является признаком образованности» [Китайские идиомы чэньюй, 2021]. Древность происхождения, использование старого стиля и образная система чэньюев создает большие трудности для понимания и перевода: «Сложность при переводе чэньюя заключается в том, что подчас его смысл непонятен, если исходить из значений входящих в него иероглифов. Наиболее полное его понимание достигается через знакомство с историей, стоящей за ним» [Десять чэньюев, 2021].

Можно привести пример «классического» предьявления читателю чэньюя, принятого в китайской учебной и лексикографической практике:

«За один иероглиф – тысяча золотых (一字千金)»

Эта история была описана Сима Цянем в его труде «Шицзи» («Исторические записи»).

В конце эпохи Борющихся Царств премьер-министр царства Цинь Лю Бувэй с группой своих последователей составил литературный сборник. Книга называлась «Люши Чуньцю», она состояла из двадцати шести глав, которые содержали сто шестьдесят очерков. Всего в книге было двести тысяч иероглифов.

Лю Бувэй был очень доволен своим творением. Он приклеил к городским воротам Сяньяна свитки книги и объявил, что тот, кто сможет добавить к написанному хоть один иероглиф или, наоборот, убрать хоть один лишний, тот получит тысячу золотых монет. Естественно, никто не отважился выступить в роли критика такого могущественного чиновника, каким был Лю Бувэй.

Идиома «За один иероглиф – тысяча золотых» стала применяться к литературному произведению, когда хотят подчеркнуть изысканность и совершенство языка, которым оно написано» [За один иероглиф – тысяча золотых, 2021]. См. также сборник Сунь Чжичжэн «Китайские идиомы» (2017).

Методология и методика анализа. Методом сплошной выборки были сформированы два корпуса паремий, объединенных одной темой. При этом проводился контекстуальный анализ значения слов в контексте всей паремии. Когнитивный анализ позволил выявить смыслы паремий и выделить главные смысловые компоненты.

Ведущими методами исследования стали описательный и сопоставительный. Описательный метод использовался при анализе собранных языковых единиц. Важной составной частью описательного метода стало наблюдение, сущность которого заключается в выделении единиц описания. Далее была задействована интерпретация, которая представляет собой толкование результатов наблюдения.

Метод сравнения, взаимного соотнесения позволил сопоставить два различных паремикона для установления их общих и уникальных черт. Сопоставительный метод, базируясь на синхронии, старается установить различное, присущее каждому языку в отдельности. Целью сопоставительного исследования языков становится определение контрастов и различий своего и чужого. Сопоставляя близкие по содержанию тексты разных лингвокультур, мы обнаруживаем как различия, так и сходства. В сопоставительный анализ входит «выявление сходств, различия и соотношения не только структуры, но и содержания текстов», не только текстов «как целостных образований, но и сопоставление отдельных элементов этих текстов» [Комиссаров, 2009, с. 17–18]. Таким образом, полученная в ходе исследования информация не противопоставлялась, а именно сопоставлялась в рамках своего языка и чужого: производилось сопоставление русской паремиологической картины мира с аналогичной в китайском языке.

Анализ материала и результаты исследования. Материал настоящего исследования взят из двух основных источников: «Словаря русских пословиц и поговорок» В. И. Даля и Большого китайско-русского словаря. Картотека составила более 40 русских единиц и примерно столько же китайских. В работе приведен не весь собранный корпус паремий о письме и каллиграфии, опущены некоторые синонимические варианты с незначительными лексическими заменами.

Русский паремикон

Русские паремии о письме (рукописном тексте) не столь многочисленны. При этом они распределены в сборнике В. И. Даля по разным тематическим группам: «Грамота» и «Язык – речь». В них присутствует либо предикат *писать*, либо обозначение материала и технического средства – *перо*, *бумага*. Однако некоторое

количество паремий, в которых нет данных лексем, все же относятся к теме. Это тексты, связанные с грамотностью, так как грамотный – это тот, кто умеет читать и писать.

Умение писать получает в паремиях высокую оценку: *Спать не писать – только глаза зажаты* (т.е. немудрено. Здесь и далее в скобках и без курсива – пояснения, сделанные В. И. Далем). В поговорке *Побольше грамотных, поменьше дураков* ценность навыка выражена в противопоставлении «грамотный (умный)» – «дурак». Необходимость и польза письма показана в таком дидактическом наставлении: *Грамоте учиться всегда пригодится*. В тексте *Учился читать да писать, а выучился петь да плясать* расставлены приоритеты: владение грамотой оказывается важнее. Хотя, как это часто бывает в паремиконе, представлена и обратная ситуация, когда *И сам тому не рад, что грамоте горазд*.

Письмо требует интеллектуальных усилий: *Не пером пишут, а умом*. Таким образом, с письмом соединена способность понимать. В ироничном выражении *Я, брат, писать умею, а читать не смыслю* письмо и чтение/понимание разделены, что и создает комический эффект.

Создание письменного текста считается делом нетрудным по сравнению с крестьянским трудом: *Перо сохи легче; Грамотей – не пахарь* (не работник).

Письменный текст в паремиконе связан с государственными или социально значимыми структурами. Они воплощены в лексеме *закон*, который создается в процессе написания: *Про нужду закон не писан* (ср. *Нужда закона не знает*); *Дураку закон не писан*; *Больному да дорожному закон не писан* (о poste).

Отношение к написанному скорее несерьезное, если письмо (рукописный текст) представляет собой некий официальный документ: *Бумага терпит, перо пишет; Перо скрипит, бумага молчит*. Отсюда – недоверие: *При нас читано, да не при нас писано; Врет, что по-писаному*.

Впрочем, существует паремия и о другом отношении к написанному: *Он крест кладет по-писаному* (т.е. вежлив, общителен): она отсылает к письменному тексту, который оценивается как важный, так как включает правила вежливого обращения.

В паремиконе закреплена мысль о невозможности исправить написанное: *Быть по-сказанному, что по-писаному; Что написано пером, того не вырубишь топором; Напишешь пером, не стешешь (не вырубишь) топором; Написано пером, не вырубишь топором; Напишешь пером, что не вывезешь волом*.

Четкость написания и разборчивость почерка – едва ли не самые важные критерии при оценке письменного текста, что объясняется прагматической установкой: текст должен легко читаться, а небрежная манера письма затрудняет понимание написанного. Важность нормы, как это часто происходит в фольклорных текстах, утверждается за счет «отрицательных примеров», в нашем случае – большого количества шуточных сравнений:

плохого почерка – *Писали писаки, а прочтут собаки; Писал писачка, а имя ему собачка; Пишет, как чёрт шестом по Неглинной; Вертит пером, что веретеном (что чёрт крючком, хвостом)*;

мелкого – *Словно маку насеял* (мелкое письмо);

небрежного – *Писал Макарка своим огарком; Письмо – словно куры набродили; Курячы ножки, крючки да присошки;*

неразборчивого – *Писано на решете, с подкладкой полотенца* (неразборчиво).

При написании скорость письма тоже подразумевает некий стандарт: *Пишет, словно разводы разводит* (крупно и медленно).

В этих паремиях ирония направлена не только на «ненормативное» письмо, но и на самого пишущего: *Пиши знай: кому надо – разберёт*. Несерьезное отношение писца к создаваемому тексту отражено в шутовском присловье *Где чихнуть пришлось – запятая; где икнулось – двоеточие, а где табаку понюхать – точка*. Этой приговоркой можно иллюстрировать плохое знание пунктуации: по сути она о безграмотном письме.

Однако основное свойство «нормального» письменного текста – грамотность и гладкость изложения: *По писаному, что по тёсаному*. И поэтому хорошая устная речь сравнивается с письменной: *Говорить по писаному; Говорит, что пишет* ('говорить быстро и без запинок; толково и обстоятельно; выражаться грамотно'). Последняя идиома имеет литературное происхождение: это неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 2, явл. 2) – слова Фамусова о Чацком: «Что говорит! И говорит, как пишет!».

Иногда письменный текст позволяет более свободно выразить пишущему свои мысли: *Язык коснеет, а перо не робеет; Перо смелее (ходчее) языка*. Письмо, убирая барьер личного присутствия собеседника, раскрепощает.

Неопределенность какого-либо будущего события тоже реализуется с помощью действия *писать*, хотя и весьма своеобразным способом: *Это вилами писано (на двое), да еще и на воде. Это вилами писано* (т.е. надвое, неверно); *Его слова на воде писать*. Бесмысленность письма на воде создает емкий образ неясного прогноза или неоправданного ожидания маловероятного события. Надо иметь в виду, что текст восходит к мифологическим воззрениям и ритуальным действиям славян, которые в паремии получают ироничную оценку.

Так какое оно, написанное слово, в русском паремиконе? Оно разное, и его ценность не абсолютная, а ситуативная. Анализ паремий позволил сформулировать следующие утверждения: письмо связано с грамотностью (одно признак другого) и с интеллектуальными усилиями («пишут умом»); одно из важных свойств письменного текста – невозможность переделать написанное; при некоторых обстоятельствах пишущий более свободен в возможности выразить какие-либо мысли; наконец, писать следует разборчиво и понятно.

Китайские устойчивые речения

Китайская каллиграфия – это искусство гармонии, создаваемое балансом черт и пустот между ними, что подвластно только опытному и мудрому человеку.

В выражении *Четыре драгоценности (сокровища. Здесь и далее в круглых скобках – возможные варианты перевода) рабочего кабинета* – 文房四宝 (wén fáng sì bǎo) называются четыре атрибута просвещенного человека – кисть, бумага, тушь и тушечница. Если сравнивать, каков базовый набор инструментов у русского писца, то это будут – перо, бумага и чернила. Как видим, некоторые соответствия есть, однако и

разница налицо. Именно различия в инструментах – кисть и перо – не только самым существенным образом повлияли на способ нанесения письменных знаков, но и сформировали национально-культурную специфику создания и восприятия письменного текста.

Написание иероглифов кистью сформировало культуру каллиграфического письма, в которой главное место занимает красота, а не ясность и понятность написанного. Принято отмечать сходство китайской каллиграфии и живописи, ведь у них общее орудие производства – кисть. Если русская письменная речь ориентирована на читателя, то китайское каллиграфическое письмо, скорее, на пишущего, так как оно – один из способов самовыражения человека, который одновременно и каллиграф, и художник. Однако каллиграфия все же письмо, результат которого – текст, предназначенный для чтения и любования.

Мысль о том, что овладение каллиграфическим искусством – длительный процесс, отражена в нескольких устойчивых выражениях.

Чтобы достичь каллиграфического мастерства, необходимо «исписать» немало кистей: *Изношенные кисти образуют холм* – 败笔成丘 (bài bǐ chéng qiū). У паремии два значения: так отзываются о прекрасной каллиграфии либо об авторе, написавшем большое количество произведений.

Если хотите писать хорошо, надо долго тренироваться (Каллиграфия выполняется в одночасье, но требует много времени, энергии и упражнения; Каллиграфия помогает воспитывать характер) – 字无百日功 (zì wú bǎi rì gōng).

Если вы хотите писать красиво, вам нужно тренироваться, если вы хотите ездить верхом, вам тоже нужно упражняться (букв.: Слова боятся практики, лошади боятся верховой езды) – 字怕练, 马怕骑 (zì pà liàn, mǎ pà qí).

Практика каллиграфического написания сравнивается с отработкой удара: *Удар для борьбы, слова для практики (Удар кулаком требует практики, и слова нуждаются в практике)* – 拳要打, 字要练 (quán yào dǎ, zì yào liàn). Общее в том и в другом случае – необходимость выработать твердость руки и точность нанесения удара противнику или иероглифа на бумагу.

Замечание о практической пользе хорошей каллиграфии зафиксировано в древней паремии, смысл которой можно передать следующим образом: *Многие <люди> из-за хорошей каллиграфии просят написать <других>, так как сами не могут, и делают долги* – 墨债山积 (mò zhài shān jī). Понять появление чэньюя помогает историческая справка: в Древнем Китае богатые люди должны были иметь библиотеку, что было не просто престижно, но говорило о статусе человека. Тот, кто сам не умел хорошо писать, вынужден был покупать произведения литературы, выполненные известными каллиграфами, и стоили такие тексты больших денег. Вот почему сложилась паремия о долгах тех, кто не владеет каллиграфией.

Кто уже владеет каллиграфией, тому не важно, какой кистью он пишет, так как зрелый мастер не зависит от инструмента: *Те, кто хорошо разбирается в каллиграфии, не выбирают ручку* – 善书者不择笔 (shàn shū zhě bù zé bǐ).

Значение 'мастерски владеть каллиграфией' присутствует в поговорках: *Писать шилом на песке* – 如锥画沙 (rú zhuī huà shā); *Ручка прекрасная, а чернила замечательные* – 笔精墨妙 (bǐ jīng mò miào) в значении 'шедевр (литературы, каллиграфии, живописи)'; *Луань* (сказочная птица в китайской мифологии) *летит в небесах, а феникс нашёл себе пристанище* – 鸾飘凤泊 (luán piāo fèng bó) – многозначный текст, который употребляется в двух значениях: 1) о разлучённых или разошедшихся супругах; 2) о шедеврах каллиграфии; наконец, чэньюй 丁真楷草 (dīng zhēn kāi cǎo), в которой перечислены четыре стиля каллиграфии, содержит смысл 'человек <настолько> искусен, <что> может писать в разных стилях'.

Предшествует написанию обдумывание того, что каллиграф хочет изобразить: *Подумайте, прежде чем писать* – 意在笔先 (yì zài bǐ xiān).

То, что каллиграфия несет отпечаток личности пишущего, выражено в поговорках: *Язык – это выражение мысли и идей человека, а каллиграфия – это выражение чувств и опыта* – 言, 心声也; 书, 心画也 (yán, xīn shēng yě; shū, xīn huà yě); *У каждого особый характер, и это видно через каллиграфию (Каллиграфия – это отражение состояния)* – 人品既殊, 性情各异, 笔势所运, 邪正自形 (rén pǐn jì shū, xìng qíng gè yì, bǐ shì suǒ yùn, xié zhèng zì xíng); *Иероглифы похожи на людей (На того, кто писал) – 字如其人* (zì rú qí rén). Видеть почерк человека, как видеть самого человека. У каждого человека разные качества, поэтому, когда они пишут, у них проявляется разное отношение к письму.

Особенность китайской каллиграфии – наличие общепризнанных образцовых стилей, традиционно сложившихся в истории развития этого мастерства. Часто вид написанного изображен через зоонимический код:

Голова шелковичного червя и хвост мыши – 蚕头鼠尾 (cán tóu shǔ wěi) – название стиля иероглифов, созданного Янь Чжэньцином в эпоху Тан;

Взмах кисти – словно извивание дракона и змеи – 笔走龙蛇 (bǐ zǒu lóng shé) – свободная манера скорописи цаошу, которая подобна полету дракона и движению змеи, легкий и непринужденный, «летающий» стиль письма;

Полет дракона и движения змеи – 龙蛇飞动 (lóng shé fēi dòng) о живом и энергичном иероглифическом почерке. Более кратко этот стиль называется «драконы и змеи», он основан на росчерках и извивах – графическое уподобление движениям летящего дракона и ползающей змеи; считается одним из искусных стилем скорописи.

При овладении каллиграфией пишущему сначала приходится много лет копировать классиков и повторять их изображения. Только долгий путь ученичества может сформировать у каллиграфа красивое письмо. В образной системе поговорок немало языковых и стилистических средств для описания графики написанного текста. Поговорки, характеризующие различные манеры письма, а точнее каллиграфические «почерки», можно объединить в две группы, в зависимости от оценки хорошо / плохо.

Выражения с положительной оценкой написанного многочисленны. Можно выделить тексты, в которых говорится о красивой, изящной и хорошей каллиграфии:

Чернила падают на бумагу так же разнообразно, как облака и дым – 落纸云烟 (luò zhǐ yún yān) – о превосходной каллиграфии или поэзии;

Как девушка с цветами (Красавица носит заколку в форме цветка) – 美女簪花 (měi nǚ zān huā) – о красивом человеке или красивой каллиграфии;

Чудесная роса и чистый жемчуг – 仙露明珠 (xiān lù míng zhū) об изящном почерке;

Писать очень хорошо: как рисовать дракона линияй – 龙伸螭屈 (lóng shēn huò qū), то есть линии, которыми каллиграф пишет иероглифы, напоминают дракона, что является признаком искусного мастера;

Ещё одна особенность написания, отмеченная в паремиях, – свободное и легкое письмо:

Плывущие облака и текущая вода (Хорошая каллиграфия течет гладко как плывущие облака и текущая вода) – 行云流水 (xíng yún liú shuǐ) подвижный, живой, свободный, легкий (о стиле литературы, рисования и пения);

Написать с сильными ветрами и грозами – 下笔风雷 (xià bǐ fēng léi) – свободный и быстрый почерк;

Разъярённый лев <рвёт скалы> и жаждущий рысак <мчится к источнику> (Как лев рвет скалы, как жаждущий рысак мчится к источнику) – 怒猊渴骥 (nù ní kě jì) о стремительной, неудержимой манере письма.

В спектр оценок «хорошей каллиграфии» входят еще такие, как смелый, сильный, мускулистый, твердый, то есть эпитеты, которые более применимы к человеку:

Одним махом смести тысячную армию врага (Разгромить врага без особого труда; Одним ударом уничтожить силы врага) – 横扫千军 (héng sǎo qiān jūn) – о поэзии и каллиграфии – смело и великолепно;

Плывущие облака и вспугнутые драконы – 游云惊龙 (yóu yún jīng lóng) о талантливом и смелом каллиграфическом почерке;

Мускулистый и сильный – 丰筋多力 (fēng jīn duō lì);

Мускулы Яня, а кости Лю – 颜筋柳骨 (yán jīn liǔ gǔ) о твердом и выразительном почерке; по имени знаменитых каллиграфов Янь Чженьцина и Лю Гунцюаня.

Китайская каллиграфия традиционно выполняется на тонкой рисовой бумаге или на доске, что вызвало появление следующих устойчивых речений:

Сила <кисти> проникает (даже) сквозь бумагу – 力透纸背 (lì tòu zhǐ bèi) о выразительном почерке, выполненном с большой силой;

<Пишет> так глубоко, как печать на глине – 画沙印泥 huà shā yìn ní;

Сила, с которой тушь проникает сквозь материал, становится иносказательной характеристикой не только манеры письма, но и «глубины мысли». Так каллиграфия становится источником образов: изначально идиома *Тушь пропитала доску на глубину трех фэней* – 入木三分 (rù mù sān fēn) означала энергичный и изящный почерк, «а сейчас под этой идиомой чаще подразумевают глубокий анализ вопроса» [Сунь Чжичжэн, 2017, с. 166].

Наконец, еще одна паремия с положительной оценкой исполнения каллиграфии: *Аккуратный, тщательно выполненный, кропотливый, педантичный – 工工整整 (gōng gōng zhěng zhěng).*

О неудачной каллиграфии выражений мало: <След> *весеннего (дождевого) червя и осенней змеи* – 春蚓秋蛇 (chūn yǐn qiū shé) – скверный почерк, каракули; неприглядная и неуклюжая каллиграфия; неряшливый почерк; *Неудачный штрих* (в живописи, каллиграфии), букв.: *Не удалось стать холмом* – 败笔成丘 (bài bǐ chéng qiū).

Интересно отметить, что с помощью одних и тех же сравнений переданы противоположные оценки:

Полёт дракона и танец (пляска) Феникса – 龙飞凤舞 (lóng fēi fēng wǔ) – а) об исключительно красивом почерке; б) о небрежном скорописном почерке; в) плыть величаво, выплывать;

Как из железа черты (линии), как из серебра штрихи (крючки) – 铁画银钩 (tiě huà yín gōu) – а) о шедевре каллиграфии, о превосходном почерке, искусном письме; б) грубоватые и отчетливые штрихи.

Выводы. Интерпретация русских и китайских паремийных текстов позволяет прийти к следующим умозаключениям. Письмо в русской культуре связано прежде всего с грамотностью, тогда как в китайской – с опытом и характером человека. Если в русском паремиологическом пространстве письменный текст зачастую соотносится с законом, то в китайской – с литературным шедевром, часто – с поэзией. Важными критериями в оценке вида написанного на русском языке оказываются понятность и разборчивость почерка, для китайского же пишущего – красота.

Существенное различие двух паремиконов заключается в количестве текстов, характеризующих норму и не норму. В китайских паремиях преобладают тексты, содержащие положительную оценку написанного, показывающие образцы хорошей каллиграфии. При этом употребляются эпитеты (легкий, свободный, стремительный, мускулистый и пр.). В русской фольклорной картине мира распространены «отрицательные примеры», образная система которых включает сравнения.

Национальная специфика выражается в использовании природного кода, зоонимического и метеорологического, как образного ресурса при описании каллиграфии, а точнее – иероглифов. В китайских устойчивых оборотах упоминаются не только мифологические существа – дракон, феникс, но и вполне реальные – змея, червь, мышь, лев, лошадь. Самым нагруженным переносным смыслом стал образ дракона. Метеорологические явления, нашедшие отражение в паремиконе, – облака, вода, роса, ветер, гроза. Интересно, что почти совсем не представлена фитонимическая метафора.

В русской национальной культуре реализован другой подход: плохое письмо характеризуется как процесс и как результат. Кроме этого, еще и по нескольким параметрам: неразборчивая графика (буквы как куриные следы, «курячи ножки», разводы, как мак и пр.); произвольная пунктуация; негодное для писания перо (как веретено, шест, словно огарок и др.); непрофессиональный писарь (писачка, писака, черт).

Для русского мировоззрения важной оказывается идея о невозможности переделать написанное, тогда как в китайской культуре приоритетна мысль о значении

практики каллиграфического написания, которая сравнивается с отработкой удара, чтобы выработать твердость руки.

Образы пишущего отличаются: в русском паремиконе – это человек прежде всего грамотный и находящегося на службе; в китайском – это просвещенный и искусный мастер, связанный с литературным творчеством.

Таким образом, письмо как важный культурный феномен, отраженный в паремиях, выявляет своеобразие русской и китайской лингвокультур.

Источники

Большой китайско-русский словарь. Электронный ресурс <https://bkrs.info/>

Даль, В. И. Пословицы русского народа. Электронный ресурс https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php

Литература

Арекеева, Ю. Е. (2020). Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремииологии. *Евразийский гуманитарный журнал*, 1, 21–29.

Бо, Лю, (2009). Гендерные стереотипы в китайском и русском языках (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок). *Вестник ВятГУ. Филология и искусствоведение*, 4, 79–91.

Войцехович, И. В. (2007). *Практическая фразеология современного китайского языка*. Москва.

Гнездилова, Н. С., & Глинкин, В. С. (2016). Образ камня в китайском языке. *Вестник ТГПУ*, 10 (175), 59–63.

Десять чэньюев, которые обязательно нужно знать. Большой китайско-русский словарь. (2021). Электронный ресурс bkrs.info/Форум/attachment.php?aid=3114

За один иероглиф – тысяча золотых. Белый камень. Студия восточной живописи. (2021). Электронный ресурс <http://belykamen.by/index.php/chengyu#14>.

Китайские идиомы чэньюй. Белый камень. Студия восточной живописи. (2021). Электронный ресурс <http://belykamen.by/index.php/chengyu>

Комиссаров, В. Н. (2009). Перевод, как лингвистическая проблема. *Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца 20-го, начала 21-го веков* (с. 17–18). Ереван.

Коновалова, Ю. О. (Ред.). (2014). *Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения*. Владивосток.

Коробейникова, А. А., Хуан, Юньшэн, & Давыдова, Е. А. (2015). Образные номинации человека в русских и китайских пословицах. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11 (186), 77–82.

Пермяков, Г. Л. (1970). *От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)*. Москва.

Салимова, М. М. (2018). Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением «здоровье» (健康) и «болезнь» (疾病) (на материале китайского и русского языков). *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 8 (799), 142–152.

Сперанская, А. Н. (2015). Фактурность речи в русском паремиконе. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 103–113.

Сперанская, А. Н. (2014). «Живое слово дороже мертвой буквы»: фактуры речи в русском паремиконе. *Русский язык: система и функционирование* (с. 117–121). Минск.

Сунь, Чжичжэн. (2017). *Китайские идиомы*. Москва.

Source

Large Chinese-Russian dictionary. (In Russian) Retrieved from <https://bkrs.info/>

Dal', V. I. Proverbs of the Russian people. (In Russian) Retrieved from https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php

References

Arekeeva, Iu. E. (2020). Chengyu in the system of Chinese phraseology and paremiology. *Eurasian Humanitarian Journal*, 1, 21–29. (In Russian)

Bo, Liu, (2009). Gender stereotypes in Chinese and Russian (based on phraseological units, proverbs and sayings). *Bulletin of Vyatka State University. Philology and Art history*, 4, 79–91. (In Russian)

Chen' Shuan. (2013). Chinese idioms (chengyu 成语) as a component of the content of intercultural competence. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 3(23), 69–75. (In Russian)

Chzhan, Mian', & Saiakhova, D. K. (2017). Ethnocultural originality of proverbs and sayings in the Chinese language. *Philological sciences. Questions of theory and practice. The letter*, 12(78): in 4 parts, part 3, 192–194. (In Russian)

For one hieroglyph – a thousand gold. White stone. Oriental Painting Studio. (In Russian) Retrieved from <http://belykamen.by/index.php/chengyu#14>

Gnezdilova, N. S., & Glinkin, V. S. (2016). The image of a stone in Chinese. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 10 (175), 59–63. (In Russian)

Ivanova, E. V. (2006). *The World in English and Russian proverbs*. Sankt-Peterburg. (In Russian)

Komissarov, V. N. (2009). Translation as a linguistic problem. *Problems of translation interpretation of the text in the works of Russian linguists of the late 20th and early 21st centuries* (pp. 17–18). Erevan. (In Russian)

Konvalova, Iu. O. (Ed.). (2014). *Russia – China: ethnocultural specifics of speech communication*. Vladivostok. (In Russian)

Korobeinikova, A. A., Khuan, Iun'shen, & Davydova, E. A. (2015). Figurative nominations of a person in Russian and Chinese proverbs. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11 (186), 77–82. (In Russian)

Permiakov, G. L. (1970). From a saying to a fairy tale (Notes on the general theory of cliches). Moscow. (In Russian)

Salimova, M. M. (2018). Linguoculturological analysis of phraseological units with the meaning of "health" (健康) and "disease" (疾病) (based on the material of Chinese and Russian languages). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8 (799), 142–152. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2002). *Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects*. Rostov-on-Don. (In Russian)

Shchitov, A.G., & Mao, Chun'chao. (2013). Language in the culture of Russian and Chinese proverbs. *Philological sciences*.

- У, Вэй. (2012). Зима в русском паремиологическом пространстве (на фоне китайского языка). *Мир русского слова*, 3, 50–54.
- Цзюй, Чуаньтин. (2018). Различия и интеграция символических значений животных в китайской и российской национальной культурной традиции (на примере пословиц и поговорок). *Мир науки, культуры, образования*. 5(72), 559–561.
- Чжан, Мянью, & Саяхова, Д. К. (2017). Этнокультурное своеобразие пословиц и поговорок в китайском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота*, 12(78): в 4-х ч., ч. 3, 192–194.
- Чэнь Шуан. (2013). Китайские идиомы (чэньюй 成语) как компонент содержания межкультурной компетенции. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 3(23), 69–75.
- Шмелева, Т. В. (2004). Алфавитная идиоматика. *Филология XXI века: проблемы и методы исследования* (с. 34–40). Санкт-Петербург.
- Шмелева, Т. В. (2007). Алфавит в лексиконе: свое и чужое. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина* (с. 629–642). Москва.
- Шитов, А. Г., & Мао, Чуньчао. (2013). Язык в культуре русских и китайских пословиц. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8(26): в 2-х ч., ч. 2, 211–215.
- Shmeleva, T. V. (2004). Alphabetic idiomatics. *Philology of the XXI century: problems and methods of research* (pp. 34–40). Sankt-Peterburg. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2007). Alphabet in the lexicon: your own and someone else's. *Language in motion: to the 70th anniversary of L. P. Krysin* (pp. 629–642). Moscow. (In Russian)
- Speranskaia, A. N. (2014). "A living word is more expensive than a dead letter": the textures of speech in the Russian paremicon. *Russian language: system and functioning* (pp. 117–121). Minsk. (In Russian)
- Speranskaia, A. N. (2015). The texture of speech in the Russian paremicon. *Ecology of language and communicative practice*, 1, 103–113. (In Russian)
- Sun', Chzhichzhen. (2017). *Chinese idioms*. Moscow. (In Russian)
- Ten chengyu that you definitely need to know. Large Chinese-Russian dictionary. (In Russian) Retrieved from <http://bkrs.info/Forum/attachment.php?aid=3114>
- The Chinese idioms of chengyu. White stone. Oriental Painting Studio. (In Russian) Retrieved from <http://belykamen.by/index.php/chengyu>
- Tsziui, Chuan'tin. (2018). Differences and integration of symbolic meanings of animals in the Chinese and Russian national cultural traditions (by the example of proverbs and sayings). *The world of science, culture, education*, 5(72), 559–561. (In Russian)
- U, Vei. (2012). Winter in the Russian paremiological space (against the background of the Chinese language). *The world of the Russian word*, 3, 50–54. (In Russian)
- Voitsekhovich, I. V. (2007). *Practical phraseology of the modern Chinese language*. Moscow. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Сперанская, А. Н. (2021). Письмо и каллиграфия в паремиях: русско-китайские сопоставления. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 33–45. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-33-45

For citation:

Speranskaya, A. N. (2021). Writing and Calligraphy in Paroemias: Russian-Chinese Comparisons. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 33–45. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-33-45

АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ / ASPECTS AND METHODS OF STUDYING PHRASEOLOGY

Устойчивые словесные комплексы в политической публицистике советского периода

А. В. Батулина

Stable Verbal Complexes in the Political Journalism of the Soviet Period

A. V. Batulina

Анна Валерьевна Батулина – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: b.av@bk.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Статья посвящена устойчивым словесным комплексам. В качестве материала исследования выбран текст мемуаров известного советского журналиста А. Е. Бовина, включающий архивные документы. За основу принимается «узкая» трактовка термина фразеология, в соответствии с которой к устойчивым словесным комплексам относятся выполняющие номинативную функцию неидиоматичные устойчивые и воспроизводимые в текстах определенного стиля сочетания. Рассматриваются две группы названных сочетаний, различающихся механизмом фразообразования: устойчивые словесные комплексы, содержащие компонент в лексически связанном значении и устойчивые сочетания, «несвобода» которых обусловлена узально-стилистическими факторами – закрепленностью за текстами определенного стиля / жанра. Выявлены специфические признаки каждой из выделенных групп, связанные со способностью выражать эмоционально-оценочное содержание и характером стилистической маркированности. Показана зависимость эмоционально-оценочного содержания устойчивых сочетаний от наличия в их составе компонента со связанным значением. Описаны структурно-семантические и функциональные особенности устойчивых сочетаний, содержащих компонент в связанном значении и обладающих узальными ограничениями на сочетаемость. Показана культурологическая значимость корпуса устойчивых сочетаний, отражающих систему оценок, стереотипы, образы, актуальные для политической публицистики советского периода. Проанализированы такие признаки клише-советизмов, как эвфемистичность, использование в качестве средства манипуляции и идеологического воздействия, категоричность выражаемого эмоционально-оценочного содержания.

Ключевые слова: устойчивые словесные комплексы, фразеологизм, публицистика, клише, связанное значение

УДК 070.13:81.367.4

Anna V. Batulina – candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6341-5965

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

The article is devoted to one of the types of non-free word combinations – stable verbal complexes. The text of the famous Soviet journalist A. E. Bovin's memoirs, including archival documents.. The content scope of the term given within the "broad" and "narrow" understanding of the phraseology object is analyzed. A "narrow" interpretation of the term is taken as a basis, according to which stable verbal complexes include non-idiomatic stable combinations that perform a nominative function and are reproduced in texts of a certain combination style. Two groups of these combinations are considered, differing by the phrase formation mechanism: stable verbal complexes containing a component in a lexically related meaning and stable combinations, the "unfreedom" of which is due to the usual-stylistic factors – attachment to texts of a certain style / genre. The specific features of each of the selected groups associated with the ability to express emotional and evaluative content and the nature of stylistic markedness are revealed. The dependence of the emotional and evaluative content of stable combinations on the presence of a component with a related value in their composition is shown. The structural and semantic and functional features of stable combinations containing a component in a related meaning and having usual combinational restrictions are described. The culturological significance of the stable combinations corpus reflecting the evaluation system, stereotypes, images relevant to the political journalism of the Soviet period is shown. The main functions of non-idiomatic stable combinations in journalistic texts are highlighted: nominative, expressive and style-forming. Such signs of cliché-sovietisms as euphemism, use as a means of manipulation and ideological influence, categoricity of the expressed emotional and evaluative content are analyzed.

Keywords: stable verbal complexes, phraseological unit, journalism, cliché, related meaning

OECD: S.08.EU 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Устойчивые словесные комплексы (далее – УСК), как правило, не относятся к наиболее ярким проявлениям национально-культурной специфики языка, поскольку реже, чем слова, используются как средство номинации и не обладают номинативной специфичностью фразеологизмов-идиом. Обычно УСК употребляются в книжных стилях и выполняют две, казалось бы, взаимоисключающие функции: с одной стороны, являясь средством наименования отвлеченных понятий, с другой – средством выражения экспрессии. Однако многочисленность и частотность устойчивых сочетаний, маркирующих разные типы текстов, безусловно, свидетельствует в пользу их реальной языковой значимости, доказательством которой служит и неослабевающий исследовательский интерес к проблеме УСК. Нельзя не согласиться с тем, что «узуально устойчивые сочетания, которые принадлежат конкретной эпохе, конкретным жизненным ситуациям... интересны тем, что демонстрируют интеграцию истории, языка и общества» [Любимова, 2009, с. 137].

История вопроса. Термин «устойчивые словесные комплексы», предложенный фразеологом-германистом И. И. Чернышевой, первоначально использовался как родовое обозначение собственно фразеологизмов, обладающих целостным значением, «немоделируемой структурой содержания» (Н. Н. Амосова), пословиц, поговорок и неидиоматичных единиц с аналитичной семантикой [Чернышева, 1980, с. 34-35]. Такого же понимания содержания термина УСК придерживается С. Г. Шулежкова: «УСК могут иметь как переносное, идиоматичное значение, так и прямое, вытекающее из реальных значений компонентов» [Шулежкова, 2011, с. 16], Н. М. Шанский (устойчивый фразеологический оборот): «фразеологическое выражение – это устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [Шанский, 1996, с. 67-68], Н. С. Скрипичникова: «в категории УСК объединяются словесные образования разной степени устойчивости и различных синтаксических структур: фразеологизмы, поговорки, афоризмы, речевые клише, крылатые выражения и т.д.» [Скрипичникова, 2013, с. 133].

Следует отметить, что даже сторонниками «узкого» понимания фразеологии устойчивые сочетания слов, не наделенные идиоматичностью значения: фразеологические сочетания, описательные обороты типа *дать согласие*, именные и глагольные обороты, образованных путем повторения одного и того же слова или двух однокоренных слов типа *с места на место*, *пир пировать*, составные термины – квалифицируются как «близкие к фразеологизмам, схожие с ними по каким-либо признакам..., чаще всего отождествляющиеся с фразеологизмами» [Молотков, 2001, с. 11-12].

Потребность в дифференциации фразеологизмов идиоматичного и неидиоматичного характера, возникшая в исследовательской и лексикографической практике, привела к появлению «узкой» трактовки номинации «УСК», которая стала применяться по отношению к выполняющим номинативную функцию устойчивым и воспроизводимым, но неидиоматичным образованиям: коллокациям, или

фразеологическим сочетаниям, эвфемизмам, перифразам (*работать в закрытом режиме, либерализация цен, страна балета*) [Морозов, 2015, с. 39], парным наименованиям (*хлеб и соль, гуси-лебеди*), устойчивым сравнениям (*стрелы как дождь, белый как снег*), сочетаниям с творительным ограничением (*красен лицом, прост умом*), устойчивым глагольным оборотам (*утвердiti любовь, славы искати*) [Пименова, 2020, с. 180-182], устойчивым атрибутивным сочетаниям (*приезжий двор, большие люди*) [Любимова, 2009, с. 137].

Помимо устойчивости и воспроизводимости, структурного разнообразия, признаками УСК, выделяемыми представителями «широкого» и «узкого» подхода, являются несвободная сочетаемость как «способность слов синтаксически связываться с ограниченным списком слов» [Телия, 1972, с. 486], частотность (даже низкая) в текстах анализируемого периода/жанра и стилистическая маркированность [Пименова, 2009, с. 187; Шулежкова, 2011, с. 16; Телия, 1972, с. 510], наличие сложных слов, возникших из УСК [Шулежкова, 2011, с. 16], [Любимова, 2009, с. 138], стилистическая ненейтральность [Телия, 1972, с. 510; Морозов, 2015, с. 40].

Методология и методика анализа. Методология настоящей работы основана на «узком» понимании УСК, в соответствии с которым их дифференциальными признаками являются использование в качестве средства номинации, устойчивость и воспроизводимость, словный характер компонентов, в некоторых случаях допускающий их грамматическое переоформление, замену или добавление, аналитическое значение, базирующееся на живых синтаксических связях. При этом следует отметить неоднородность языковых явлений, относимых к УСК: фразеологические сочетания, безусловно, принадлежат системе языка, «несвобода» других устойчивых образований объясняется либо наличием в их структуре слова со связанным значением, либо стилистическими факторами: выражения типа *защищать точку зрения, стоять на повестке дня* «возникают в текстах определенного типа и должны рассматриваться как клишированные фрагменты текста» [Телия, 1972, с. 510]. Вне ситуации употребления такие выражения сохраняют свои словные признаки: парадигматические и синтагматические свойства, разложимы на составляющие без семантических последствий.

Предметом нашего внимания в настоящей статье являются УСК публицистики советского и постсоветского периода, извлеченные из мемуаров известного советского и российского журналиста-международника А. Е. Бовина. Анализируются структурно-семантические и прагматические особенности УСК, а также метаязыковая рефлексия автора по поводу устойчивых сочетаний. При описании материала используются данные Толковых словарей – Словаря русского языка С. И. Ожегова [Ожегов, 1987] (далее – СО) и Большого Толкового словаря С. А. Кузнецова [Кузнецов, 2014] (далее – БТС).

Анализ материала. Мемуары А. Е. Бовина, бывшего с 1963 по 1972 год теневым спичрайтером высшего руководства страны, охватывают период с 1930 по 2002-й год. Анализируемые УСК политической публицистики были извлечены преимущественно из включенного в текст мемуаров архива автора: газетных статей, стенограмм докладов, выступлений, поздравительных речей, протоколов заседаний группы

консультантов отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

Как показал анализ материала, в мемуарном тексте представлены обе выделенные В. Н. Телия разновидности устойчивых сочетаний: обладающие связанностью (лексической, фразеологической, деривационной, морфо-синтаксической) лексического значения компонентов и не обладающие ни одним из перечисленных видов связанности речевые штампы, или клише (*на повестке дня, генеральная линия партии, проводить линию* (чего) и подобные), «несвобода сочетаемости которых обусловлена только узואльно-стилистическими факторами» [Телия, 1972, с. 495-510].

К УСК первого типа, образуемым лексически связанными значениями слов, можно отнести сочетания *братские народы, чистота марксизма-ленинизма, диктатура пролетариата, враг народа, классовое чутье, эпоха всеобщей грамотности* и др. Лексическое значение атрибутивного компонента УСК *братские народы / страны / партии* в СО подается как отдельный лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ) и иллюстрируется УСК:

Братский 2. Глубоко дружеский, близкий, родственный по духу. Братский союз. Братская семья советских народов. Братские коммунистические и рабочие партии. [СО, 1987, с. 50].

В БТС данное значение отмечено как архаичное, без иллюстративных примеров:

Братский 3. Относящийся к братству, братии (публиц.; в СССР: о кооперации социалистических стран) [БТС, 2014].

Таким образом, *братский* в своем лексически связанном деривационном значении имеет довольно широкую сочетаемость и обладает свойством серийности значения. Связанность значения создается наличием несмысловых ограничений на сочетаемость: *братский народ, страна* (название страны), *партия* (но не *государство, правительство*), наличием прагматического компонента в семантической структуре УСК.

В УСК *чистота марксизма-ленинизма* связанное значение слова *чистота* является реализацией одного из ЛСВ полисемичного прилагательного *чистый*:

Чистый... 8. Не содержащий ничего постороннего, без примеси, сопровождения чего-л. *Чистое золото. Чистая шерсть. Чистый спирт. Чистый углерод. Чистые посевы, хлеба* [СО, 1987, с. 723; БТС, 2014].

Как можно заметить по словарным иллюстрациям, данный ЛСВ в своем свободном употреблении сочетается преимущественно с вещественными существительными. В связанном значении он образует сочетания с отвлеченными существительными, имеет узкую сочетаемость, не допускает грамматического переоформления **чистый марксизм-ленинизм*, невозможен при словах той же

лексико-семантической группы, имеющих отрицательную коннотацию: **чистый сионизм, *чистый ревизионизм.*

В УСК *диктатура пролетариата* связанность значения слова *диктатура* обусловлена устранением коннотативных сем отрицательной оценки. Ср.:

Диктатор... 1. Правитель государства, пользующийся неограниченной властью, имеющий неограниченные полномочия и *не отвечающий за свою деятельность ни перед каким государственным органом* (выделено нами – А.Б.) [БТС, 2014].

Так, в словаре «Научный коммунизм» этому устойчивому сочетанию дается следующее определение:

Диктатура пролетариата. Власть рабочего класса, осуществляемая в союзе со всеми трудящимися массами с целью построения социализма... Общая закономерность социалистической революции и строительства социализма [Научный коммунизм, 1983].

Особенно отчетливо мелиоративная окраска УСК *диктатура пролетариата* проявляется на фоне УСК *диктатура буржуазии*, наделенного резко выраженной пейоративной коннотацией:

Диктатура буржуазии. Политическое господство класса капиталистов, система политического подавления трудящихся в капиталистическом обществе [Научный коммунизм, 1983].

В Словаре С. И. Ожегова сочетание *диктатура пролетариата* помещено за знаком «ромб»:

Диктатура... Диктатура пролетариата. Власть рабочего класса, устанавливаемая в результате социалистической революции и имеющая целью построение социализма и переход общества к строительству коммунизма» [СО, 1987, с. 134].

Такое развернутое определение, занимающее пять строк в одностомном словаре, свидетельствует об информативной емкости данного УСК – свойстве, сближающем это устойчивое сочетание с собственно фразеологизмами.

В БТС устойчивое сочетание *диктатура пролетариата* лишено оценочного значения. Оно приведено в иллюстративной зоне:

Диктатура ... 1. Ничем не ограниченная власть кого-л. в государстве, сопровождается лишенным всякого намека на положительную коннотацию толкованием в скобках: *Д. пролетариата* (о политической власти рабочего класса) [БТС, 2014].

Так же, как и в приведенных выше примерах, связанность значения данного ЛСВ находит отражение в невозможности грамматического переоформления **диктатор пролетариата*, семантически не обусловленных ограничениях на сочетаемость.

В УСК *враг народа* связанное значение восходит к основному значению слова *враг*:

Враг... 1. Тот, кто находится в состоянии вражды с кем-н., противник [СО, 1987, с. 84].

В составе УСК данный ЛСВ приобретает новые смысловые оттенки: *враг* – не просто «тот, кто враждует с народом или противостоит ему». Устойчивое сочетание *враг народа* не приводится в Большом толковом словаре С. А. Кузнецова и в Словаре С. И. Ожегова, однако в иллюстративной зоне последнего присутствует УСК с тем же опорным словом *классовый враг*. Приведем толкование этого УСК в Большом лингвострановедческом словаре [Чернявская, Милославская, Ростова, Фролова, Борисенко, Вьюнов, Чуднов, 2007] (далее – БЛС):

Враг народа. Политический термин, в СССР обозначавший человека, подозреваемого или обвиняемого в антисоветской деятельности... В современной русской речи выражение «враг народа» может быть употреблено в ситуации острой полемики на политические темы; возможны также высказывания типа: *настоящий враг народа, новые враги народа* [БЛС, 2007].

Устойчивость данной УСК, как и в приведенных выше примерах, создается ограничением на сочетаемость: **друг народа*, несводимостью значения целого к сумме значений компонентов. Интересно отметить, что в Большом лингвострановедческом словаре зафиксированы неологические сочетания на базе данного УСК.

Как отмечает Е. А. Земская, «клише новояза, как правило, ориентированны либо на абстрактный, условный референт, либо на референт, отсутствующий в действительности» [Земская, 2014, с. 699]. Иллюстрацией к разрыву между абстрактной и реальной референтной отнесенностью УСК *враг народа* является употребление этого выражения в тексте мемуаров А. Е. Бовина: *Хорошо быть мальчишкой. Не было страха. Не переживалась трагедия. Наказывали врагов народа – и правильно делали. А мы не враги, чего нам бояться* [Бовин, 2017, с. 17].

Для УСК данной группы, как показывает анализ материала, характерно наличие нескольких сочетаний с одним и тем же опорным словом – общественно-политическим термином или его синтаксическим дериватом, например: *казарменный социализм, социализм с человеческим лицом, развитой социализм, социалистический лагерь, социалистическая семья, марксизм-ленинизм, ленинские принципы партийной жизни*. Постоянный компонент таких сочетаний, как правило, идеологически нагружен.

К типу УСК, образованных сочетанием компонентов, не обладающих связанностью значения, можно отнести сочетания *героическое прошлое,*

национально-освободительное движение, чувство глубокого удовлетворения, насыщенная культурная программа, интернациональная помощь, крайние меры, воспитательная работа. Каждый из компонентов таких сочетаний употребляется в одном из своих словарных значений, которое в составе УСК не претерпевает никаких семантических трансформаций, например, в УСК *насыщенная культурная программа* реализуются значения:

Насыщенный... 2. Очень содержательный, богатый чем-л.;

Культурный... 4. Связанный с распространением культуры, просвещения;

Программа... 1. Содержание и подробный план предстоящей деятельности, работ и т.п. [БТС, 2014].

УСК данной группы в меньшей степени обладают свойством стилистической специфичности, поскольку не всегда содержат в своем составе общественно-политическую лексику.

Результаты исследования. Итак, в ходе исследования описаны две различающиеся механизмом фразообразования группы УСК. УСК, которые мы условно назовем УСК 1 и УСК 2.

УСК 1 возникают под влиянием реализации компонента в лексически связанном значении, они не допускают грамматического переоформления, замены одного из компонентов синонимом или синтаксическим дериватом.

УСК 2 образованы компонентами, не обладающими узвальными ограничениями на сочетаемость, связанностью значения. Они возникают в текстах политической публицистики как клишированные фрагменты текста.

Как показал анализ материала, между двумя группами УСК наблюдаются различия в интенсивности выражения оценки.

Эмоционально-оценочное содержание УСК 1 организовано вокруг двух полюсов, отражающих бинарную систему оценок (социализм – капитализм, рабочий класс – буржуазия, советский – антисоветский и т.д.), что подтверждает вывод Т. М. Николаевой о том, что «к бинарности ментальных структур тяготеют авторитарные (тоталитарные) политические системы, поэтому в таких случаях исчезает (или не присутствует вовсе) все среднее» [Николаева, 1995, с. 88].

Частотными средствами выражения прагматического значения, обслуживающими названную идеологическую оппозицию, являются идеологически нагруженные термины (*капитализм, империализм, социализм, марксизм-ленинизм*), коннотативно окрашенные атрибутивные распространители (*бурные и продолжительные аплодисменты, здоровые силы, животворящий демократизм, загнивающий капитализм*), метафорические номинации (*ревизионистское нутро, гнездо сионизма, звериный оскал капитализма*).

УСК 2 в меньшей степени наделены оценочным значением. Многие выражения носят эвфемистический характер (*отдельные недостатки, крайняя напряженность, крайние меры, по понятным причинам*). Эмоционально-оценочное содержание данных УСК носит не абсолютный, а сравнительный характер, базируется не на

бинарной, а на градуальной шкале оценок. В этом отношении показателен следующий метаязыковой комментарий А. Е. Бовина о выражении *сравнительно умеренная реакция: По данным МИДа, действия «пятерки» полностью или с небольшими оговорками одобрило 21 государство... Резко отрицательная реакция – 29 государств... И «сравнительно умеренная реакция»* (то есть ругают, но не матом) у 23 государств [Бовин, 2017, с. 170].

Выводы. Проведенный анализ УСК языка политики показал, что устойчивые сочетания отражают стереотипы, образы, символы, актуальные для публицистических текстов советской эпохи. УСК политической публицистики выполняют несколько функций: номинативную, экспрессивную, поддерживают стилистическое единство текста и являются экономным средством номинации. Корпус УСК представлен единицами разных структурно-семантических типов. В зависимости от наличия или отсутствия компонента со связанным значением разграничены две группы устойчивых сочетаний: УСК, содержащие компонент с лексически связанным значением, и УСК, несвобода которых обусловлена узальной закрепленностью за текстами определенного стиля.

Обладая рядом общих признаков (устойчивостью, воспроизводимостью, словным характером компонентов, стилистической маркированностью), УСК каждой из описанных групп различаются сочетательными возможностями, парадигматическими отношениями с другими УСК и механизмом фразообразования. Выявлена зависимость эмоционально-оценочного содержания устойчивых сочетаний от наличия в их составе компонента со связанным значением. Семантический потенциал и яркая экспрессия УСК позволяют их трансформацию и использование в качестве средства языковой игры.

Литература

- Бовин, А. Е. (2017). *XX век как жизнь. Воспоминания*. Москва: Центрполиграф.
- Земская, Е. А. (2014). Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества. *Язык как деятельность* (с. 698-714). Москва: Флинта: Наука.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (2014). *Большой Толковый словарь русского языка*. Электронный ресурс <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&all=x>
- Любимова, Л. М. (2009). Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии. *Вестник Читинского государственного университета*, 4(55), 134-140.
- Молотков, А. И. (2001). Фразеологические единицы русского языка и принципы их лексикографической разработки (Научное обоснование словаря). Воинова, Л. А. и др. (Сост.) *Фразеологический словарь русского языка* (с. 5-25). Москва: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство «Астрель».
- Морозов, М. А. (2015). К вопросу о собственно публицистических фразеологизмах. *Русский язык как иностранный и методика его преподавания*, 26, 39-44.
- Николаева, Т. М. (1995). Качели свободы/несвободы: трагедия или спасение? *Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии*, 83-88.
- Ожегов, С. И. (1987). *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- Пименова, М. В. (2020). Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов). *Вопросы лексикографии*, 17, 178-194.
- Румянцев, А. М. (Ред.) (1983). *Научный коммунизм: Словарь*. Электронный ресурс https://communism.academic.ru/41/%D0%94%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B6%D1%83%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8
- Скрипичникова, Н. С. (2013). Устойчивые словесные комплексы в составе профессионалекта. *Вестник Челябинского государственного университета*, 31(322). *Филология. Искусствоведение*, 84, 133-135.
- Чернышева, И. И. (1980). *Устойчивые словесные комплексы в языке и речи (на материале немецкого языка)*. Москва: Высшая школа.
- Чернявская, Т. Н., Милославская, К. С., Ростова, Е. Г., Фролова, О. Е., Борисенко, В. И., Вьюнов, Ю. А., & Чуднов, В. П. (2007). *Россия. Большой лингвострановедческий словарь*. Электронный ресурс <https://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/105/>
- Шанский, Н. М. (1996). *Фразеология современного русского языка*. Санкт-Петербург: Специальная Литература.
- Шулежкова, С. Г. (Ред.) (2011). *Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед.* Москва: Флинта: Наука.

References

- Bovin, A. E. (2017). *The twentieth century as life. Memories*. Moscow: Centerpolygraph. (In Russian)
- Zemskaja, E. A. (2014). Newspeak cliches and citation in the language of post-Soviet society. *Language as an activity* (pp. 698-714). Moscow: Flint: Nauka Publ. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2014). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (In Russian) Retrieved from: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&all=x>
- Liubimova, L. M. (2009). Social models of stable formulas of business monuments as an object of historical phraseology. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(55), pp. 134-140. (In Russian)
- Molotkov, A. I. (2001). Phraseological units of the Russian language and the principles of their lexicographic development (Scientific justification of the dictionary). Voinova, L. A. i dr. (Sost.) *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* (pp.5-25). Moscow: AST Publishing House LLC: Astrel Publishing House LLC. (In Russian)
- Morozov, M. A. (2015). To the question of proper journalistic phraseological units. *Russian as a foreign language and methods of teaching it*, 26, pp. 39-44. (In Russian)
- Nikolaeva, T. M. (1995). Swing of freedom/unfreedom: tragedy or salvation? *Speech and mental stereotypes in sync and dachrony*, pp. 83-88. (In Russian)
- Ozhegov, S. I. (1987). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: Russian language. (In Russian)
- Pimenova, M. V. (2020). Lexicographic description of Old Russian stable combinations of words (based on the material of verbal turns). *Lexicography issues*, vol. 17, pp. 178-194. (In Russian)
- Rumiantsev, A. M. (Ed.) (1983). *Scientific Communism: A Dictionary*. (In Russian) Retrieved from: https://communism.academic.ru/41/%D0%94%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B6%D1%83%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%B8
- Skrpichnikova, N. S. (2013). Stable verbal complexes as part of the professionolect. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 31(322). *Filologija. Iskusstvovedenie*, 84, 133-135. (In Russian)
- Chernysheva, I. I. (1980). *Stable verbal complexes in language and speech (based on the material of the German language)*. Moscow: Higher school. (In Russian)
- Cherniavskaja, T. N., Miloslavskaja, K. S., Rostova E. G., Frolova O. E., Borisenko V. I., V'iunov, Iu. A., & Chudnov, V. P. (2007). *Russia. A large linguistic and cultural dictionary*. (In Russian) Retrieved from <https://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/105/>
- Shanskii, N.M. (1996). *Phraseology of the modern Russian language*. Sankt-Peterburg: Special Literature. (In Russian)
- Shulezhkova, S. G. (Ed.) (2011). *Phraseological dictionary of the Old Slavonic language: over 500 units*. Moscow: Flint: Nauka Publ. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Батулина, А. В. (2021). Устойчивые словесные комплексы в политической публицистике советского периода. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 46–55. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-46-55

For citation:

Batulina, A. V. (2021). Stable Verbal Complexes in the Political Journalism of the Soviet Period. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 46–55. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-46-55

Идиоматичность и синонимичность (на материале русских существительных)

В. А. Белов

Idiomatichity and Synonymy (based on Russian nouns)

V. A. Belov

Вадим Алексеевич Белов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

Vadim A. Belov – Dr. Sci. in Philology, Leading Researcher; Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

E-mail: belov.vadim.a@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4173-2000

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

В статье рассматривается вариативность устойчивых сочетаний и фразеологизмов в аспекте взаимозаменяемости синонимов. В Московской семантической традиции устойчивые сочетания называются фраземами, в составе которых выделяются идиомы, коллокации и квазифраземы. Актуальность исследования связана с тем, что в языке существует большое количество сочетаний с разной степенью устойчивости, которые ограничивают возможность синонимических замен. Исследование основывается, во-первых, на применении специальных статистических показателей – мер ассоциативности MI (Mutual Information), Dice, устанавливающих степень устойчивости сочетания; во-вторых, на результатах эксперимента по выбору синонимов в высказывании, где испытуемые (215 человек) выбирали синоним, наиболее подходящий контексту. Для эксперимента из Национального корпуса русского языка были отобраны 56 высказываний, содержащие сочетания с разной степенью устойчивости. Гипотезой работы является положение, что сочетания с высокой степенью устойчивости не допускают синонимических замен. Результаты исследования позволяют в целом подтвердить выдвинутую гипотезу: для большей части высказываний характерна зависимость результатов эксперимента от меры ассоциативности MI. Однако показатель Dice в меньшей степени прогнозирует выбор синонима в контексте. При этом не удалось определить значение меры ассоциативности, достаточное для предсказания выбора синонима. Взаимозаменяемость как критерий синонимии имеет многоаспектный характер: на выбор синонимов в высказывании влияют различные факторы, связанные с общим смыслом высказывания. Выбор синонима зависит от направленности синонимических связей: в свободных сочетаниях испытуемые преимущественно выбирают доминанту вместо исходного субдоминантного синонима.

The article is devoted to the variability of collocations and phraseological units in the aspect of synonymic substitutions. In the Moscow semantic tradition fixed expressions are called phrasemes, which include idioms, collocations and quasi-phrasemes. The relevance of the study is due to the fact that the language has a large number of combinations with varying degrees of stability, limit the possibility of synonymous substitutions. The research is, firstly, based on the Russian National Corpus data and use of special statistical indicators – measures of MI (Mutual Information) association, Dice, which establish the degree of the combination stability; secondly, on the results of the experiment on choosing a synonym in a utterance. 215 people took part in the experiment where they chose a synonym, most suitable for the context. 56 utterances containing combinations with varying degrees of stability have been selected for the experiment from the Russian National Corpus. The hypothesis of the research is that phrasemes with a high degree of stability do not allow synonymous substitutions. In general, the results of the research have confirmed this hypothesis. There is the dependence of the synonym choice on MI index for most of the utterances. However, Dice index is less predictive of choosing a synonym in the context. At the same time, it was not possible to determine the value of the MI and Dice indexes sufficient enough to predict the choice of a synonym. Interchangeability as a criterion for synonymy has a multifaceted nature: the choice of synonyms in an utterance is influenced by various factors associated with the general meaning of the utterance. The choice of a synonym depends on the direction of synonyms: in free combinations, the test subjects predominantly choose the dominant instead of the initial subdominant synonym.

Ключевые слова: синонимия, идиоматичность, устойчивое сочетание, фразема, мера ассоциативности

Keywords: synonymy, idiomatichity, stable combination, phraseme, measure of association

УДК 81.367.622:81.276.1:81.373.421

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Ключевой проблемой настоящей работы стало положение, неоднократно обсуждавшееся в лексикологии (см., например, работы [Апресян, 2009; Будагов, 1965; Звегинцев, 1963; Greenbaum, 1974; Xiao, McEnergy, 2006]): устойчивость и идиоматичность сочетания ограничивают способность синонимов заменять друг друга в высказывании. Однако определение степени устойчивости и идиоматичности часто проводится с помощью интуиции исследователя, которая не может быть надежным источником получения сведений.

История вопроса. Способность заменять друг друга в контексте считается одним из главных свойств синонимов [Murphy, 2003]. В отечественной лингвистической традиции критерий взаимозаменяемости чаще всего относят к факультативным [Евгеньева, 1966; Шмелёв, 1977], дополняющим требованиям семантической близости синонимов. В ряде работ он, напротив, рассматривается как основной [Звегинцев, 1963; Murphy, 2003, с. 147]. Кроме того, ключевым критерий взаимозаменяемости становится для лексических автоматизированных систем, так как традиционный критерий, основанный на общности значения, достаточно тяжело формализовать [Palmer, 1981; Miller, 1990].

Однако в естественном языке существует большое количество несвободных выражений разного типа, которые в Московской семантической школе называются фраземами. Они обладают устойчивостью и не допускают синонимических замен. В их состав входят идиомы, коллокации и квазифраземы [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 226]. Между этими типами фразем отсутствует четкая граница, «поскольку и другие фразеологизмы [фраземы] обязательно обладают устойчивостью, и им может быть свойственна определенная идиоматичность» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 57].

В традиционной лингвистике для определения степени устойчивости часто применяется семантический анализ, который опирается на языковую интуицию исследователя и не лишен субъективности. Устойчивость сочетания объясняется внутренним прогнозированием: появление одного элемента предсказывается благодаря другому элементу. В целом причины появления таких сочетаний связаны с экстралингвистическими факторами, культурной значимостью определенных текстов. В некоторых случаях формирование устойчивости сопровождается идиоматичностью, то есть невыводимостью значения фразеологизма из значения его частей. При этом для некоторых сочетаний может быть характерна вариативность, которая отмечается в литературе [Белобородова, 2009; Жуков, 1986, с. 167] и которая непосредственно связана с синонимией. Так, во фразеологизме *вбить себе в башку* допускается замена слова *башку* на синоним *голову*; эти сочетания не имеют значительных смысловых различий и могут быть взаимозаменяемы [Жуков, 1986, с. 168].

В целом проблема разграничения разных типов фразем требует отдельного рассмотрения, что не входит в задачи нашего исследования, см. работы, где она рассматривается [Багарян, 2004; Лескина, Киверник, 2015].

Методология и методика исследования. Настоящее исследование проводится с помощью, во-первых, специальных статистических показателей, которые

определяют степень устойчивости выражения, во-вторых, результатов эксперимента по выбору синонимов в высказывании в контексте.

В эксперименте, который проводился в три этапа, использовались тексты с лакунами (тексты, из которых удален фрагмент). Его участниками стали 215 испытуемых: на первом этапе – 71 человек, на втором – 73, на третьем – 71. В качестве испытуемых выступили студенты разных направлений подготовки и преподаватели Череповецкого государственного университета в возрасте от 18 до 63 лет, в том числе 144 женского пола, 57 мужского пола, 14 человек не указали свой пол. В соответствии с заданием участники эксперимента подчёркивали наиболее подходящий к данному контексту синоним.

На первом и втором этапах испытуемым предлагались по 22 предложения из НКРЯ, содержащие свободные сочетания и фраземы с разной степенью устойчивости. В третьем этапе испытуемым предлагались 13 высказываний, содержащих фразеологизмы (идиомы) из словаря фразеологизмов [Молотков, 1968]. В случаях, когда пропущенные синонимы отличались по роду / числу, согласуемые слова варьировались по этим грамматическим признакам. Для подбора синонимических замен использовался *Словарь русского языка* под ред. А. П. Евгеньевой. Для обозначения синонима, изначально присутствовавшего в примере из НКРЯ, используем наименование *исходный синоним*. Пример оформления задания см. в высказываниях (1).

- (1) *Только не говорите мне, что если алкоголизм – это не дурной образ жизни, а заболевание, то он, как всякая / ий / ое прочая / ий / ое (хворь, болезнь, недуг, заболевание), дело приватное.*

В работе для определения устойчивости используются показатели меры ассоциативности (ассоциации, связности), основанные на частоте случаев совместного употребления единиц в корпусе и показывающие силу синтагматической связи между словами в тексте. Преимуществами использования подобных инструментов является объективность, так как исследования основываются на обширном эмпирическом материале [Борискина, 2015; Голубкова, 2014; Evert, 2004; Teubert, Cermakova, 2008]. Наиболее часто для решения подобных задач используются показатели MI (Mutual Information) [Church, Hanks, 1996] и Dice [Smadja, McKeown, Hatzivassiloglou, 1996]. Оба показателя рассчитываются с помощью таких данных, как частота совместной встречаемости, частотность входящих в сочетание единиц, с учётом общего объёма корпуса (для расчетов использовались данные НКРЯ). Формулы для расчета показателей выглядят следующим образом:

$$MI(x, y) = \log_2 \frac{P(x, y) \times N}{P(x) \times P(y)}$$

$$Dice'(x, y) = \log_2 \frac{P(x, y) \times 2}{P(x) + P(y)}$$

x, y – слова, входящие в состав фраземы;
 $P(x, y)$ – количество совместных употреблений слов;
 $P(x)$ – частотность первого слова;
 $P(y)$ – частотность второго слова;
 N – объём корпуса, из которого взята частотность слов.

Для примера рассчитаем меру ассоциативности для сочетания *желудочная хворь*. При этом частотность лексемы *желудочный* составляет 793 употребления, лексемы *хворь* – 325 употреблений, а количество совместных употреблений в основном подкорпусе НКРЯ – 4. Объём основного подкорпуса равен 230 млн. После подстановки значений в формулу были получены показатели: MI – 11,80, Dice – -7,13.

В качестве гипотезы было выдвинуто предложение, что сочетания с высокой степенью устойчивости не допускают синонимических замен. Для установления зависимости характера синонимических замен от степени устойчивости использовался специальный показатель – коэффициент корреляции, демонстрирующий взаимозависимость двух величин. Коэффициент корреляции принимает значения от -1 до +1: значение +1 показывает наличие полной корреляции величин (возрастание значений одной величины соответствует возрастанию значений другой величины), значение 0 – отсутствие корреляции между величинами, а значение -1 – обратную корреляцию показателей (возрастание значений одной величины ведет к убыванию значений второй переменной).

Анализ материала. В работе коэффициент корреляции рассчитывался отдельно для каждого высказывания. Так, для высказывания (2) характерна полная корреляция меры ассоциативности и результатов эксперимента (коэффициент корреляции для MI и Dice равен 1): устойчивое сочетание *кровная обида* встречается в корпусе 78 раз и имеет высокое значение меры ассоциативности (MI: 9,06; Dice: -6,66). Испытуемые в эксперименте чаще выбирают синоним *обида*, входящий в устойчивое сочетание: *обида* (59 ответов, 86%), *оскорбление* (10 ответов, 14%). Для данного примера характерна полная корреляция меры ассоциативности (коэффициент корреляции для MI и Dice равен 1).

(2) *Недосказанность, неискренность воспринимались им как **кровная (обида, оскорбление)**.*

Количественные результаты эксперимента обобщены в Табл. 1. Показатель MI во многом способен предсказать выбор синонимов в высказывании, о чем свидетельствует высокая корреляция MI сочетания и результатами эксперимента, которая характерна для 39 примеров (69%). Однако показатель Dice в меньшей степени прогнозирует выбор синонима в контексте: только для 20 примеров (35%) наблюдается высокая корреляция между Dice и результатами эксперимента.

Также был рассчитан арифметически средний показатель коэффициента корреляции для этапов эксперимента: на первом и втором этапах коэффициент корреляции между значением MI сочетания и результатами эксперимента по выбору синонимов составил 0,45, а между значением Dice и результатами эксперимента по выбору синонимов – 0,05. Для третьего этапа эксперимента, где предъяснялись идиомы, характерна высокая корреляция между MI сочетания и результатами эксперимента – 0,81, однако между Dice и результатами эксперимента отмечается нулевая корреляция – -0,42.

Таблица 1. Корреляция меры ассоциативности и результатов эксперимента по выбору синонимов

Тип корреляции	Значение коэффициента корреляции	Количество примеров			
		Корреляция между MI и результатами эксперимента	%	Корреляция между Dice и результатами эксперимента	%
Полная корреляция	0,99-1	10	18	5	9
Сильная корреляция	0,9-0,99	12	21	4	7
Средняя корреляция	0,5-0,89	17	30	11	19
Слабая корреляция	0-0,49	15	26	4	7
Нулевая корреляция	Менее 0	3	5	22	39
Обратная корреляция	-1 - -0,9			11	19

Таким образом, результаты эксперимента также позволяют обсудить эффективность используемых в работе показателей для предсказания выбора синонима в высказывании. В целом показатель MI обладает более высокой способностью предсказывать результаты эксперимента по сравнению с показателем Dice. Особенно хорошо показатель MI работает с идиомами. Представленные данные подтверждают предложенную гипотезу, что устойчивость сочетания и идиоматичность ограничивают способность синонимов заменять друг друга в высказывании; при этом идиоматичность сочетания является наиболее сильным фактором, влияющим на выбор синонима в высказывании.

Однако в ходе исследования не удалось определить значение меры ассоциативности, достаточное для предсказания выбора синонима. Например, некоторые идиомы, которые хорошо восстанавливаются в эксперименте, но имеют достаточно низкое значение меры ассоциативности: *нагреть руки* (MI – 2,79, Dice – -12,76; 55 реакций *рука* (80%)); *идти в ногу со временем* (MI – 1,97, Dice – -8,27, 66 реакций *ногу* (96%)), *концы в воду* (MI – 1,61, Dice – -8,86, 66 реакций *воду* (96%)). Другие сочетания, имеющие высокое значение меры ассоциативности и не являющиеся идиоматичными, не восстанавливаются испытуемым: *бил родник* (MI – 8,1, Dice – -9,41, 3 реакции *родник* (5%)), *гастрольная стезя* (MI – 10,0, Dice – -9,00; 6 реакций *стезя* (4%)), *тернистая тропа* (MI – 9,4, Dice – -9,31, 7 реакций *тропа* (10%)), *вьюга утихла* (MI – 9,0, Dice – -8,22, 4 реакций *вьюга* (6%)), *рассеять печаль* (MI – 6,6, Dice – -8,73, 11 реакций *печаль* (15%)), *скука испарилась* (MI – 5,7, Dice – -11,80, 0 реакций *скука*).

Таким образом, необходимо совершенствовать существующие показатели, определяющие степень устойчивости сочетания, и выявить значения показателей, характерные для разных типов фразем.

Вероятно, снижение эффективности изучаемых показателей связано с тем, что они основываются на частотности слова, поэтому сочетания с низкочастотными лексемами получают более высокое значение меры ассоциативности. Например, сочетание *гастрольная стезя* имеет высокий показатель MI (9,98): при этом в НКРЯ отмечен только один случай совместного употребления. Такое противоречие

объясняется тем, что частотность слова *стезя* очень низкая, что приводит к высокому значению MI. На это указывается в исследованиях: «Чем более редки слова, образующие коллокацию, тем выше будет для них значение MI» [Ягунова, Пивоварова, 2010, с. 6].

Обсуждение результатов. В большинстве случаев наиболее частотной реакцией становится исходный синоним, изначально присутствующий в высказывании. Как правило, для подобных примеров характерна высокая корреляция меры ассоциативности и результатов эксперимента: сочетания с синонимами были устойчивыми, и выбор испытуемых определялся контекстуально. Однако для трети примеров (18 высказываний, 32% от всего количества) характерна направленность выбора синонимов, которая проявляется в разграничении доминанты синонимического ряда и периферийных синонимов. В некоторых случаях сложно было выбрать доминирующий ответ. В исследовании представлено 8 подобных примеров. Для определения доминантной реакции среди наиболее частотных ответов в исследовании применялся критерий Стьюдента, который обычно используется для выявления значимых различий между величинами [Бронштейн, Семендяев, 1980]. Для этого были проведены следующие расчеты:

- рассчитано значение критерия Стьюдента (равно в нашем случае 8%) по формуле [Бронштейн, Семендяев, 1980, с. 461];
- выбрано табличное (критичное) значение критерия Стьюдента (которое представляет разницу между результатами эксперимента в процентном соотношении);
- проведено сравнение расчетного и табличного значений;
- если расчетное значение превышает табличное, то два ответа являются доминантными, если наоборот – один ответ является доминантным.

В свободных конструкциях при предъявлении субдоминантных синонимов испытуемые предлагали замены на доминанту. Например, в предложении (3) исходным синонимом, изначально присутствующем в высказывании, было слово *фортуна*, однако испытуемые чаще выбирают доминанту *судьба* (61 реакция, 87%).

(3) *Фортуна распорядилась так, что Фоменко даже не удалось выступить непосредственно в гонке.*

Таким образом, механизмы взаимозаменяемости синонимов многоаспектны: они связаны с контекстуальными ограничениями и особенностями организации синонимических связей. Во многих примерах словарные синонимы не могут быть взаимозаменяемыми: так, традиционные синонимы *подарок*, *дар*, *гостинец* не допускают таких замен, как *дар* → *гостинец*, *подарок* → *гостинец*. Напротив, распространены случаи асимметричных замен на доминанту *гостинец* → *подарок*, несмотря на то, что изначально в высказываниях употреблялись субдоминантные синонимы.

На выбор синонима в контексте влияют и другие контекстуальные и семантические факторы. Так, общий смысл высказывания определяют выбор синонима. В высказывании (4) из всех предложенных синонимических замен (*подарок*, *дар*) исходный синоним *гостинец* лучшим образом соотносится с общим смыслом

высказывания: по определению Малого академического словаря (МАС), гостинец – «вещь, предмет, сладости, обычно приносимые, привозимые или присылаемые откуда-либо в знак внимания, в качестве подарка» [Евгеньева, 1985-1988, т. 1, с. 339].

(4) *Каждую неделю она старалась послать ему какой-нибудь гостинец, то сладости, то папиросы, то деньги.*

Также на выбор синонима в высказывании влияет лексико-грамматическая отнесённость синонима: устойчивые сочетания с абстрактными существительным более вариативны по сравнению с устойчивыми сочетаниями, содержащими конкретные существительные. Например, выражение *кровная обида* допускает замену на синоним *оскорбление*, что подтверждают не только результаты эксперимента, но и данные корпуса. В эксперименте при предъявлении высказывания (5) наиболее частотными ответами испытуемых стали *обида* (59 реакций, 86%), *оскорбление* (10 реакций, 14%). В основном подкорпусе НКРЯ насчитывается 78 сочетаний *кровная обида* и 13 сочетаний *кровное оскорбление*.

(5) *Недосказанность, неискренность воспринимались им как **кровная обида**.*

Выводы. Выбор синонима в высказывании ограничивается в устойчивых сочетаниях, которых в языке большое количество. В настоящей работе для определения степени устойчивости используются специальные статистические показатели – меры ассоциативности MI и Dice.

Мера ассоциативности MI способна адекватно предсказывать выбор испытуемыми синонимов в высказывании: достаточно высокая корреляция MI сочетания и результатов эксперимента характерна для 39 примеров (69%), а слабая или нулевая корреляция – для 18 примеров (31%). Мера ассоциативности Dice оказывается менее эффективна в выборе синонима в высказывании: достаточно высокая корреляция между показателем Dice и результатами эксперимента наблюдается для 20 примеров (35%), а слабая и нулевая корреляция – для 37 примеров (65%).

При этом идиомы, обладающие неаддитивной семантикой и высокой степенью меры ассоциативности, обладают меньшей синонимической вариативностью.

В целом взаимозаменяемость как критерий синонимии имеет многоаспектный характер: на выбор синонима в высказывании влияют разные факторы. Важным результатом исследования стал вывод о направленности синонимических замен, что проявляется в приоритете доминанты над субдоминантными синонимами.

Дальнейшего изучения требует, во-первых, определение значения меры ассоциативности, которое демонстрирует устойчивость и идиоматичность сочетания, во-вторых, детальное описание различных семантических и прагматических факторов, влияющих на выбор синонима в контексте.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (2009). *Исследования по семантике и лексикографии: Т. 1: Парадигматика*. Москва: Языки славянских культур.
- Багарян, А. А. (2004). *Методика расширения коллокационной осведомленности студентов языковых факультетов*: Дис... канд. пед. наук. Сочи.
- Баранов, А. Н., & Добровольский, Д. О. (2014). *Основы фразеологии (краткий курс)*: Учебное пособие. Москва: Флинта.
- Белобородова, А. В. (2009). Вариативность фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «Безразличие» в русском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1, 27-29.
- Борискина, О. О. (2015) Корпусное исследование языка: мода или необходимость? *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, 3, 24-27.
- Бронштейн, И. Н., & Семендяев К. А. (1980). *Справочник по математике для инженеров и учащихся вузов*. Москва: Наука.
- Будагов, Р. А. (1965). *Введение в науку о языке*. Москва: Просвещение.
- Голубкова, Е. Е. (2014). Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем. *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход* (с. 34-76). Москва: Языки славянских культур.
- Евгеньева, А. П. (1966). Основные вопросы лексической синонимии. *Очерки по синонимике современного русского литературного языка* (с. 4-29). Москва, Ленинград: Наука.
- Евгеньева, А. П. (Ред.). (1985-1988). *Словарь русского языка*: В 4-х томах. Москва: Русский язык.
- Жуков, В. П. (1986). *Русская фразеология*. Москва: Высшая школа.
- Звегинцев, В. А. (1963). Замечания о лексической синонимии. *Вопросы теории и истории языка: Сборник в честь проф. Б.А. Ларина* (с. 127-142). Ленинград: Наука.
- Иорданская, Л.Н., & Мельчук, И.А. (2007). *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: Языки славянской культуры.
- Лескина, С. В., & Киверник, Н. Ю. (2015). Дифференциация коллокаций и фразеологических единиц в русском и английском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11(2), 106-110.
- Молотков, А. И. (Ред.) (1968). *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- Шмелев, Д.Н. (1977). *Современный русский язык. Лексика*: Учебное пособие. Москва: Просвещение.
- Ягунова, Е. В., & Пивоварова, Л. М. (2010). Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных

References

- Apresyan, Yu. D. (2009). *Research on semantics and lexicography: Vol. 1: Paradigmatics*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
- Bagaryan, A. A. (2004). *Methods for expanding collocation awareness of students of language faculties*: PhD thesis. Sochi. (In Russian)
- Baranov, A. N., & Dobrovolsky, D. O. (2014). *Fundamentals of phraseology (short course)*: Textbook. Moscow, Flinta. (In Russian)
- Beloborodova, A. V. (2009). Variation of phraseological units representing the concept of "Indifference" in Russian and English. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1, 27-29. (In Russian)
- Boriskina, O. O. (2015) Corpus study of language: fashion or necessity? *Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»*, 3, 24-27. (In Russian)
- Bronstein, I. N., & Semendyaev, K. A. (1980). *A guide to mathematics for engineers and university students*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Budagov, R. A. (1965). *An introduction to the science of language*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)
- Church, K., Hanks, P. (1996). Word association norms, mutual information, and lexicography. *Computational Linguistics*, 16(1), 22–29.
- Golubkova, E. E. (2014). Using linguistic corpora to solve semantic problems. *Methods of cognitive analysis of word semantics: computer-corpus approach* (pp. 34-76). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
- Greenbaum, S. (1974) Some verb-intensifier collocations in American and British English. *American Speech*, 49, 79-89.
- Iordanskaya, L. N., & Melchuk, I. A. (2007). *Meaning and compatibility in the dictionary*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
- Leskina, S. V., & Kivernik, N. Yu. (2015). Differentiation of collocations and phraseological units in Russian and English. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 11(2), 106-110. (In Russian)
- Miller, G., Beckwith, R., & Fellbaum, C. (1990). Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database. *International Journal of Lexicography*, 3(4), 235–244.
- Molotkov, A. I. (Ed.) (1968). *Phraseological Dictionary of the Russian Language*, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
- Murphy, L. (2002). *Semantic Relation and the Lexicon*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Palmer F. (1981). *Semantics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Shmelev, D. N. (1977). *Modern Russian language. Lexicology: Study guide*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russian)

текстов. *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы*, 6, 30-40.

Church, K., & Hanks, P. (1996). Word association norms, mutual information, and lexicography. *Computational Linguistics*, 16(1), 22–29.

Greenbaum, S. (1974) Some verb-intensifier collocations in American and British English. *American Speech*, 49, 79-89.

Miller, G., Beckwith R., & Fellbaum C. (1990). Introduction to WordNet: An On-line Lexical Database. *International Journal of Lexicography*, 3(4), 235–244.

Murphy, L. (2002). *Semantic Relation and the Lexicon*, Cambridge: Cambridge University Press.

Palmer, F. (1981). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Smadja, F. McKeown, K., & Hatzivassiloglou, V. (1996). Translating Collocations for Bilingual Lexicons: A Statistical Approach. *Computational Linguistics*, 22(1), 1–38.

Xiao, R., & Mcenery, T. (2006) Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective. *Applied Linguistics*, 27(1), 103-129.

Smadja, F., McKeown, K., & Hatzivassiloglou, V. (1996). Translating Collocations for Bilingual Lexicons: A Statistical Approach. *Computational Linguistics*, 22(1), 1–38.

Xiao, R., & Mcenery, T. (2006) Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective. *Applied Linguistics*, 27(1), 103-129.

Yagunova, E. V., & Pivovarova L. M. (2010). The nature of collocations in Russian. Experience in automatic extraction and classification based on news texts. *Scientific and technical information. Series 2. Information Processes and Systems*, 6, 30-40. (In Russian)

Yevgen'yeva, A. P. (1966). Basic questions of lexical synonymy. *Essays on the synonymy of the modern Russian literary language* (pp. 4-29). Moscow, Leningrad: Nauka. (In Russian)

Yevgen'yeva, A. P. (Ed.). (1985-1988). *Dictionary of the Russian language*: In 4 volumes. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1986). *Russian phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)

Zvegintsev, V. A. (1963). Notes on lexical synonymy. *Questions of theory and history of language: Collection in honor of prof. B. A. Larina* (pp. 127-142). Leningrad: Nauka. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Белов, В. А. (2021). Идиоматичность и синонимичность (на материале русских существительных). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 56–64. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-56-64

For citation:

Belov, V. A. (2021). Idiomaticity and Synonymy (based on Russian nouns). *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 56–64. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-56-64

Problemy przekładu transformacji frazeologicznych M. Uspieńskiego na język polski

T. Kananowicz

Problems of Translation of M. Uspensky's Phraseological Transformations into Polish

T. Kananowicz

Tatiana Kananowicz – doktor nauk humanistycznych, adiunkt;
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Gdańsk, Polska

E-mail: tatiana.kananowicz@ug.edu.pl

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

W artykule omawiane są problemy przekładu na język polski wybranych transformacji frazeologicznych, występujących w powieści M. Uspieńskiego „Кого за смертью посылать”. Analizie translatorskiej została poddana seria przekładowa – nieprofesjonalne przekłady fragmentu powieści, nadesłane przez dziewiętnastu tłumaczy-uczestników 12. Konkursu Translatorskiego, zorganizowanego w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego w roku akademickim 2020-2021. Analizę oparto na koncepcji śladu frazeologicznego, zgodnie z którą przez ślad frazeologiczny rozumie się zarówno poddany transformacji frazeologizm, jak i wszystkie inne elementy tekstu, na które ów frazeologizm rozprzestrzenia swoje „działanie” – każdą aktualizację danego frazeologizmu w tekście utworu. Zadaniem tłumacza w tym przypadku jest nie tylko dobór odpowiednika, lecz identyfikacja wszystkich śladów frazeologicznych i wpisanie ich w ogólną siatkę aktualizowanych przez frazeologizm sensów. Kalambury frazeologiczne pełnią przede wszystkim funkcję ludyczną, ale jednocześnie wzbogacają semantyczną warstwę tekstu i częstokroć pełnią funkcję senso- i tekstotwórczą. Nieodtworzenie w przekładzie któregoś z elementów tej siatki może skutkować naruszeniem globalnej spójności tekstu i zakłóceniem jego odbioru. Ponadto problemy translatorskie w przypadku tych jednostek przekładowych związane są nie tylko z obrazowością frazeologizmów, lecz również ze specyfiką kulturową określonych konstrukcji składniowych, na których oparte są frazeologizmy. Translatorskie rozwiązania nieprofesjonalnych tłumaczy, zwłaszcza w serii przekładowej, są pod tym względem szczególnie przydatne, gdyż wskazują na miejsca braku kongruencji w systemach składni frazeologicznej i unaocniają potrzebę dalszych badań kontrastywnych w tym zakresie.

Słowa kluczowe: frazeologizmy, transformacje frazeologiczne, ślad frazeologiczny, seria przekładowa, frazeoschemat

УДК 811.162.1:81.255.4:81.373

Tatiana Kananowicz – Dr. Sci. in Philology, Associate Professor;
University of Gdańsk, Faculty of Philology, Gdańsk, Poland

ORCID: 0000-0002-1156-5934

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

In the article the author discusses translation problems connected to chosen phraseological transformations from the M. Uspensky's novel „Who should be sent for death” while translating them into Polish. The object of the analysis was the translation series consisted of non-professional translations sent by nineteen translators, who took part in 12. Translation Competition organized by the Institute of Russian and Eastern Studies at Gdansk University in academic year 2020-2021. The analysis is based on the conception of the *phraseological trace*, by means of which the term covers either transformed phraseological units, or all other text elements connected to it, i.e. every actualization of the phraseological unit or phraseme in the text. The task of the translator is not only to choose the appropriate equivalent, but also to identify all phraseological traces and to make the sensible network of actualized senses. The word plays first of all serve the entertaining function, but in equal measure they enrich the text's semantics and often fulfill the function of the sense and text generation. The lack of some elements of this semantic network can lead to the breakage in the semantic coherence of the text and disruptions in its perception. Moreover, translation problems with phraseological units concern not only their imagery level, but also cultural specificity of certain syntactic constructions, on which the phraseme is based. The non-professional translation series lets us identify the moments of the incongruence of the phraseological syntax and demonstrates the need of further research in this area.

Keywords: phraseological units, phraseological transformations, phraseological trace, translation series, phrasemic scheme

OECD: 6.02.OY

V

Problem badawczy. Obiektem analizy translatorycznej w niniejszym artykule będą wybrane frazeologizmy i frazemy [Chlebda, 1991] występujące w powieści Michaiła Uspieńskiego „Коро за смертью посылать” (1998), a dokładniej w tym jej fragmencie, który został zaproponowany do przetłumaczenia w kategorii *tekst literacki* w ramach

12. Konkursu Translatorycznego zorganizowanego w roku akademickim 2020-2021 w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego, oraz ich ekwiwalenty tłumaczeniowe, które zostały odnotowane w swojego rodzaju serii przekładowej [Adamowicz-Pośpiech, 2013], składającej się z dwiętnastu nadesłanych do oceny prac. Interesować nas będą przede wszystkim te jednostki, które zostały twórczo zmodyfikowane przez autora.

Z historii zagadnienia. Kwestiom przekładu frazeologizmów poświęcono ogromną ilość prac naukowych, w tym w relacji język rosyjski – język polski [zob. Chlebda, 2014; Pstyga, Kananowicz, Buchowska, 2018 i in.]. Nie ma w tym nic dziwnego: frazeologizm, cechujący się wyrazistą obrazowością, często posiadający nacechowanie kulturowe, stanowi idealny sygnał obcości [Lewicki, 2000], wymagający „specjalnego” traktowania – niebanalnych wyborów translatorskich. Konfrontatywne i przekładowe podejście do frazeologizmów zaowocowało opracowaniem typologii ekwiwalencji frazeologicznej, którą w ogólnym zarysie da się sprowadzić do trzech głównych typów: ekwiwalencja pełna, ekwiwalencja częściowa, ekwiwalencja zerowa, oraz wyodrębnieniem strategii translatorycznych stosowanych przez tłumaczy w przypadku przekładu jednostek frazeologicznych, do których zalicza się między innymi: użycie ekwiwalentu bliskiego, użycie ekwiwalentu funkcjonalnego, syntagmatyczne tłumaczenie oraz użycie niefrazeologicznego odpowiednika [Hejwowski, 2004, s. 190]. Uwagę badaczy przyciągają również niepowodzenia tłumaczy i błędy translatoryczne, związane z nierozpoznanie frazeologizmu, tłumaczeniem dosłownym, błędnym odczytaniem semantyki, wieloznacznością frazeologizmu, jego nacechowaniem stylistycznym itd. O wiele rzadziej w literaturze przedmiotu mówi się o trudnościach translacji transformacji frazeologicznych, nazywanych również transformacjami indywidualno-autorskimi [Мелерович, Мокиенко, 1997], innowacjami frazeologicznymi [Mosiołek-Kłosińska, 2002; Bąba, 1989, 2009], replikacjami twórczymi [Chlebda, 2020], u których podstaw leżą procesy podwójnej aktualizacji (udostówniania) frazeologizmu (kalambur frazeologiczny), poszerzonej metaforyzacji, świadomego łamania normy frazeologicznej i pod. W parze język polski – język rosyjski o zagadnieniach przekładu transformacji frazeologicznych piszą m.in. J. Stawnicka [1998, 2002, 2004], G. Szpila [2018], T. Kananowicz [2018] i in. W niniejszej pracy analiza przekładowa zostanie zawężona do takich właśnie przypadków.

Metodologia. Metodą, stosowaną w niniejszym artykule, jest analiza translatoryczna wybranych przypadków autorskich transformacji frazeologicznych, bazująca na koncepcji śladu frazeologicznego [Studzińska, Skibski, 2016; Skibski, 2018; Studzińska, 2018], która na potrzeby niniejszej pracy została zmodyfikowana. Śladem frazeologicznym autorzy koncepcji nazywają zmodyfikowany przez autora utworu poetyckiego frazeologizm, często tak bardzo odbiegający od postaci normatywnej (notowanej w słownikach), że jest jedynie „sygnałem frazeologiczności” [Skibski, 2018, s. 90]. Badacze mówią o śladzie frazeologicznym w

kontekście dezautomatyzacji odbioru związku frazeologicznego pod wpływem kontekstu, rozumiejąc ów ślad „jako zjawisko tekstowe, które odsyła do formy stabilnej frazeologizmu” [Studzińska, 2018, s. 148], por. też: „Frazeologizmy to przejawy metaforycznej konceptualizacji rzeczywistości. Na skutek utrwalenia – a więc w charakterystycznym dla codziennego użycia odbiorze zautomatyzowanym – metaforyczność związków frazeologicznych traci na wyrazistości. Dezautomatyzujący kontekst wiersza sprawia, że macierzysta metafora konceptualna frazeologizmu ponownie staje się widoczna. Ślad frazeologiczny intensyfikuje zatem tkwiący we frazeologizmie wirtualnym potencjał metaforyczny” [ibidem]. W niniejszym artykule poszerzam rozumienie śladu frazeologicznego na każdą aktualizację poddanego transformacji frazeologizmu w tekście utworu.

Chodzi przede wszystkim o to, że semantyczna transformacja frazeologizmu, której efektem jest kalambur frazeologiczny, obejmuje swoim zasięgiem co najmniej dwa elementy: pierwszym jest frazeologizm ze swoim znaczeniem przenośnym, drugim – element (fragment) tekstu bazujący na obrazowości frazeologizmu, która ulega udostępnieniu – ślad frazeologiczny. „Zasięg” tego rodzaju gry może być „lokalny” – obejmować minimalną ilość elementów i najbliższy kontekst, a może rozszerzać się na cały tekst – w tym przypadku możemy mówić o siatce śladów frazeologicznych i ich senso- i tekstotwórczym potencjale. Taką rolę pełni na przykład imię lisicy A Huli – głównej bohaterki powieści Wiktora Pielewina „Święta księga wilkołaka” [zob. Kananowicz, 2018].

Stosowana w pracy analiza translatoryczna polega zatem na eksplikacji semantyki frazeologizmów, które w oryginale zostały poddane autorskim transformacjom, poszukiwaniu śladów frazeologicznych w tekście oraz ocenie rozwiązań translatorskich pod względem pełni i trafności przekazanych w przekładzie znaczeń. Wykorzystana do analizy seria translatorska, składająca się z wyborów nieprofesjonalnych tłumaczy (w większości studentów lub absolwentów filologii rosyjskiej polskich uczelni), umożliwia dokładne zdiagnozowanie problemu translatorycznego i leżących u jego podstaw procesów, a także wskazanie optymalnych rozwiązań translatorskich.

Analiza materiału. Analizę materiału należałoby poprzedzić krótką charakterystyką twórczości Michaiła Uspieńskiego – autora, którego inny współczesny pisarz i krytyk literacki Dmitrij Bykow określił mianem „rosyjskiego cudu”, i który niestety nie jest dobrze znany polskiemu czytelnikowi, przede wszystkim ze względu na brak przekładów jego dzieł na język polski. Przyczyn takiego stanu rzeczy można dopatrywać się w bardzo silnym nacechowaniu kulturowym prozy Uspieńskiego – podwyższonym stopniu „obcości” [Lewicki, 2000], nasilonym „zapachu kulturowym” [Iwabuchi, 2002]. Zaproponowany do przekładu w ramach konkursu translatorycznego fragment pochodzi z powieści „Кого за смертью посылать”, będącej trzecią częścią trylogii o przygodach osiłka Żyhara. Badacze twórczości Uspieńskiego umiejscawiają ją w nurcie rosyjskiego humorystycznego (ironicznego) fantasy [Королькова, 2011, 2013], a mówiąc o języku powieści odnotowują wielość odwołań intertekstualnych m.in. do folkloru, mitologii (skandynawskiej, słowiańskiej, greckiej, szumeryjskiej i in.), literatury światowej i rosyjskiej, filozofii, kinematografii i in., wskazują również na częstotliwość występowania gier językowych jako jeden z wyznaczników idiosylu pisarza [Неелов, 2002, Грязнова, 2004, Магаева, 2011]. Uspieński „gra” z językiem na różnych poziomach, również

na poziomie frazeologizmów i frazemów. Poniżej zostaną przeanalizowane trzy fragmenty powieści, zbudowane na takiej grze.

1. Pierwszy fragment, w którym zawarty jest interesujący nas frazeologizm, opowiada o spotkaniu Żyhara i jego przyjaciela wodnika z bohaterem słynnej rosyjskiej bajki dla dzieci – Kołobokiem (W tłumaczeniu bajki na język polski z 1982 r. autorstwa M. Dolińskiej występuje odpowiednik Kołaczyk) por.:

– Не ешьте меня, – с ходу, не поздоровавшись даже, предложил Колобок. – Я вам песенку спою...

– Ну уж нет, – сказал богатырь и наложил на лысину хитреца свою тяжелую руку. – Песни твои мы знаем: заморозишь нас, а сам укачишься.

– Меня теперь даже есть нельзя, – вздохнул Колобок. – Я черствый. Совсем очерствел от бродячей жизни. Об меня даже сам Мироед чуть зубы не обломал...

(Wszystkie cytaty oryginalne pochodzą z książki [Успенский, 2013]).

Przytoczony fragment rozpoczyna tekst precedensowy w całości zapożyczony z bajki (*Не ешьте меня, я вам песенку спою*), a kończy frazeologizm *обломать зубы на чем* w znaczeniu ‘ponieść porażkę’, który ulega udostownieniu: połamać zęby można również wtedy, kiedy jemy coś twardego, – w tym przypadku szorstwieńkiego Kołoboka, który, jak pamiętamy, jest „ożywionym bohenkiem chleba” (<https://pl.wikipedia.org/wiki/Кол%С5%82обок>), bułeczką. W języku polskim istnieje całkowity ekwiwalent – frazeologizm *połamać (złamać) zęby na czymś* z wariantem *wyszczерbić zęby na czymś*, które – z różnymi modyfikacjami – zostały użyte we wszystkich oddanych do oceny pracach (zob. tabele poniżej), jednakże tylko kilka z zaproponowanych rozwiązań można uznać za udane.

Tabela 1. Warianty przekładu zdania z frazeologizmem *обломать зубы на чем*

1.	Sam Światożer prawie wyszczерbił sobie o mnie zęby...
2.	Nawet sam Mirojed prawie sobie na mnie zęby połamał.
3.	Na mnie nawet sam Mirojed mało co zębów nie połamał...
4.	Na mnie sam Nygus o mało co by sobie zębów nie połamał.
5.	O mnie nawet Mirojed prawie zęby złamał...
6.	Nawet sam Darmozjad próbował, a jedyne co mu z tego przyszło, to połamane zęby...
7.	Mało brakowało, żeby sam Wielki Pożeracz złamał sobie o mnie zęby.
8.	Na mnie nawet sam Mirojed omal zęba nie ułamał...
9.	Na mnie nawet sam Mirojad prawie zęby połamał...
10.	Sam Mirojad prawie sobie zębów o mnie nie połamał...
11.	Sam Światożerca prawie połamał sobie zęby próbując mnie zjeść...
12.	Nawet Światopożeracz prawie sobie połamał na mnie zęby...
13.	Nawet Odrzyskóra prawie sobie na mnie połamał zęby...
14.	Sam Mirojad prawie sobie zębów o mnie nie połamał...
15.	Nawet sam Zjadacz omal nie złamał sobie na mnie zębów.
16.	Nawet sam Darmozjad o mnie mało co zębów nie połamał...

17.	Przeze mnie to nawet sam Kułak ledwo co sobie zęba nie połamał.
18.	Przeze mnie nawet Darmozjad o mały włos nie stracił wszystkich swoich zębów...
19.	Nawet sam Mirojed o mało nie połamał sobie na mnie zębów.

Udostówienie frazeologizmu w tym przypadku odnosi się nie tylko do czerstwości Kołoboka, lecz również do postaci o imieniu *Муроед*, które sugeruje, że ten ktoś je (pożera, pochłania) całe światy, ale nie dał rady zjeść Kołoboka. W tym imieniu kryje się ślad aktualizowanego frazeologizmu, który również powinien zostać zaktualizowany w przekładzie, aby odbiorca mógł odtworzyć całą siatkę sensów. A zatem za optymalne należy uznać rozwiązania, w których w przekładzie została odtworzona wewnętrzna forma imienia *Муроед* – do takich zaliczyć należy przekłady 1 (*Światożer*), 7 (*Wielki Pożeracz*), 11 (*Światożerca*), 12 (*Światopożeracz*), w pewnym sensie również 15 (*Zjadacz*). Pozostałe rozwiązania należy uznać za nieudane.

2. W drugim interesującym nas fragmencie Kołobok żali się na bohaterów, z którymi wcześniej miał do czynienia:

Случалось мне с различными героями подвизаться. Все они, в общем-то, на одну мерку скроены: твари неблагодарные. Шагу без меня ступить не могли, поминутно советовались. Царевну там добыть, меч ли кладенец, золотое ли руно... А как дело сделано – катись на все четыре стороны! Ни слова доброго, ни воздаяния...

Jak można zauważyć, fragment ten zawiera kilka frazeologizmów, nas natomiast będzie interesować tylko ostatni – *на все четыре стороны* – ‘dokądkolwiek’. Frazeologizm ów może mieć różne napełnienie czasownikowe, w *Słowniku Frazeologicznym Języka Rosyjskiego* [Молотков, 1968] proponowane są następujące warianty: *идти, убираться, прогонять, отпускать*. W tekście Uspieńskiego wybór czasownika *катиться* nie jest przypadkowy – nawiązuje bowiem do kulistego kształtu Kołoboka, który inaczej nie umie się poruszać, por. cytaty z bajki:

Колобок полежал — полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца — на двор, со двора за ворота, дальше и дальше (<https://nukadeti.ru/skazki/kolobok>).

Za udane zatem należałoby uznać te wybory translatorskie, w których zostałyby oddany ten specyficzny sposób poruszania się Kołoboka, wpisany w polski frazeologizm o podobnym znaczeniu, na przykład *przepędzić (wypędzić, rozpędzić) na cztery wiatry* w znaczeniu ‘wygnać kogoś brutalnie’ [Kłosińska, 2005].

Tabela 2. Warianty przekładu zdania z frazeologizmem *катиться на все четыре стороны*

1.	A jak sprawa załatwiona — turlaj się na cztery strony świata! Ani dobrego słowa, ani nagrody...
----	---

2.	A gdy już jest po sprawie... Rozpływali się jak kamfora, bez dobrego słowa, bez wynagrodzenia. Szukaj wiatru w polu!
3.	A jak sprawa załatwiona – zjeżdżaj gdzie chcesz! Ani słowa dobrego, ani odpłaty...
4.	A jak już po robocie – tocz się do diabła! Ani słowa dobrego, ani zapłaty...
5.	Jak to jest zrobione, to możesz iść na cztery strony świata. Ani słowa uprzejmości, ani nagrody...
6.	A jak przyszło co do czego, i robota była skończona, to odprawiali mnie z kwitkiem tam, gdzie diabeł mówi dobranoc. Taka była ich wdzięczność! Zwykłego „dziękuję” od nich nie usłyszałem, że o honorarium już nie wspomnę...
7.	A jak sprawa zostaje załatwiona – mam sobie iść do wszystkich diabłów. Ani słowa dobrego, ani odwetu...
8.	A jak po sprawie było – tocz się dalej w cztery strony świata! Żadnego dobrego słowa, żadnego wynagrodzenia...
9.	A jak już zrobili co trzeba, turlali na cztery wiatry! Ani jednego dobrego słowa, ani zapłaty...
10.	A jak już załatwiłem, co chcieli, to mnie toczyli we wszystkie strony świata!
11.	A jak robota zrobiona – pakują manatki i uciekają, gdzie pieprz rośnie! Ni dobrego słowa, ni zapłaty...
12.	A jak już się udało – pierzchali czym prędzej! Ani dziękuję, ani do wiedzenia...
13.	A jak już dzieło skończone - rozlatywali się na wszystkie światy strony! Ani słowa dobrego ani wynagrodzenia...
14.	A jak misja została wykonana – kulaj się dokąd chcesz! Ani dobrego słowa, ani nagrody...
15.	A jak robota wykonana – turlaj się na wszystkie cztery strony! Ani dobrego słowa, ani odpłaty...
16.	No i, rzecz jasna, turlaj się na cztery strony świata! Ani jednego dobrego słowa, ani zapłaty...
17.	Tak to właśnie jest – ciągle się jedynie tylko dwoisz i troisz! I ani słowa dobrego, ani nagrody żadnej...
18.	A jak sprawa była załatwiona – pozostawało mi tylko toczyć się na wszystkie strony świata! Żadnego dobrego słowa, ni nagrody...
19.	A jak się spełniło, to ani słowem nie dziękowali, ani nie nagrodzili... I znów toczyłem się po świecie.

Zgodnie z powyższym, do udanych zaliczymy warianty 1, 4, 8, 14, 15, 16, wykorzystujące polskie czasowniki *turlać się*, *toczyć się*. Kwestia przeniesienia do polskiego tekstu rosyjskiej obrazowości w postaci elementu na wszystkie (cztery) strony (świata) nie będzie tutaj rozpatrywana. W reszcie przykładów mamy do czynienia albo z neutralizacją interesującej nas tu semantyki (*zjeżdżaj/ idź gdzie chcesz/ do wszystkich diabłów*, przykłady 3, 5, 7), albo z błędnym tłumaczeniem. Na uwagę zasługują powtarzające się błędy, związane z niepoprawną interpretacją oryginalnego fragmentu, który został odczytany jako:

1) 'ucieczka bez podziękowania', i to nie Kołoboka, tylko bohaterów, którzy *rozpływali się jak kamfora, pakowali manatki i uciekali, pierzchali czym prędzej, rozlatywali się na wszystkie strony* (2, 11, 12, 13);

2) czynność wykonana na Kołoboku, którego *turlano na cztery wiatry albo toczono we wszystkie strony świata* (9, 10);

3) dalszy los Kołoboka, któremu *pozostawało tylko toczyć się na wszystkie strony świata/ po świecie* (18, 19).

Zarówno ilość błędów (występują w prawie połowie omawianych przykładów), jak i ich podobieństwo wskazują na dosyć wysoki stopień złożoności omawianego przypadku, przy tym można podejrzewać, że nie jest ona bezpośrednio związana z organizującym zdanie frazeologizmem, albo – inaczej – nie jest związana z obrazowością frazeologizmu, wszak we wszystkich przypadkach wskazanych w punktach 1 i 2 frazeologizm został na ten lub inny sposób przekazany w przekładzie. W związku z tym można podejrzewać, że źródłem kłopotów jest konstrukcja składniowa zdania, w ramach którego występuje interesujący nas frazeologizm. W swoim tekście Uspieński parafrazuje przysłowie *сделал дело – гуляй смело*, czyniąc podstawą transformacji jego nieswobodną (półutartą) konstrukcję składniową – tak zwany frazeoschemat [zob. omówienie terminu w: Норман, 2013, s. 79–101]: czasownik w 2 os. l.p w czasie przeszłym + czasownik 2 os. l.p. w trybie rozkazującym. Na tym wzorze składniowym bazuje spora ilość przysłów rosyjskich (por. *не умеешь – не берись, сказал А – говори и Б* i in.) o ogólnym znaczeniu możliwości/ powinności wykonania czynności B po spełnieniu warunku A: 'jeśli zrobisz A, możesz/ powiniesz zrobić B'. Na to znaczenie nakłada się znaczenie ogólności (обобщенно-личности), które w analizowanym fragmencie ulega konkretyzacji zarówno pod względem osoby, jak i czasu: Kołobok mówi o sobie i o tym, jak go traktowali bohaterowie w przeszłości. W związku z tym ten fragment należy odczytywać jako zdanie z ukrytą w nim częścią modusową (rozkazem), którą można by było wyeksplikować w sposób następujący: *a kiedy już wykonałem robotę, kazali mi turlać się na cztery wiatry/ rozkazali: turlaj się na cztery wiatry*. Wykorzystany w tekście oryginalnym frazeoschemat jest o wiele rzadszy w języku polskim [zob. np. Czapiga, 2013, s. 108–109], stąd też problemy z odtworzeniem jego semantyki i adekwatnym przekładem. W tym przypadku należałoby całkowicie zmienić konstrukcję składniową, wyprowadzając na powierzchnię składnik modusowy, konkretyzując semantykę uogólnionej osoby i lokalizując wydarzenie w czasie przeszłym. Takie rozwiązanie (bez lokalizacji czasowej) znajdujemy w przekładzie 7: *A jak sprawa zostaje załatwiona – tam sobie iść do wszystkich diabłów*.

3. Jak pokazała analiza, nie jest to jedyny przypadek, kiedy pomyślny przekład frazeologizmu zależy od poprawnej interpretacji leżącego u jego podstaw frazeoschematu. W trzecim fragmencie, który chciałabym omówić, Kołobok nagle rozpoznaje w Żyharze superbohatera, o którym tyle słyszał:

- *Так ты, выходит, тот самый Жихарь, который...*
- *Тот самый, – сказал богатырь.*
- *Который, – подтвердил водяник. – Которее не бывает.*

U podstaw transformacji *которее не бывает* leży frazem *лучше/ хуже не бывает* w znaczeniu ‘najlepszy’ lub ‘najgorszy’. Inwariant semantyczny frazemu posiada semantykę ‘najwyższy stopień przejawiania się jakiejś cechy’ (zarówno pozytywnej, jak i negatywnej), w związku z czym kolejne oparte na tym schemacie frazemy należy odczytywać w sposób następujący: *белее не бывает* – ‘najbielszy’, *уродливее не бывает* – ‘najbrzydszy’ itd. A jak należałoby zinterpretować transformację *которее не бывает*? W oderwaniu od kontekstu transformacja ta jest bezsensowna – zaimek względny *который*, po pierwsze, nie jest stopniowalny, a po drugie – nie posiada własnego znaczenia – nie ma cechy, którą można by było nazwać kłórością (каторостью). W kontekście danego fragmentu ów frazem odsyła nas do przerwane go zdania Kołoboka (śladu), zakończone go wyrazem *который*: *Так ты, выходит, тот самый Жихарь, который...* Wyraz ten – podobnie do innych wyrażeń anaforycznych – wypełnia się tymi sensami subiektywnymi, które Kołobok jest w stanie powiązać z Żyharem jako słynnym bohaterem, na przykład: *ястеś tym Жыhareм, кото́ры забил гро́znego потвора, кото́ры uratował księżniczkę, кото́ры zbawił świat, кото́ры jest nieśmiertelny* itd. Te wszystkie sensory składają się na cechę „żyharowości” – pewnego rodzaju zindywidualizowanej w osobie Żyhara bohaterskości, kryjącej się zarówno za zaimkiem *который*, jak i za transformacją frazeologiczną *которее не бывает*. Warto również wspomnieć o funkcji tej repliki wodnika, którą jest dodatkowe potwierdzenie słów samego Żyhara – zapewnienie Kołoboka, że ma do czynienia z tą samą osobą, o której pomyślał (potwierdzenie poprawnej identyfikacji). W języku polskim istnieje podobny schemat: *lepszego nie ma/ lepszego pan/ pani nie znajdzie*, ale, po pierwsze, wydaje się, że jego inwariant semantyczny opiera się o znaczenie ‘najwyższy stopień przejawiania się pozytywnej cechy’, a po drugie – bardzo mocno wiąże się z perswazyjnymi aktami mowy – zachwalaniem, przekonywaniem itd. Frazem *lepszego nie ma* nabiera dodatkowych sensów w przypadku transformacji osobowych: *Lepszego nie mam/ nie mamy*, por. ros. *Лучше этого (товара, предмета) у меня нет*. W związku z czym może być uważany za odpowiednik rosyjskiego frazemu w bardzo ograniczonym zakresie.

Tabela 3. Przekład fragmentu z transformacją frazeologiczną *которее не бывает*

1.	– Wychodzi na to, że ty to ten sam Domowik, który... – Ten sam – powiedział bohater. – Nie ma takiego drugiego – potwierdził wodnik.
2.	– Tak ty chyba jesteś tym Żyhareм który... – Tak to ja – powiedział bohater. – Tak to on – potwierdził wodnik. – Prawdziwy najprawdziwszy.
3.	– Więc ty, tak wychodzi, ten Żychar, który... – Ten sam – powiedział bohater. – Któ́ry – potwierdził wodnik. – Bardziej kórego nie bywa.
4.	– Wychodzi na to, że jesteś ten sam Czarcich, który... – Ten sam – powiedział woj. – Któ́ry – potwierdził wodnik. Którszych nie ma.
5.	– Wychodzi na to, że ty jesteś ten sam Żychar, który... – Ten sam – powiedział Bogatyr. – Któ́ry – potwierdził wodny. – Któ́ry nie istnieje.

6.	– Poczekaj, to ty jesteś ten sam Żychar, co... – Dokładnie - powiedział bohater. – Sam samusieńki – potwierdził Wodnik – najsamiejszy na całym świecie.
7.	– Czekaj – a czy nie ty czasem jesteś ten znany Poroniec, co... – Dosłownie ten sam – odpowiedział mocarz. – Dokładnie tamten – potwierdził Wodnik. – Dokładniej być już nie może.
8.	– Wychodzi na to, że jesteś tym Życharem, który... – Dokładnie tym – odpowiedział osiłek. – Takich więcej nie bywa – potwierdził Wodnik.
9.	– Tak, wychodzi na to, że to ty, ten który... – Ten sam – rzekł rycerz. – Z tych – potwierdził wodnik – co się nie zdarzają.
10.	– A tu proszę, ten sam Żychar, którego... – Ten sam – powiedział bogatyr. – Którego – powtórzył wodnik. – Który jest tylko jeden.
11.	– Więc to ty jesteś tym Domowikiem, który... – We własnej osobie – powiedział bogatyr. – Tym, którego rzadko uświadczysz, – dodał wodnik.
12.	– I nagle taki Żychar, którego... – To ja, nikt inny – powiedział mężczyzna. – Którego – upomniał wodnik. – Którego nikt się nie spodziewał.
13.	– A to ty, okazuje się, ten sam Żychar, który... – Ten sam – powiedział bogatyr. – Tak - potwierdził tryton. – A tak się nie zdarza.
14.	– Czyli okazuje się, że jesteś tym samym Domowikiem, tym... – Tym samym – powiedział bogatyr. – Tym, – potwierdził wodnik – których nie bywa.
15.	– Ale ty, wychodzi na to, to ten Żyhar, co... – W rzeczy samej – powiedział bohater. – Co – potwierdził wodnik. – Co się nie zdarza
16.	– A więc okazuje się, że jesteś tym samym Niebojanem, który... – Tym samym – potwierdził śmiałek. – Który - zaświadczył wodnik. – Którzasty jest niesłychany.
17.	– Ach, jednak ty na to wpadłeś, sam w sobie Żyhar, ten jakich... – Sam w sobie – powiedział witeź. – Dokładnie ten – przytaknął wodnik – jakich mało.
18.	– Więc okazuje się, że jesteś samym Domowikiem, tym który... – Właśnie tym – przytaknął bohater. – Który – powiedział utopiec. – Co się na ogół nie zdarza.
19.	– Więc jesteś tym samym Domowojem, który... – Tak – powiedział bogatyr. – Tak, „który” – potwierdził wodnik. – Takie rzeczy się nie zdarzają.

Wszystkie zaproponowane rozwiązania można podzielić na 4 grupy według stopnia bliskości do semantyki oryginału:

1) przekłady, w których semantyka została odczytana poprawnie (najwyższy stopień „którości” bohatera), lecz z tych lub innych powodów tych rozwiązań translatorskich nie można uznać za dobre. Chodzi o warianty 3 (*bardziej którego nie bywa*) i 4 (*którszych nie*

ma), z których każdy kalkuje frazeoschemat oryginału bez uwzględnienia niuansów semantycznych konstrukcji polskiej Wszystkie przekłady, w których został użyty czasownik bywać, należy dodatkowo uznać za niepoprawne ze względów językowo-stylistycznych;

2) przekłady, w których semantyka została odczytana poprawnie częściowo (najwyższy stopień jakiejś cechy), lecz tłumacze nie potrafili trafnie tej cechy określić – mowa tu o wariantach 1, 2, 6, 8, 10, 11, 17. W trzech przypadkach została podkreślona wyjątkowość bohatera (1: *nie ma takiego drugiego*; 8: *takich więcej nie bywa*; 10: *który jest tylko jeden*), w kolejnych – że należy on do rzadko spotykanych osób (11: *tym, którego rzadko uświadczysz*), że należy do nielicznej grupy osób (17: *dokładnie ten, jakich mało*), że jest prawdziwym bohaterem (2: *prawdziwy najprawdziwszy*), że jest samotnym bohaterem (*sam samiusieńki, najsamiejszy na całym świecie*). W tym ostatnim przypadku wyprowadzenie przez tłumacza semantyki samotności wydaje się niezamierzone, prawdopodobnie chodziło tu o najwyższy stopień bycia „tym samym bohaterem”;

3) przekłady, w których semantyka została zinterpretowana błędnie poprzez dosłowne odczytanie oryginalnej konstrukcji (*не бывает – nie ma, nie istnieje*), co zaowocowało „dziwnymi” zdaniem, z których wynika, że Żyhar (wbrew temu, co dzieje się w powieści) nie istnieje. Są to warianty 5 (*który nie istnieje*), 9 (*z tych, co się nie zdarzają*), 14 (*tym, których nie bywa*), 15 (*co się nie zdarza*), 18 (*co się na ogół nie zdarza*);

4) przekłady, w których tłumacze, nie wiedząc zapewne, co począć z daną konstrukcją, zaproponowali „twórcze” rozwiązania, w żaden sposób nie związane z semantyką oryginału: 12 (*którego nikt się nie spodziewał*), 13 (*a tak się nie zdarza*), 16 (*którzasty jest niesłychany*), 19 (*takie rzeczy się nie zdarzają*).

Na tym tle rozsądnie wygląda wariant 7 (*dokładnie ten sam, dokładniej być już nie może*), w którym tłumacz rezygnuje z „walki” z konstrukcją oryginału, w tym z przekazywanych przez nią sensów, na rzecz skupienia się na funkcji wypowiedzi wodnika – potwierdzenia domysłów Kołoboka.

Wyniki i wnioski. Jak wykazała analiza, autorska gra z frazeologizmami, m.in. udostępnianie frazeologizmu, może mieć swoje źródła w innych elementach tekstu lub rozszerzać się na inne elementy tekstu – tak zwane ślady frazeologiczne, które są istotnymi elementami tej gry. Zadaniem tłumacza w tym przypadku jest nie tylko dobór odpowiednika, lecz identyfikacja wszystkich śladów frazeologicznych i wpisanie ich w ogólną siatkę aktualizowanych przez frazeologizm sensów. Gry z frazeologizmami pełnią przede wszystkim funkcję ludyczną, ale jednocześnie wzbogacają semantyczną warstwę tekstu i częstokroć pełnią funkcję senso- i tekstotwórczą. Nieodtworzenie w przekładzie któregoś z elementów tej siatki może skutkować naruszeniem globalnej spójności tekstu i zakłóceniem jego odbioru. Ponadto problemy translatorskie w przypadku tych jednostek przekładowych związane są nie tylko z obrazowością frazeologizmów, lecz również z tak zwaną etnoskładnią [Wierzbicka, 1999] – specyfiką kulturową określonych konstrukcji składniowych, na których oparte są frazeologizmy i frazemy. Może ona dotyczyć istnienia określonych frazeoschematów w jednej kulturze i ich braku w innej, częstotliwości występowania frazeoschematów, ich produktywności, sensów pragmatycznych itp. Translatorskie rozwiązania nieprofesjonalnych tłumaczy, zwłaszcza w serii przekładowej, są pod tym

względem szczególnie przydatne, gdyż wskazują na miejsca braku kongruencji w systemach frazeoskładni i unaoczniają potrzebę dalszych badań kontrastywnych w tym zakresie.

Bibliografia

- Adamowicz-Pośpiech, A. (2013). *Seria w przekładzie. Polskie warianty prozy Josepha Conrada*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Bąba, S. (1989). *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Bąba, S. (2009). *Frazeologia polska: studia i szkice*. Poznań: Wydawnictwo „Poznańskie Studia Polonistyczne”.
- Chlebda, W. (1991). *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole: Wyższa Szkoła Pedagogiczna.
- Chlebda, W. (2020). Reprodukowalność, reprodukcja, reprodukt (s. 27–50). W W. Chlebda, J. Tarsa (red.). *Frazeologia a reprodukowalność w teorii i praktyce komunikacyjnej: problemy – metody analizy – opis*, t. 6. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Chlebda, W. (Ed.). (2014). *Frazeologia a przekład*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Czapiga, A. (2013). *Gramatyka konfrontatywna polsko-rosyjska. Morfologia. Składnia zdania pojedynczego*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Hejrowski, K. (2004). *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kananowicz, T. (2018). Игры Виктора Пелевина: проблемы перевода. W A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska (red.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII: *Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (s. 209–219). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Kłosińska, A. (Ed.). (2005). *Słownik frazeologiczny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Lewicki, R. (2000). *Obcość w odbiorze przekładu*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Mosiółek-Kłosińska, K. (2002). Innowacje frazeologiczne jako źródło powstawania nowych jednostek leksykalnych. W A.M. Lewicki (red.). *Problemy frazeologii europejskiej*, t. 5. (s. 21–34). Lublin: „Norbertinum”.
- Pstyga A., Kananowicz T., & Buchowska M. (Ed.). (2018). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII: *Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Skibski, K. (2018). Ślad frazeologiczny w poezji współczesnej. W A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska (red.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII: *Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (s. 88–96). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Stawnicka, J. (1998). O niektórych mechanizmach językowych przekładu zmodyfikowanych związków frazeologicznych (na materiale języka polskiego i rosyjskiego). W K. Luciński (red.). *Problemy nauczania języka rosyjskiego, literatury i kultury u progu XXI wieku* (s. 133–142). Kielce.
- Stawnicka, J. (2002). Gry słów i ich przekład (na materiale „Myśli nieuczesanych” S.J. Leca tłumaczonych na język rosyjski). W B. Tichoniuk (red.). *Innowacje w językach*

References

- Adamowicz-Pośpiech, A. (2013). *The series in translation. Polish variants of Joseph Conrad's prose*. Katowice: Publishing House of the University of Silesia. (In Polish)
- Baba, S. (1989). *Phraseological innovations of contemporary Polish*. Poznań: AMU Scientific Publishers. (In Polish)
- Baba, S. (2009). *Polish phraseology: studies and sketches*. Poznań: "Poznań Polish Studies" Publishing House. (In Polish)
- Chlebda, W. (1991). *Elements of phrasing. Introduction to the sender's phraseology*. Opole: Pedagogical University. (In Polish)
- Chlebda, W. (2020). Reproducibility, reproduction, reproductions. Eds. by W. Chlebda, J. Tarsa. *Phraseology and reproducibility in communication theory and practice: problems - methods of analysis - description*, vol. 6. (pp. 27–50). Białystok: University of Białystok Publishing House. (In Polish)
- Chlebda, W. (Ed.). (2014). *Phraseology and translation*. Opole: Publishing House of the University of Opole. (In Polish)
- Czapiga, A. (2013). *Polish-Russian confrontative grammar. Morphology. Single sentence syntax*. Rzeszów: Publishing House of the University of Rzeszów. (In Polish)
- Gryaznova, A. T. (2004). National traditions of the word play in the fantasy novel by M.G. Uspensky "Where we are absent". *Linguistic and esthetic aspects of text and speech analysis* (pp. 31–34). Solikamsk: Solikamsk State Pedagogical University. (In Russian)
- Hejrowski, K. (2004). *Cognitive-communicative translation theory*. Warsaw: Polish Scientific Publishers PWN. (In Polish)
- Iwabuchi, K. (2002). *Recentering Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism* Durham and London.
- Kananowicz, T. (2018). Victor Pelevin's games: translation problems. Eds. by A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska. *A word from the perspective of a linguist and translator*, vol. VII: *Phraseology from the perspective of a linguist and translator* (pp. 209–219). Gdańsk: Publishing House of the University of Gdańsk. (In Russian)
- Kłosińska, A. (Ed.). (2005). *Phrasebook*. Warsaw: Polish Scientific Publishers PWN. (In Polish)
- Korol'kova, Ya. V. (2011). Games with precedent texts as a source of humour in the fantasy novels by M. Uspensky. *Annals of Tomsk Pedagogical University*, 7(109), 180–182. (In Russian)
- Korol'kova, Ya. V. (2013). Types of the precedent phenomena in the trilogy by M. Uspensky about Zhyhar's adventures. *Philological Sciences. Theory and Practice*, 7(25), part 1, 99–101. (In Russian)
- Lewicki, R. (2000). *Strangeness in the reception of the translation*. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press. (In Polish)
- Magayeva Ye. N. (2011). Intertextuality in M. Uspensky's writing. *Actual Issues of Philological Sciences* (pp. 91–94). Chita: Molodoy uchenyy. (In Russian)

wschodniosłowiańskich II (s. 225–235). Zielona Góra: Wydawnictwo Uniwersytetu Zielonogórskiego.

Stawnicka, J. (2004). Defrazeologizacja w przekładzie (polskie teksty aforyczne w przekładzie na język rosyjski), *Przegląd Rusycystyczny*, 1, 100–109.

Studzińska, J. (2018). Kategoria śladu frazeologicznego w analizie przekładów hiszpańskiej poezji współczesnej. W A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska (red.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII: *Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (s. 247–255). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Studzińska, J., & Skibski, K. (2016). Frazeologizmy Wisławy Szymborskiej w przekładzie. Propozycja kategorii śladu frazeologicznego, *Przeźrenie Teorii*, 25, 149–175.

Szpila, G. (2018). Frazeologia Doroty Masłowskiej w rosyjskim przekładzie Wojny polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwoną (s. 193–208). W A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska (red.). *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII: *Frazeologia z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

Wierzbicka, A. (1999). Etnoskładnia i filozofia gramatyki. W (też) *Język – umysł – kultura* (s. 341–401). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Грязнова, А. Т. (2004). Национальные традиции языковой игры в фантазийном романе М. Г. Успенского «Там, где нас нет». *Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи* (с. 31–34). Соликамск: Соликамский государственный педагогический университет.

Королькова, Я. В. (2011). Игра с прецедентными текстами как источник комического в романах-фантазии М. Успенского. *Вестник Томского пед. ун-та*, 7(109), 180–182.

Королькова, Я. В. (2013). Типы прецедентных феноменов в трилогии М. Успенского о приключениях Жихаря. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 7(25), ч. 1, 99–101.

Магаева, Е. Н. (2011). Интертекстуальность в творчестве М. Успенского. *Актуальные вопросы филологических наук* (с. 91–94). Чита: Молодой ученый.

Мелерович, А., & Мокиенко, В. (1997). *Фраzeологизмы в русской речи. Словарь*. Москва: Русские словари.

Молотков, А. И. (Ред.). (1968). *Фраzeологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.

Неелов, Е. М. (2002). *Фольклорный интертекст русской фантастики: учеб. пособие по спецкурсу*. Петрозаводск. Электронное ресурс <http://chaiklib.permculture.ru/SharedFiles/Download.aspx?pa geid=1709&mid=11208&fileid=4945>

Норман, Б. Ю. (2013). *Когнитивный синтаксис русского языка: учеб. пособие*. Москва: Флинта.

Телия, В. Н. (Ред.). (2006). *Большой фраzeологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

Melero vich, A., & Moki yenko, V. (1997). *Phraseology in Russian Language. Dictionary*. Moscow: Russkiye slovari. (In Russian)

Molotkov, A.I. (Ed.). (1968). *Phraseological Dictionary of Russian Language*. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian)

Mosiolek-Kł osinska, K. (2002). Phraseological innovations as a source of the formation of new lexical units. Ed. by A. M. Lewicki. *Problems of European phraseology*, vol. 5. (pp. 21–34). Lublin: "Norbertinum". (In Polish)

Neyelov, Ye.M. (2002). *Folk Intertext of Russian Fantasy: Textbook on Special Course of Study*. Petrozavodsk. (In Russian) Retrieved from: <http://chaiklib.permculture.ru/SharedFiles/Download.aspx?pa geid=1709&mid=11208&fileid=4945>

Norman, B. Yu. (2013). *Cognitive Syntax of Russian Language: Study Aid*. Moscow: Flinta. (In Russian)

Pstyga A., Kananowicz T., & Buchowska M. (Eds.), (2018). *A word from the perspective of a linguist and translator*, vol. VII: *Phraseology from the perspective of a linguist and translator*. Gdańsk: Publishing House of the University of Gdansk. (In Polish)

Skibski, K. (2018). Phraseological trace in contemporary poetry. Eds. by A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska. *A word from the perspective of a linguist and translator*, vol. VII: *Phraseology from the perspective of a linguist and translator* (pp. 88–96). Gdańsk: Publishing House of the University of Gdańsk. (In Polish)

Stawnicka, J. (1998). On some linguistic mechanisms of the translation of modified phraseological relationships (on the material of Polish and Russian). Ed. by K. Luciński. *Problems of teaching the Russian language, literature and culture at the threshold of the 21st century* (pp. 133–142). Kielce. (In Polish)

Stawnicka, J. (2002). Word games and their translation (on the material of S.J. Lec's "Unkempt Thoughts" translated into Russian). Ed. by B. Tichoniuk. *Innovations in East Slavic languages II* (pp. 225–235). Zielona Góra: Publishing House of the University of Zielona Góra. (In Polish)

Stawnicka, J. (2004). Defrazeologization in translation (Polish aphoric texts translated into Russian), *Przegląd Rusycyst*, 1, 100–109. (In Polish)

Studzińska, J. (2018). The category of a phraseological trace in the analysis of translations of contemporary Spanish poetry. Eds. by A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska. *A word from the perspective of a linguist and translator*, vol. VII: *Phraseology from the perspective of a linguist and translator* (pp. 247–255). Gdańsk: Publishing House of the University of Gdańsk. (In Polish)

Studzińska, J., & Skibski, K. (2016). Wisława Szymborska's phraseologisms in translation. Proposition of the phraseological trace category, *Theory Spaces*, 25, 149–175. (In Polish)

Szpila, G. (2018). Dorota Masłowska's phraseology in the Russian translation of the Polish-Russian War under the white and red flag (pp. 193–208). Eds. by A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska. *A word from the perspective of a linguist and translator*, vol. VII: *Phraseology from the perspective of a linguist and translator*. Gdańsk: Publishing House of the University of Gdańsk. (In Polish)

Успенский, М. (2013). *Кого за смертью посылать*. Москва: Эксмо.

Iwabuchi, K. (2002). *Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism* Durham and London.

Teliya, V.N. (Ed.). (2006). *The Big Phraseological Dictionary of Russian Language. Meaning. Usage. Culturological Explanatory Note*. Moscow: AST-PRESS KNIGA. (In Russian)

Uspensky, M. (2013). *Who Should Be Sent for Death*. Moscow: Eksmo. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1999). The ethno-syntax and philosophy of grammar. In (the same) *Language - mind - culture* (pp. 341–401). Warsaw: Polish Scientific Publishers PWN. (In Polish)

Кананович Т. **Проблемы перевода фразеологических трансформаций М. Успенского на польский язык**. В статье рассматриваются проблемы перевода на польский язык избранных фразеологических трансформаций из романа М. Успенского «Кого за смертью посылать». Переводческому анализу была подвергнута переводческая серия – непрофессиональные переводы фрагмента романа, выполненные девятнадцатью участниками XII Конкурса переводчиков, организованного Институтом русистики и востоковедения Гданьского университета в 2020-2021 г. В основу анализа положена концепция фразеологического следа, в соответствии с которой под фразеологическим следом понимается как подвергнутый трансформации фразеологизм, так и другие элементы текста, на которые распространяется действие данного фразеологизма, т.е. любая его актуализация в тексте. Переводчик в этом случае должен не только выбрать соответствие, но и идентифицировать все фразеологические следы, а также вписать их в общую сетку актуализируемых фразеологизмом смыслов. Фразеологические каламбуры выполняют прежде всего развлекательную функцию, но также обогащают семантический уровень текста, а иногда играют роль существенных смысло- и текстогенерирующих элементов. Пропуск одного из фразеологических следов может привести к нарушению глобальной целостности текста и к проблемам в его восприятии. Кроме того, проблемы перевода данных единиц могут быть связаны не только с образностью фразеологизмов, но и с культурной спецификой определенных синтаксических конструкций, на которых построены фразеологизмы. Переводческие решения непрофессиональных переводчиков представляют с этой точки зрения особую ценность, поскольку могут сигнализировать моменты несовпадения в системах фразеологического синтаксиса языков оригинала и перевода и указывать на необходимость в дальнейших сопоставительных исследованиях в данной области.

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеологические преобразования, фразеологический след, переводческая серия, фразеология.

Татьяна Кананович – доктор гуманитарных наук, доцент; Гданьский университет, Гданьск, Польша.

Для цитирования статьи:

Kananowicz, T. (2021). Problemy przekładu transformacji frazeologicznych M. Uspieńskiego na język polski. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 65–78.
DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-65-78

For citation:

Kananowicz, T. (2021). Problems of Translation of M. Uspensky's Phraseological Transformations into Polish. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 65–78. (In Polish) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-65-78

Хто такі ТОЙ і што ён КАЗАЎ? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні)

М. І. Канюшкевіч

Who Is toy and What Did He kazaŭ? (Use of yak toy kazaŭ combination in Belarusian speech)

M. I. Kaniushkevich

Марыя Іосіфаўна Канюшкевіч — доктар філалагічных навук, прафесар: незалежны даследчык, Гродна, Рэспубліка Беларусь

E-mail: marikon9@mail.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Разглядаючы факты папулярнасці ў сучасным беларускім маўленні спалучэння «як той казаў», лінгвістычны статус якога ў беларускім мовазнаўстве трактуецца па-рознаму: фразеалагізм, фразема, словы-паразіты. Ставіцца задача выяўлення асаблівасцей функцыянавання дазенага фразеалагізма ў сучаснай камунікацыі, для чаго выкарыстоўваецца функцыянальна-камунікатыўны падыход. Методыку аналізу складае вызначэнне функцыі спалучэння «як той казаў» у выказванні, устанавленне варыянтаў пашырэння фразеалагізма ў бок свабодных спалучэнняў, апісанне рэферэнтнага нападзення слова «той», а таксама зместу дэлібератыўнай часткі выказванняў са спалучэннем «як той казаў» і яго варыянтамі. У выніку выяўлены наступныя функцыі спалучэння «як той казаў» у сучасным беларускім маўленні – функцыя пабочных слоў, аўтарызацыя, самавыражэнне моўцы і запаўненне яго маўленча-мысліцельных лакун, стылізацыя гутарковай мовы і праствамоўя, апеляцыя да дасведчанасці адрасата, забеспячэнне дыялагічнасці дыскурса, маўленчаэтыкетная функцыя. Вакол інварыянтнага фразеалагізма «як той казаў» склалася варыятыўная прастора з наступнай парадыгмай (з вектарам да свабодных спалучэнняў): «як той казаў → казаў той → як казаў той N → як казаў N → казаў N → казаў / пісаў / думаў... N», а займеннік «той», няпэўна-рэферэнтны ў фразеалагізме, набывае рэферэнтную функцыю па меры адыходу ад цэнтра да перыферыі прасторы. Будучы жывой і актыўнай моўнай з’явай, спалучэнне «як той казаў» паказвае здольнасць да пашырэння сваіх функцый у сучаснай камунікацыі, што праяўляецца ў карэляцыі яго са зместам дэлібератыўнай часткі, у цэнтрабежнай тэндэнцыі ад ідыяматычнага інварыянта да свабодных сінтаксічных канструкцый.

Ключавыя словы: аўтарызацыя, дэлібератыў, выказванне, пабочныя словы, фразеалагізм

УДК 811.616.3:81.42

Maryia I. Kaniushkevich – Dr. Sci. in Philology, Professor; independent researcher, Grodno, Republic of Belarus

ORCID: 0000-0001-5585-5274

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

The facts of the “yak toy kazaŭ” [as they say] combination popularity in the modern Belarusian speech, the linguistic status of which in Belarusian linguistics is interpreted in different ways: phraseological unit, phraseme, words-parasites, are considered. The objective is to identify the features of this phraseological unit functioning in Belarusian speech, for which the functional-communicative approach is used. The analysis methodology consists of determining the functions of the “yak toy kazaŭ” combination in an utterance, establishing options for expanding the phraseological unit towards free collocations, describing the word “toy” referential content, as well as the content of the deliberative part of the statements with the “yak toy kazaŭ” combination and its variants. As a result, the following functions of the “yak toy kazaŭ” combination in Belarusian speech have been identified – the function of introduction, authorization, speaker’s self-expression and filling in his verbal and cogitative lexical gaps, colloquial speech and vernacular stylization, appeal to the recipient’s awareness, ensuring the discourse dialogicity, speech etiquette function. Around the “yak toy kazaŭ” invariant phraseological unit a variable space with the following paradigm (with a vector to free constructions): “yak toy kazaŭ → kazaŭ toy → yak kazaŭ toy N → yak kazaŭ N → kazaŭ N → kazaŭ / pisaŭ / dumaŭ... N” was formed, and the “toy” pronoun, which is indefinitely referential in a phraseological unit, acquires a referential function as it moves away from the center to the periphery of space. Being a living and active linguistic phenomenon, the “yak toy kazaŭ” combination shows the ability to expand its functions in modern communication, which is expressed in its correlation with the deliberative part of the utterance content, in the centrifugal tendency from the idiomatic invariant to free syntactic constructions.

Keywords: authorization, deliberative, utterance, introductory words, phraseological unit

OECD: 6.02.OY

V

Пастаноўка праблемы. Спалучэнне *як той казаў* вельмі ўжывальнае ў беларускай мове – у мастацкіх творах, публіцыстыцы, не кажучы ўжо пра гутарковую мову. Вось як тлумачаць сэнс сваёй гандлёвай маркі жытніх сухарыкаў да піва пад назвай «Як той казаў» яе стваральнікі:

«Пасля вывучэння рынку, а таксама асноўных канкурэнтаў заказчыка высветлілася, што сегмент сухарыкаў да піва перапоўнены, а пазіцыраванне сухарыкаў як моладзевага прадукта стала непрымальным. Было прынята рашэнне стварыць беларускі прадукт, што сягае каранямі ў самабытную гісторыю. Першай асацыяцыяй сталі “вячоркі”, узаеміны ў дварах пад клёнамі, калі старыя расказвалі тысячы гісторый, вясёлых і душэўных небыліц, дзе ні імён, ні аўтараў. Адсюль і назва сухарыкаў “Як той казаў”. Цэнтральным аб’ектам упакоўкі стала барада (як правобраз мудрасці і вопыту) і вусны, якія расказваюць нам гісторыі» (з інтэрв’ю дызайнера К. Івановай // marketing.by; фота ўпакоўкі гл. на hprint.by).

А вось прыклад з аб’явы газеты «Наша Ніва»: *«Наша Ніва» шукае спецыяліста па маркетынгу і продажх. Заробак залежыць ад сумы заключаных кантрактаў, не абмежаваны. Поўны, як той казаў, сацыяльны пакет. Месца работы – у цэнтры горада, каля метро.*

У праявічых творах многіх беларускіх пісьменнікаў – К. Чорнага. З. Бядулі, С. Баранавых, Я. Брыля, М. Гарэцкага, М. Гіля, Я. Купалы, М. Лынькова і інш. спалучэнне *як той казаў* ўжываюць, як правіла, персанажы твораў, у асноўным сяляне – носьбіты гутарковай мовы.

Шырока выкарыстоўваецца яно і ў публіцыстыцы, у асноўным «Нашай Нівай», сустракаецца ў газетах «Звязда», «Культура», на беларускамоўных сайтах інтэрнэт-рэсурсаў.

Спалучэнне *як той казаў* стала загаловам кнігі сатырычных мініяцюр Марціна Коўзкага (рус. Мартин Скользкий; псеўданім Міхаіла Барысавіча Марцінкоўскага, беларускага пісьменніка-сатырыка). У прадмове да кнігі даецца даведка: «“Як той казаў” гавораць, калі хочучь спаслацца на нешта добра вядомае, усім знаёмае, прапісную ісціну» [Коўзкі, 1998].

Паўстаюць пытанні: хто такі гэты *той* і што ён такое *казаў*, што на яго трэба спаслацца? І калі *той казаў* «прапісную ісціну», то навошта яе так часта паўтараюць, спасылаючыся на нейкага невядомага *таго*? Сваё разуменне сэнсу спалучэння *як той казаў* у цэлым і слова *той* у прыватнасці дае Максім Лужанін у паэме «Лявоніха» [Лужанін, 1977], дзе размова ідзе пра доўгае і нялёгкае жыццё мудрага і дасціпнага дзеда-палешука, які свае ацэнкі нялёгкага жыцця ці асабістых гаспадарчых поспехаў заўсёды суправаджаў спасылкай на невядомага *таго*: *як той казаў*. У паэме з *тым*, які *казаў*, параўноўваюцца па агульнай для іх прыкмеце – таямнічасці для людзей – *тая* (праўнучка-партызанка Лявоніха), *той* (скалечаны фашыстамі хлопчык) і *тыя* (партызаны), якіх мала хто бачыў, але ўсе бачылі вынікі іх барацьбы з немцамі. Дзеля ілюстрацыі дазволім сабе прывесці некалькі ўрыўкаў з паэмы (выдзяленне неабходных месцаў наша):

*А скрозь глядзелі хаты
У люстра поўных рэк,
Патупваў хітраваты,
Спаважны чалавек.
Зімой дзічка ўпалюе,
Б'е рыбу ў ледастаў.
**Не скажа: «Я мяркую!»
А ўсё: «Як той казаў».**
**Не то каб меў за сорам
У вока праўдай ткнуць,
Ён так навучан горам,
Калі не мог дыхнуць.**
Калі пятой жандара
Яго прыціснуў пан,
Калі ён гаспадарыў
Ад сошкі і цапа.
**У пошуках ратунку
Ад гэтых злых прыгод
Сваю святую думку
Валіў ён на «таго»:
Як той казаў, аконам
Сыцей за воўка жыў;
Як той казаў, законам
Хоць пень падперажы.
А хто ён, «той»? У свеце
Спаткай ці дажані,
Калі дагоніш вецер
Сярод пажатых ніў.***

.....

*Дзівіліся па вёсках
І, меркаваўшы ўсяк,
Пусцілі пагалоску,
Нібыта дзед – вядзьмак.
Што ён, травы на пойме
Сабраўшы ля ракі,
Як дасць карове ў пойле,
Дык зразу блізнюкі.
Каб выпытаць сакрэты
Пра тыя спарышы,
Старому шмат за гэта
Стаўлялі барышы.
Перакуліўшы чарку,
Ён важна прамаўляў,*

**Што трэба гаспадарку
Трымаць, як той казаў.**

....

Адкуль ты? – хто спытае.

Здалёк я... **З вёскі «той».**

Сама завуся «тая»,

Хлапец завецца «той».

Калісьці ў дні былыя.

Дзяўблі: «Як той казаў...»

Дык зноў мы сталі «тыя» –

Ні спраў няма, ні праў.

Ідзе ў пару начную

Лявоніха з малым,

Што бачыць, што пачуе –

Усё вядома «тым».

....

А гута знежывела –

Ці бог, ці «той» памог...

І зноў пра ўчынак смелы

Чуваць з другіх дарог.

М. Лужанін у паэтычнай форме растлумачыў папулярнасць спасылкі на *таго, які казаў*, увасобіўшы ў вобразе свайго героя адметную рысу беларуса, – абачлівасць, асцярожнасць у выказваннях, якая сфарміравалася ўсёй гісторыяй беларускага народа, што трываў ад бясконцых войнаў і прыцяснення заваёўнікаў на тэрыторыі Беларусі. За спасылкай *як той казаў* можна было схаваць сваю ўласную смелую думку (параўн. з сучасным нікнеймінгам для ананімнасці моўцы ў інтэрнэт-камунікацыі).

З другога боку, трэба ўлічыць і тое, што кніжная традыцыя беларускай мовы перарывалася на паўтара стагоддзя, калі беларуская мова жыла і функцыянавала толькі ў вуснай форме, таму спасылкі на тых ці іншых канкрэтных асоб былі немагчымыя. Натуральна, запаміналася самае мудрае, патрэбнае, што адкладвалася і ў самім народным вопыце. Вусная народная творчасць выпрацавала ёмкую і трапную форму спасылкі – на *таго, які гэтую мудрасць і казаў*.

Сёння, як і «ў дні былыя», спалучэнне *як той казаў* шырока ўжываецца ў беларускім маўленні. Даследчыцкую цікавасць выклікае лінгвістычны статус гэтага спалучэння, яго месца ў моўнай сістэме, функцыі, межы яго моўнай прасторы, дачыненні да памежных з ім моўных адзінак.

Гісторыя пытання. Атрыбуцый спалучэння *як той казаў* няшмат. У «Фразеалагічным слоўніку беларускай мовы» І. Я. Лепешава яно зафіксавана як славарная адзінка і падаецца наступным чынам: «**ЯК ТОЙ КАЗАЎ**. У знач. пабочн. сл. Разм. Як прынята гаварыць. Сін.: што называецца; як кажучь. На стале будзе, як той казаў, і паранае і варанае. Васілёнак» [Лепешаў, 1993, т. 2, с. 446]. У «Малым расейска-беларускім слоўніку прыказак, прымавак і фразем» спалучэнне трактуецца як фразема, падаюцца яе міжмоўны адпаведнікі і сінонімы: «*Как*

говорится — *Як той казаў = Казаў той = Так бы мовіць*» [Санько, 1991]. «Русско-белорусский словарь» приводзіць міжмоўныя адпаведнікі пад знакам ромба: *как говорится = як кажучь, як гаворыцца, як той казаў* [Русско-белорусский словарь, s. 181], падобна падае міжмоўныя адпаведнікі і «Беларуска-рускі слоўнік»: *як той казаў – как говорится* [Беларуска-рускі слоўнік, s. 561].

Больш пашыраныя звесткі знаходзім у Ф. М. Янкоўскага, які не толькі даў два варыянты спалучэння: *як той казаў і казаў той* і іх значэнне («Як звычай казаць, гаварыць; як ёсць завядзёнка казаць, гаварыць»), але і сабраў цэлую нізку прыкладаў з дадзеным спалучэннем і яго сінонімамі, занатаваных іншымі беларускімі даследчыкамі (дзеля зручнасці чытання цытаты мы ўжылі курсіў і выдзяленне аб'екта): «*Было сабе ў аकोліцы дзвюх дзяўчат, от такіх, як той казаў, што ні гловы, ні мовы. Ваўк. п., Кус. (М. Фед., ЛБ, III, 2). Нам, як той казаў, картофлі [бўльбы] не купляць. Навагр. р., Ваўк. Мы, як той казаў, жылі там адным гуртам. Тамсама. Як той казаў, ні перастояла, ні высыпалася. Слон. п. (М. Фед., ЛБ, IV). За адну картофліну, казаў той, спрэчак не робяць. Валож. р., Сак. Нам з бабай, казаў той, толькі і жыць: усё гатовае, усё ў нас ёсць. Барыс. р., Вял. Трасц. Параўн.: За ўсё сваё жыццё ён, як кажучь, не скрыўдзіў і малага дзіцяці. Сл. п., Чудз. (А. Сержп., КАБСП). Параўн. (у руск.): как говорится*» [Янкоўскі, 1968, s. 446].

На Гродзеншчыне зафіксаваны фразеалагізм *як гэны казаў* (літ. *гэты*. – М. К.), які таксама выконвае ролю пабочных слоў і мае тое ж значэнне, што і *як той казаў*: «Як прынята гаварыць. *А ў вёсцы жыў у нас дурачок Хурма. Ня ведаю, аткуль ён узяўся, а толькі ні кала ні двара, як гэны казаў, а сыты. Будзёнаўка Ашм.*» [Даніловіч, 2020, s. 164].

Рэсурс Адукацыя.інфо аднёс спалучэнне *як той казаў* да слоў-паразітаў або «дзяжурных» слоў, разам з такімі словамі, як *значыць, ну, так, праўда, гэта самае, зразумела, скажам* Прычыны частага ўжывання – бедны слоўнікавы запас, дрэннае валоданне тэмай, дрэннае веданне фактычнага матэрыялу, нізкая хуткасць мыслення, хваляванне, спешка [Словы-паразіты, 2021].

Згодна з прынятай у мовазнаўстве атрыбуцыяй фразеалагізма як «устойлівай, узнáўляльнай, не менш як двухкампанентнай моўнай адзінкі, якая спалучаецца са словамі свабоднага ўжывання і мае цэласнае значэнне, не роўнае суме значэнняў яе кампанентаў (калі іх разглядаць на ўзроўні слоў)» [Лепешаў, 1993, т. 1, s. 6], спалучэнне *як той казаў* мае амаль усе прыкметы фразеалагізма, акрамя апошняй умовы: значэнне спалучэння *як той казаў* хоць і цэласнае, але яно роўнае суме значэнняў яе кампанентаў, што дазваляе, як будзе паказана ніжэй, трансфармацыю ўстойлівага спалучэння ў напрамку да свабоднай прэдыкатываўнай адзінкі.

Літаральны фразеалагізм-адпаведнік спалучэнню *як той казаў* у рускай мове адсутнічае. У Нацыянальным корпусе рускай мовы знайшоўся адзіны прыклад, калі спалучэнне *как тот говорил* ужыў персанаж з п'есы М. М. Рошчына «Стары Новы год» – дзівак Адамыч, які любіць дарэчы ці не дарэчы каго-небудзь працытаваць; праўда, цытату па сюжэту яму не далі прывесці: (у новай кватэры ўключылі люстру): [Вася]: *...Теперь во всех домах такие. [Теща]: Ну да, во всех! На пять-то рожков?..*

[Адамыч]: *В ученье свет, а в неученье... Как тот говорил...* [Вбегают Нюра]: *Ой, свету-то! Клава!.. Чисто наша операционная!* (М. М. Рошин).

Метадалогія і методыка даследавання. Нашай мэтай стала выяўленне асаблівасцей ужывання спалучэння *як той казаў* у беларускім маўленні, для чаго быў выкарыстаны функцыянальна-камунікатыўны падыход. Методыку аналіза дадзенай фразеалагічнай адзінкі (далей ФА) складае вызначэнне яе функцый у выказванні, выяўленне аўтарскіх пераваг ва ўжыванні яе ў мастацкіх творах, устанаўленне парадыгмы варыянтаў пашырэння ФА ў бок свабодных сінтаксічных структур, апісанне рэферэнтнага нападзення слова *той*, а таксама дэлібератыўнага зместу чужой мовы ў выказваннях з дадзеным спалучэннем і яго варыянтамі.

Эмпірычны матэрыял даследавання склалі кантэксты з ФА *як той казаў* і яе варыянтамі, вылучаныя з Беларускага N-корпусу [Беларускі N-корпус, 2021] і з інтэрнэт-рэсурсаў. Аб'ём матэрыялаў складае звыш 2500 кантэкстаў. Прыклады з мастацкіх твораў у артыкуле падаюцца з указаннем аўтара; аўтарства публіцыстычных кантэкстаў з N-корпуса і інтэрнэта дзеля эканоміі тэкставай прасторы не ўказваецца.

Аналіз матэрыялу. Па структуры спалучэнне *як той казаў* з'яўляецца прэдыкатыўнай адзінкай, тоеснай граматычнай аснове са значэннем 'суб'ект маўлення + прэдыкат маўлення'. Параўнаем прыклады з такой асновай:

- 1) *Мне то ўжо засталася, як той казаў, дзень мала, а два многа* (Я. Брыль).
- 2) *Падняць сяло, зрабіць добрую грэблю, па-мойму, у тысячу разоў важней, чым блытацца пад кустамі сівабародага іеговы, як ты казаў* (Я. Колас).
- 3) *Валодзя, апынуўшыся ў вялікім горадзе, прагна кінуўся, як ён казаў, «ліквідаваць свае прабелы»* (Э. Луканскі).
- 4) *Каму па каму, а нам, казаў той, дык два камы* (Я. Купала).
- 5) *Ух ты, ну і чалавек, аж замарыў усіх, – сказаў дзядзька Міхась. – Ці ведаеце яго? – звярнуўся ён да новага хворага. – Як жа, ведаю, – казаў той, крэкчучы і месцячыся на ложку* (В. Быкаў).
- 6) *Далі слова і Куніку. Яго Артур не слухай. Ды і казаў той адно і тое ж* (Г. Марчук).

Як бачым, вылучаныя адзінкі структурна ўсе супадаюць. Розніцца яны па іншых прыкметах. Па-першае, відаць разыходжанні ў лексічным выражэнні суб'екта маўлення: у (1), (4), (5) і (6) гэта ўказальны займеннік, у (2) асабовы другой асобы, у (3) асабовы займеннік трэцяй асобы. Па-другое, у першых трох выказваннях спалучэнне ўжыта са злучнікам *як*, у астатніх выдзеленых спалучэннях злучнік адсутнічае. Прычым, калі ў выказванні (4) злучнік можна ўвесці, то ў (5) і (6) гэта зрабіць немагчыма, паколькі спалучэнне *казаў той* у двух апошніх выказваннях граматычна звязана з іншымі словамі сказа.

Калі звярнуць увагу на функцыі выдзеленых спалучэнняў, то ў кожным з шасці выказванняў функцыя вылучаных спалучэнняў аднолькавая – спасылка на моўцу сваёй ці чужой мовы, толькі спалучэнні (1), (2) і (3) сказах аформлены як пабочныя структуры і ўводзяцца ў асноўнае выказванне злучнікам *як*, спалучэнне ў (4) таксама пабочная структура, але ўведзена ў сказ бяззлучнікавым спосабам. Па гэтай функцыі акадэмічныя беларускія граматыкі атаясамліваюць пабочныя сказы – уведзеныя са

злучнікам і без яго, устойлівыя і свабодныя; параўн.: *Яшчэ, як той казаў, не ўсё скончана* (Я. Брыль). *Настрой у людзей, заўважыў ён, быў трывожны, усіх непакоіла няўдача* (І. Мележ) [Беларуская граматыка, 1986, s. 201].

Што да астатніх двух прыкладаў, то ў выказванні (5) выдзеленае спалучэнне з’яўляецца аўтарскімі словамі ў бяззлучнікавым складаным сказе з простаю мовай, а ў (6) дзеясловам-выказнікам, што кіруе даданым марфалагізаваным членам сказа – дэлібератывам. Такім чынам, паводле функцыі ўказання на крыніцу паведамлення ўсе прыведзеныя прыклады падобныя: адну частку выказвання складае інфармацыя пра моўцу (хто казаў), другую – дэлібератыўная частка (што казаў). Розніца толькі ў спосабах выражэння аўтарызацыі чужою мовай.

І тым не менш толькі спалучэнні *як той казаў* і *казаў той* ў выказваннях (1) і (4) з’яўляюцца фразеалагізмамі, астатнія ж ўжытыя як свабодныя спалучэнні. У чым жа адметнасць ФА? Яна крыецца за словамі *той*, якое толькі ў моўнай сістэме з’яўляецца ўказальным займеннікам: «Паказвае на асобу ці прадмет, якія знаходзяцца не перад вачамі, не побач, а аддалены ў прасторы і часе, як падобныя ім» [Тлумачальны слоўнік..., 1983, s. 493]. Але асабовы рэфэрэнт займенніка *той* не канкрэтны, як у (2) – *ты*, як у (3) – *Валодзя*, як у (5) – *новы хворы*, як у (6) – *Артур*, а няпэўны і абагульнены, як гэта было паказана ў паэме М. Лужаніна. Праўда, абагульненне *той* у ФА *як той казаў* мае ўзуальны характар, а ў словах *тая*, *той*, *тыя* ў паэме – кантэкстуальны, абумоўлены сюжэтам паэмы і аналогіяй з ўзуальным *той*. На жаль, слова *той*, як і слова *тое*, ў беларускім мовазнаўстве не паказана ва ўсёй паўнаце семантычнай і граматычнай атрыбуцыі, як гэта зроблена адносна іх міжмоўных адпаведнікаў *тот*, *то* (*то*₁ і *то*₂) у русістыцы [Кодухов, 1966; Белошапкова, 1977; Черемисина, 1982; Конюшкевич, 2010]. Не зафіксавана ў беларусістыцы і няпэўна-асабовае значэнне займенніка *той* у спалучэнні *як той казаў*. Дадзенае значэнне адсутнічае ў рускім займенніку *тот*.

Паколькі мы размаўляем выказваннямі і тэкстамі, то з гэтага, камунікатыўнага, боку, прыведзеныя вышэй прыклады прынцыпова розныя ў наратыўных адносінах. Параўнаем (1) і (2). У сказе (2) дэлібератыўная частка *блытацца пад кустамі сівабародага Іеговы* – цытата ў маўленні наратара, якую ён паўтарае, нагадваючы пры гэтым, хто яе аўтар. Мы тут маем справу з двума суб’ектамі маўлення, прычым элімінацыя пабочнай канструкцыі з выказвання прынцыпова немагчымая па факце, стылю і этыцы. Інакш кажучы, і дэлібератыўная частка (цытата), і словы наратара ўяўляюць сабой дыктумы ўсяго выказвання, змест якіх моўца павінен паведаміць адрасату.

Зусім іншы наратыўны характар прыкладу (1): увесь змест выказвання належыць самому наратару (моўцу), а спалучэнне *як той казаў* трэба яму не столькі як спасылка на чужую (чыю?) мову, колькі служыць прыкрасай, аздобай яго ўласнага маўлення, бо дэлібератыўная частка *дзень мала, а два многа* можа быць уведзена ў выказванне і без спасылкі на аўтара. Параўн.: *А на мой пагляд, як той казаў, няма мяса – то і жаба не прыкраса* (А. Літвін). – *А на мой пагляд, няма мяса – то і жаба не прыкраса*. Ды і маўленчая рэчаіснасць дае нам безліч выказванняў з «прапіснымі ісцінамі» без спасылкі на *таго*, які іх *казаў*, хаця фразеалагізм і можна ўставіць у выказванне: *Такія*

людзі заўсёды лезуць на ражон, а беражонага і бог беражэ (У. Дамашэвіч). – *Такія людзі заўсёды лезуць на ражон, а беражонага, як той казаў, і бог беражэ. Ты яшчэ малы, ды і адзін у полі не воін* (І. Гурскі). – *Ты яшчэ малы, ды і адзін, як той казаў, у полі не воін.*

Мяркуем, што на папулярнасць ФА *як той казаў* аказвае ўплыў і фактар тыпалагічнай розніцы паміж рускім і беларускім сінтаксісам паводле катэгорыі стану. Для беларускага сінтаксісу характэрныя канструкцыі са значэннем актыўнага дзеяння (з прэдыкатам незалежнага стану), у той час як рускі сінтаксіс больш адметны бессуб'ектнымі выказваннямі або выказваннямі залежнага стану; параўн.: *Ей вот-вот станет дурно. – Яна вось-вось самлее. Ему снится страшный сон. – Ён сніў страшны сон. Стало видно речку. – Стала відаць рэчка* (падрабязней у [Конюшкевич, Корчиц, Лещенко, 1994]). Таму ў міжмоўнай практыцы звычайна карэлююць пасіў і актыў – рускі сказ з дзеепрыметнікам залежнага стану і беларускі няпэўна-асабовы сказ з дзеясловам незалежнага стану: *План выполнен. – План выканалі. Дом отремонтирован. – Дом адрамантавалі*. Дарэчы, сучасныя беларускамоўныя СМІ пад уплывам рускай мовы грашаць іменна такімі пасіўнымі русіфікаванымі канструкцыямі.

Аналагічную карэляцыю назіраем і з міжмоўнымі адпаведнікамі разглядаемых тут адзінак, супрацьлеглымі паводле пасіва і актыва: *как говорится – як той казаў*, дзе займеннік-субстантыў муж. роду *той* служыць безрэферэнтным фантомам дзейніка ў двухсастаўным сказе са значэннем актыўнага дзеяння, што адлюстроўваецца і ў перакладзе з рускай мовы: *Назарбаеў заверыў, што ў Казахстана ёсць план на 70, 60, 50 і нават 40 долараў за барэль. «Ён у мяне ляжыць пад сукном, як той казаў. Чаму я смела магу сказаць, бо ў нас ёсць рэзервы для гэтага на чорны дзень»*, – сказаў Назарбаеў (Наша Ніва).

Дзеля справядлівасці трэба адзначыць, што і літаральны рускаму *как говорят* беларускі адпаведнік *як кажуць* таксама вельмі ўжывальны, больш таго (магчыма, не без уплыву рускай мовы), у N-корпусе беларускай мовы кантэкстаў з гэтай адзінкай нават больш, чым з ФА *як той казаў*. І тым не менш хоць у аўтарызацыйных спалучэннях *як кажуць* і *як той казаў* актыўнасць маўлення на першы пагляд аднолькавая, але пэўнасць суб'ектаў маўлення розная: у першым выразе мы маем справу з аднасастаўным няпэўна-асабовым сказам, дзе суб'ект маўлення няпэўна-асабова-множнасны, у той час як другі выраз уяўляе сабой двухсастаўны сказ з дзейнікам, які ўказвае на адзінкавую няпэўную асобу.

Нешта падобнае назіраем у беларускай мове на прыкладзе ўжывання займенніка *яно* ў ролі дзейніка: – *Ну не кажы! Без бацькі то яно без бацькі, але ж хоць ведалі, хто іх бацька* (М. Гіль). – *Ну во, братка, як яно ўсё атрымалася* (В. Быкаў). *Трошкі не так яно, але, як той казаў, слова з песні не выкінеш* (В. Шырко).

Іншыя фактары папулярнасці ФА *як той казаў* можна аднесці да прагматычных. Адну з функцый мы называлі – гэта аздабленне ўласнага маўлення моўцы, яго самавыражэнне, «аранжыроўка» (па выражэнні Т. В. Шмялёвай) асноўнага зместу выказвання: *А як ты не пойдзеш? Бяда цябе сама падгоніць. Як той казаў: не для пана Езуса, а для хлеба куска* (Я. Брыль). [Ганна Піліпаўна]: *Пайду я, Змітраўна, як той казаў*,

у люлю (Н. Гілевіч). Як заўважае М. У. Усеваладава, модусныя сэнсы – это «“обертаны”, сопровождающие основную мелодию – дикутум высказывания. В силу своей природы и значения они категориальны» [Всеволодова, 2017, с. 419].

Прагматычную ролю выконвае і стылізацыя пад прастамоё персанажа, выражэнне маўленчай бездапаможнасці, цьмянасці думкі, а то і проста забруджанасці мовы гэтым спалучэннем-паразітам. Такое назіраецца, напрыклад, у маўленні Зыдора Пніцкага з аповесці К. Чорнага «Ідзі, ідзі...»: – *Зэня, ты напішы, як той казаў, усё гэта, каб як найскладней выйшла. Я казаў заўсёды, што ў нашым жыцці, як той казаў, праўда ці не? Як той казаў, табе гэта нічога, узяў і напісаў, а яму, цёмнаму чалавеку, го! Не пашкадуй, як той казаў, кавалачка паперы і хвіліны часу ды вазьмі. Як той казаў, я вас папрашу, напішыце, бо ў мяне няскладна выйдзе.*

У беларускамоўных СМІ за ўжываннем ФА *як той казаў* праглядваецца імкненне журналіста забяспечыць (не заўсёды ўдала) дыялог з чытачом, перайсці на размоўны стыль: *Люблю свой населены пункт, дзе, як той казаў, нарадзілася і прыгадзілася. Не за гарамі, як той казаў, увод яго ў строй. А далей, як той казаў, пайшло і паехала. У работу ўвайшоў, як той казаў, з галавой, часам на мяжы нізавой гарадской трасяначнай моўнай культуры: «Усё пуцём», як той казаў: хораша гуляем!; І тады «кранты», як той казаў.*

Суправаджае дадзеная ФА і жаданне аўтараў «блеснуть» моднымі слоўцамі: *Гэта таксама ў «трэндзе», як той казаў. Немца ад такога, як той казаў, праграма завісне.*

Спалучэнне *як той казаў* выконвае і маўленча-этыкетную функцыю: гэта своеасаблівая форма прабачэння перад адрасатам за выказванне прапісной ісціны, якую той і сам ведае. Звычайна такімі ісцінамі з’яўляюцца прымаўкі і прыказкі: *Як той казаў, язык да Кіева давядзе. Як той казаў, дзе сеў, там і злез.* Пра функцыю «экспликації метасмысла ‘трivialность информации’» пабочным зваротам *как известно* і яго модуснымі мадыфікацыямі чытаем у Т. В. Шмялёвай: «В принципе цель экспликации – не разъяснить..., а извиниться за трivialность информации: дав понять, что он отдает себе отчет в таком ее качестве, автор как бы снимает с себя ответственность за нарушение данного правила» [Шмелева, 1988, с. 197]. У навуковым стылі пабочныя канструкцыі *ты-* і *ён-*аўтарызацыі служаць сродкамі «соблюдения кодекса речевого поведения» [Всеволодова, 2000, с. 350–353]: *як вядома, як вы ведаеце, чытач ведае* і інш.

У папулярнасці ФА *як той казаў* праглядвае і яшчэ адна прагматычная функцыя: ужываючы *як той казаў*, моўца часам будзе і асноўнае выказванне ў выглядзе своеасаблівай абагульненай *ты-*аўтарызацыі – апеляцыі да дасведчанасці адрасата ў тэме і змесце гутаркі, тым самым стварае перлакутыўны эффект камітатыўнасці і паразумення: *А гэта – дай ты ёй, нашай кабеціне, усялякія, як той казаў, правы, дык яна цябе асядлае ды паедзе на табе* (К. Чорны).

Нарэшце, гэта і сапраўды функцыя спасылкі на чужую мову, дакладная цытацыя, як правіла, крылатага выслоўя, якое падаецца часам у двукоссі, але без намінацыі яе аўтара – ці з прычыны таго, што аўтар яе вядомы і адрасату, ці сам моўца дакладна не памятае, хто аўтар цытаты, ці, магчыма, з інтрыгі, каб адрасат сам здагадаўся пра

аўтарства. Займеннік *той* у такіх выпадках указвае на рэальнага рэферэнта, хоць і не названага адрасантам; прыклады з «Нашай Нівы»: *Помста – гэта страва, якую падаюць халоднай, як той казаў. Будавалі, праектавалі нешта, як той казаў, «эпахальнае». Як той казаў, калі ў вас манія пераследу, гэта яшчэ не значыць, што за вамі ніхто не сочыць. Мне дык наагул усё роўна – левы ты ці правы. Галоўнае, як той казаў, «тонкі густ і разнастайнасць думак».*

У публіцыстычных тэкстах ФА *як той казаў* часта суправаджае канцылярскія і газетныя штампы, ужытыя адпаведна разглядаемай тэме; прыклады з газеты «Звязда»: *Ёсць, як той казаў, над чым працаваць. Як той казаў, адчуецца розніцу. Такое будзеш чытаць, як той казаў, ад вокладкі да вокладкі. Змены могуць быць толькі на ўзроўні, як той казаў, статыстычнай памылкі. Пытанне, як той казаў, з дробных. Інцыдэнт, як той казаў, вычарпаны. Ёсць пытанне, як той казаў. Працэс, як той казаў, быў у разгары. Каб, як той казаў, быць у тэме.*

У беларускім маўленні ўжываецца рэдукаваны варыянт фразеалагізма без злучніка – *казаў той*, для якога «Наша Ніва» падае рускі эквівалент *так сказаць*. Як слова-паразіт *казаў той* бачым у мове Сцяпана Пінкевіча з п'есы К. Акулы «Тараканы ў саладусе» (32 ужыванні): *Во тут мая, казаў той, уся сям'я: жонка Марыля й дзеці – Таня і Васіль...Нацягаў, казаў той, цэлу кучу гэтых кніжак...Жарцікі, казаў той, працаваў, складаў, нажываў, здароўе траціў, а тут, казаў той, адкуль і не спадзяваўся дык няшчасце прыйшло...*

Сустракаем гэтае спалучэнне ў творах Ф. Багушэвіча: – *Як у сведкі, дык у сведкі. Хоць я нічым нічога, казаў той, ніколі нікому*; З. Бядулі: *Далей вочы – лягчэй сэрцу, казаў той*; Я. Купалы: – *І вось з усяёй, казаў той, роскашы засталася толькі балалайка, але і тую запісалі на нейкі ўчот.*

Як і многія фразеалагічныя адзінкі, ФА *як той казаў* атрымала трансфармацыі ў бок свабодных спалучэнняў а) з пашырэннем спалучэння за кошт увядзення канкрэтызатара да займенніка *той* або б) з рэдукцыяй у фразеалагізме займенніка *той* і ўвядзеннем замест яго больш канкрэтнага суб'екта маўлення. У выніку трансфармацый стварылася парадыгма з наступных варыянтаў падобнай структуры: 1) цэласная ФА *як той казаў*; 2) ФА + канкрэтызатар да кампанента *той*; 3) рэдукаваная ФА без займенніка *той* + абагульнены яго замяшчальнік; 4) рэдукаваная ФА без займенніка *той* + канкрэтны яго замяшчальнік; 5) свабодная структура, аманімічная фразеалагізму. У абодвух выпадках існуе некалькі спосабаў канкрэтызацыі суб'екта маўлення. Разгледзім пашырэнне фразеалагізма за кошт увядзення канкрэтызатара ў градацыяй нарастаючай канкрэтнасці рэферэнта.

- 1) Замест *той* ужываецца няпэўны займеннік *нехта*: *Проста два яйкі, як нехта казаў, будзе неэстэтычна. Могуць быць яйкі ў гняздзе, піраміда з яек. «Дык што, я лысы, каб гарбаціцца задарма», – казаў нехта іншы з гегемонаў, хаця за «лысага», гэта значыць, за дзесяць рублёў ён мог набыць ажно дзесяць пляшак пладова-ягаднага.*
- 2) Гэта можа быць квазінамінацыя ў выглядзе лацінскай літары *N*: *Чамусьці няёмка, брыдка, нават балюча думаць пра прафесію, працу «свабоднага*

мастака», якому яшчэ цяжэй, чым сумленнаму старшыні калгаса, адчуваць сябе, як той Н. казаў, «паміж молатам і накавальняй» (К. Чорны).

- 3) Называецца невядомая асоба з пэўнай агульнай прыкметай: **Як той купец казаў:** «чым больш возіш тавар, тым яму большая цана» (а. Я. Германовіч). *Цяпер маё права й мой святы абавязак прыняць на сябе бой да рэшты, як казаў той паэт (У. Глыбінны). Некаторыя з выказванняў набываюць іранічныя канатацыі: У Беларусі ніколі не любілі таўстасумаў, як казаў той суб'ект у пінжаку (С. Яновіч). А тут з бакоў і іншыя тучныя рашкі, што, як казаў той добры чалавек, цагліны просяць (В. Супрунчук). І параўн. свабодную структуру ў складаназалежным сказе: Ну, а як той чалавек казаў, застрэлілі іх, і хаця ж яны доўга не мучыліся? (К. Чорны).*
- 4) Канкрэтызуецца той і назвамі персанажаў кніг і кінафільмаў: *Тэрмінова ўбок камп'ютар, і за рэальную працу! Бо, як казаў той герой мульціка: «А што вы будзеце есці зімой? Не гузікі ж ад штаноў».*
- 5) Рэфэрэнт можа быць вядомы многім: *Але, як той Караткевіч казаў, хлеб аднолькава смачны, на якой мове яго ні называй. Бацькаўшчына апынулася, як казаў той Чэрчыль, за жалезнай заслонай. Як той казаў з ЦВК: яны не прафесіяналы. Рэфлекс той назіраецца і ў свабодных сінтаксічных канструкцыях з ускоснай цытацыяй і намінацыях аўтара: Праўду казаў той Дастаеўскі ў «Бесах», што ўсе яны будуць у палоне шпіёнаманіі, кожны будзе адзін за другім шпіёніць і даносіць (У. Глыбінны).*
- 6) Называецца канкрэтная, але вядомая толькі аўтару выказвання, асоба. Гэта асабліва прыдатна ў няўласна-простай мове: *Чорт ведае што робіцца на свеце! Як казаў той Жук, кінеш палку ў сабаку – трапіш у фашыста (В. Быкаў).*

Пры рэдукцыі ФА і элімінацыі займенніка *той* яго месца займае намінацыя любой пэўнай ці няпэўнай, слыннай ці проста знаёмай моўцу, але рэальнай асобы. Прагматыка спасылак ў такіх выпадках такая ж, як і пры ўжыванні ФА *як той казаў*, – стылізацыя, самавыражэнне, крытыка, іронія, насмешка, гумар і інш. Вылучаюцца наступныя намінацыі аўтараў цытат.

- 1) Намінацыя суправаджаецца няпэўным займеннікам *адзін*: *Сёння інфляцыя, рэзрух, сёння, як казаў адзін дэпутат парламента, «я – нішчы» (А. Бароўскі). Тут лісічак, хоць ты іх касі, як казаў адзін мой знаёмы (В. Вольскі). Пра заўтра мы можам хіба што варажыць, але можам і скарыстацца такой штукай, як гістарычная заканамернасць. Бо што было, тое й будзе, няма нічога новага пад сонцам, як казаў адзін біблейскі цар. Але, як казаў адзін з кінагерояў, «за дзяржаву крыўдна» (Э. Луканскі). Так-так, як казаў адзін шахматыст: найлепшая абарона – гэта напад (А. Асташонак).*
- 2) У якасці маркёра няпэўнасці выкарыстоўваецца прыслоўе часу – *калісь, калісьці, некалі*: *Няма нічога патайнага, што не стала б яўным, як казаў калісь дзяк Бацяноўскі (Я. Колас). Вакол гэтага імправізіванага партрэту ўзнікалі гаворкі, а часам і спрэчкі, як калісьці казаў Уладзімір Караткевіч,*

«дзе два беларусы, дык дзесяць думак». **Як казаў некалі Беразоўскі**, «за казла адкажаш».

- 3) Ужываюцца і маркёры прасторавай няпэўнасці: *Рабі пільне, казаў менскі бацька свайму недалыгу-сыну, і тут будзе Вільня*.
- 4) Замест *той* выступае намінацыя бацькі, сваяка, знаёмага, вопытнага чалавека і г. д.: *Жыць нельга стала. Як мой дзядзька Лукаш казаў: хоць жывы ў труну лажыся* (В. Быкаў). *Госць дык госць. Як мой бацька казаў: і я ля гасця* (І. Пташнікаў). *Здаровы сэнс? Але здаровы сэнс, як казаў адзін знаёмы камбат, у войску не начаваў ніколі* (В. Быкаў). *Не зважаючы на забарону, яшчэ больш пачалі на вёсках гнаць самагонку. Бо, як казаў наш пількаўскі сусед, «каб з людзьмі жыць, трэба піць»* (М. Танк). *І не трэба падганяць час. Усё прыйдзе ў сваю пару. У запасе, як казаў мудрэц, вечнасць!..*

Самай ўжывальнай мадэллю трансфармацыі ФА як *той казаў* выступае мадэль як *казаў N*, дзе *N* – намінацыя ці імя аўтара цытаты, нярэдка з дадатковай мадальнай яго характарыстыкай: *Лагічным пераходам да дыскатэкі стаўся камп’ютарызаваны «Палац», пракляты артадоксамі ад рок-н-ролу. А моладзь, між іншым, танчыла. Значыць, як казаў яшчэ не пралетарскі паэт Маякоўскі, «гэта некаму трэба», ці з мэтай перадачы іроніі: Рыба, як казаў адзін добры знаўца беларускай мовы, «не дзяўбла».* (Літаральны і недарэчны пераклад з рус. *не кледала*; правільна: *не клядала*. – М. К.).

Яшчэ бліжэй да свабодных структур выступае спалучэнне як *казаў N* у няўласна-простай мове: *Трэба трымацца за зямлю-матухну, як казаў некалі Жайтых* (В. Быкаў).

Прывядзем яшчэ прыклады без дэлібератыўнай часткі: *як казаў – славуты Гётэ / Станіслаў Ежы Лец / вучоны Паўлаў / Ісус Хрыстос / Юлій Цэзар* (Э. Луканскі) / *мой дзед* (В. Шырко) / *Купала / шаноўны стары паэт* (А. Гара) / *Тарас Бульба* (Я. Колас) / *Максім Горкі* (У. Глыбінны) і інш.

У ролі *N*-а можа выступаць і прадмет: *Сілы яго, як казаў рукапіс, дасягалі ўжо васьмі тысяч коннікаў, якія часткова хаваліся ў пушчы, часткова знаходзіліся пры яго палацы* (У. Караткевіч).

Асаблівасць такіх выказванняў з *як казаў* – у расплывістасці межаў паміж трансфармаванай фразеалагізаванай пабочнай структурай і структурна тоеснай ёй свабоднай структурай (пабочнай ці часткай бяззлучнікавага складанага сказа з чужой мовай). Блытаніны дадае і разнабой у пунктуацыі – коскі, двукоссі, двукроп’і, працяжнікі ставяцца адвольна, за выключэннем дакладнага цытавання ці барбарызмаў: *Як казаў, крывячыся, герой старой кінакамедыі, «ключніца гарэлку рабіла»* (Наша Ніва). *Дык яны так і паехалі, казаў чырвонаўскі чалавек, у той бок* (С. Баранавых). *Перад маім ад’ездам – Дамінік казаў – чуць не забілі двух паліцэйскіх* (А. Бароўскі).

У такіх выпадках спрацоўвае фактар тэкста: у выказваннях з ФА роля *N*-а зводзіцца да ролі замяняльніка няпэўнага *той* ў пабочнай структуры, а ў свабодных сінтаксічных структурах *N* – адзін з пэўных кампанентаў не толькі выказвання, але і

ўсяго тэкста, ён уключаны ў вертыкальны кантэкст тэкста, і роля яго не толькі аўтарызацыйная, але яшчэ ўказальная і кагезійная. Параўн.: *Гарадскія ўлады думалі, што мы крыху папратэстуем і супакоімся, але, як сказаў Ісус Хрыстос (як сказана ў Бібліі / як кажучь / як той казаў... – М. К.), супакою не будзе ніколі* (Новы Час). – *На палянцы за дарогаю на Кабыльнік часта бываюць удоды. Хлопец, праўда, не ведаў, як называюцца гэтыя, як ён казаў, «жоўтыя птушкі з грэбнем на галаве», але апісаў іх мне даволі дакладна* (В. Вольскі).

Даследчыцкай увагі патрабуе і дэлібератыўная (дыктумная) частка выказванняў са спалучэннем як *той казаў* і яго варыянтамі. Пры фразеалагізме як *той казаў* найбліжэйшае кола дэлібератываў – гэта выслоўі, прыказкі і прымаўкі, якія не суадносяцца з канкрэтным аўтарам і не з'яўляюцца цытатамі: *Гэтая сувязь з органамі адразу ж выявілася. Як той казаў, лес чужы, а поле бачыць* (В. Шыдлоўскі).

Другую групу дэлібератываў складаюць лінгвакультурэмы – крылатыя словы і сказы з мастацкіх твораў, фільмаў, а таксама выказванні знакамітых асоб. Знакі прыпынку пры цытацыі лінгвакультурэм вар'іруюцца: *Гэта ж толькі першая нарада, на якой канцэптuallyна вырашым, як казаў Гамлет: быць ці не быць?* (С. Давідовіч). *Дзядзька Туркевіч...так і застаўся па-за партыяй. Прычына: нейкія каншахцікі з беларускімі нацыяналістамі ў Вільні. Як той казаў: «Коготок увяз – всей птичке пропасть»* (М. Гарэцкі). *«Святы той куточак фальварак Свіраны» – так называецца іншая кніжка багушэвічнаўцы, якая распавядае пра тую адметную мясціну, адкуль прыйшоў у свет божы Франусь Багушэвіч і дзе, як той казаў, «яго пуп закапаны»* (А. Варава). *І галоўнае, стылістыка многіх каментаяў паказвае: іх аўтары пішуць, як казаў паэт, па загадзе ўласнага сэрца.*

Трэцяя група дэлібератываў складаецца з цытат на іншых мовах, часам знарок скажонных, у тым ліку на трасянцы: *А кампанія, кампанія!.. Як той казаў, «не вельмі пажондная, але бардзо ганаровая»* (А. Асташонак). *Тут не гуляюць у Беларусь. Яна тут жыве. Яна не шукае шчасця-долі ў віртуальнай прасторы. Як той казаў, hic Rhodus, hic salta! Тут Родас, тут і скачы. У Нарвегіі існуе больш-менш стабільны правапісны стандарт..., то няма і намёку на нейкую арфаэпічную ўніфікацыю. Як той казаў, хто как хаціт, так і гаварыт.*

Асобную групу складаюць дэлібератывы, якія служаць дадатковай інфармацыяй да апавядання моўцы. Іх уводзіць у выказванне свабоднае пабочнае спалучэнне як *казаў* з тэкставымі намінацыямі: *Едучы ў гэту вёску з хлопцамі, майстар падумаў, што добра было б датэрмінова, як казаў начальнік упраўлення, узвесці лінію* (В. Супрунчук). *Назбіралі крыху грыбоў і пайшлі «на кухню», як казаў Віктар. Там згатавалі свае грыбы, павячэралі і засталіся нанач каля вогнішча* (Я. Маўр). *Пан падлоўчы быў родам дзесь з Гродзеншчыны і паходзіў, як ён казаў сам, са старога дваранскага роду* (Я. Колас). *Да зямлі асабліва не цягнуўся, бо на грудзі быў слабы, як казаў ён, і рукі на грабільне дрыжалі* (М. Лынькоў).

Асабліва часта такая цытацыя назіраецца ў творах В. Быкава, у выніку чаго ствараецца ілюзія шматгалосся нават тады, калі герой застаецца сам-на-сам з сабой: *Каб не дарма елі салдацкі хлеб, як казаў капітан. А трэба было пастарацца, «раскінуць мазгаўнэй», як казаў Трушкевіч, і заданне выканаць, хоць кроў з носа.*

Вынікі даследавання. Як паказаў аналіз матэрыялу, спалучэнне *як той казаў* – актыўная ў беларускім маўленні цэласная моўная адзінка, якая па ўстойлівасці і ўзнаўляльнасці набліжаецца да фразеалагізма. У беларускай мове спалучэнне існуе ў двух варыянтах – *як той казаў / казаў той*.

Асноўнай граматычнай функцыяй дадзенага спалучэння з’яўляецца роля пабочных слоў у сказе; камунікатыўныя функцыі наступныя: аўтарызацыя паведамлення, самавыражэнне моўцы і запаўненне яго маўленча-мысліцельных лакун, стылізацыя гутарковай мовы і прастамоўя, апеляцыя да дасведчанасці адрасата, забеспячэнне дыялагічнасці дыскурса, маўленчаэтыкетная.

Займеннік *той* у структуры фразеалагізма мае няпэўна-асабовае значэнне, якое не было зафіксавана ў граматычных апісаннях папярэднікаў. У працэсе камунікацыі фразеалагізм падвяргаецца трансфармацыі ў бок свабодных спалучэнняў – пашырэнню або рэдукцыі яго структуры ў выказванні. Тым самым займеннік *той* або набывае канкрэтызацыю дадатковай намінацыяй, або замяняецца абагульненай назвай рэферэнта. У выніку ў беларускім маўленні функцыянуе парадыгма з пяці варыянтаў падобнай структуры з функцыяй пабочных слоў і аўтарызацыі: 1) цэласная ФА *як той казаў*; 2) цэласная ФА + канкрэтызатар да кампанента *той*; 3) рэдукаваная ФА без *той* + абагульнены замяшчальнік; 4) рэдукаваная ФА без *той* + канкрэтны замяшчальнік; 5) свабодная структура, аманімічная фразеалагізму.

Што датычыць дэлібератыўнай часткі выказванняў са спалучэннем *як той казаў* і яго варыянтамі, то яе спецыфіка заключаецца, па-першае, ў афарыстычнасці зместу, па-другое, у тэматычна-прагматычным дапасаванні да слоў аўтара, па-трэцяе, у цэнтрабежнай тэндэнцыі ФА да свабодных выказванняў з трансфармаванай аўтарызацыяй.

Высновы. Спалучэнне *як той казаў* – цэласная моўная адзінка, якая паводле няпэўна-асабовага займенніка *той* з’яўляецца адной з адметных рыс беларускай мовы.

Вакол інварыянтнага фразеалагізма *як той казаў* склалася варыятыўная прастора з наступнай парадыгмай (з вектарам да свабодных спалучэнняў): *як той казаў* → *казаў той* → *як казаў той N* → *як казаў N* → *казаў N* → *казаў / пісаў / думаў... N*, а займеннік *той*, безрэферэнтны ў афарызме, набывае рэферэнтную функцыю па меры адыходу ад цэнтра да перыферыі прасторы.

Будучы жывой і актыўнай моўнай з’явай, спалучэнне *як той казаў* мае здольнасць да пашырэння сваіх функцый у сучаснай камунікацыі, што праяўляецца ў яго карэляцыі са зместам дэлібератыўнай часткі, у цэнтрабежнай тэндэнцыі ад ідыяматычнага інварыянта да свабодных сінтаксічных канструкцый.

Літаратура

- Беларуска-рускі слоўнік* (1988). У 2 т. Т. 1. Мінск: БелСЭ.
- Беларуская граматыка* (1986). У 2 т. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка.
- Беларускі N-корпус. (2021). Электронны рэсурс <https://bnkorporus.info/>
- Белошапкова, В. А. (1977). *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва: МГУ.
- Всеволодова, М. В. (2000). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: МГУ.
- Всеволодова, М. В. (2017). *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: УРСС.
- Даніловіч, М. А. (2020). *Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны*. Гродна: ГрДУ.
- Кодухов, В.И. (1966). Указательные местоимения и корреляты. *XIX Герценовские чтения* (с. 59–63). Ленинград: ЛГПИ.
- Конюшкевич, М. И. (2010). Семантический диапазон и синтаксические функции слова “то” в сложноподчиненном предложении. *Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике* (с. 61–68). Тюмень: Мандар и К^а.
- Конюшкевич, М. И., Корчиц, М. А., & Лещенко, В. Л. (1994). *Синтаксис русского и белорусского языков: сходство и различия*. Минск: Народная асвета.
- Коўзкі М. (1998) *Як той казаў. Сатырычныя мініяцюры*. Мінск.
- Лепешаў, І. Я. (1993) *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*. У 2 т. Т. 2. М – Я. Мінск: Бел. энцыклапедыя.
- Лужанін, М. (1977). *Лявоніха*. Мінск: Мастацкая літ-ра.
- Русско-белорусский словарь* (1982). В 2 т. Т. 1. Минск: БелСЭ.
- Санько, З (1991). Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск. Электронны рэсурс <http://slounik.org/sanko/l11>
- Словы-паразіты. (2021). Электронны рэсурс <https://adukacyja.info>
- Тлумачальны слоўнік беларускай мовы* (1983). У 5 т. Т. 5, кн. 1. Мінск: Бел. энцыклапедыя.
- Черемисина, М. И. (1982). Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением «ТО». *Функциональный анализ синтаксических структур* (с. 3–21). Иркутск.
- Шмелева, Т. В. (1988). Модус и средства его выражения в высказывании. *Идеографические аспекты русской грамматики* (с. 168–202). Москва.
- Янкоўскі, Ф. (1968). *Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне*. Мінск: Выш. школа.

References

- Belarusian grammar* (1986). In 2 vols. Vol. 2. Minsk: Navuka i tekhnika Publ. (In Belarusian)
- Belarusian N-corps*. (2021). Retrieved from <https://bnkorporus.info/>. (In Belarusian)
- Belarusian-Russian dictionary* (1988). In 2 vols. Vol. 1. Minsk: BelSE Publ. (In Belarusian)
- Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian language. Syntax*. Moscow: MGU Publ. (In Russian)
- Cheremisina, M. I. (1982). On the explanatory structure with the optional managed pronoun “That”. *Functional analysis of syntactic structures* (pp. 3–21). Irkutsk. (In Russian)
- Danilovich, M. A. (2020). *Phraseological dictionary of Grodno region dialects*. Grodno: GrDU Publ. (In Belarusian)
- Explanatory dictionary of the Belarusian language* (1977–1984). In 5 vols., vol. 4. Minsk: Bel. entsyklopedyia Publ. (In Belarusian)
- Explanatory dictionary of the Belarusian language* (1983). In 5 vols., vol. 5(1). Minsk: Bel. entsyklopedyia Publ. (In Belarusian)
- Iankoŭski, F. (1981). *Belarusian phraseology. Phraseologisms, their meaning, use*. Minsk: Vysh. shkola Publ. (In Belarusian)
- Kaniushkevich, M. I. (2010). Semantic range and syntactic functions of the word “that” in a complex sentence. *Linguistic ideas of V. A. Beloshapkova and their implementation in modern Russian studies* (pp. 61–68). Tyumen: Mandar i K^a Publ. (In Russian)
- Kaniushkevich, M. I., Korchits, M. A., & Leshchenko, V. L. (1994). *Syntax of Russian and Belarusian languages: similarities and differences*. Minsk: Narodnaia asveta Publ. (In Russian)
- Kodukhov, V. I. (1966). Demonstrative pronouns and correlates. *XIX Herzen Readings* (с. 59–63). Leningrad: LGPI Publ. (In Russian)
- Koŭzki, M. (1998). *As the one said. Satirical miniatures*. Minsk. (In Belarusian)
- Lepeshaŭ, I. Ia. (1993). *Phraseological dictionary of the Belarusian language*. In 2 vols., vol. 2. Minsk: Bel. entsyklopedyia Publ. (In Belarusian)
- Luzhanin, M. (1977). *Levonikha*. Minsk: Mastatskaia lit-ra Publ. (In Belarusian)
- Parasite words*. (2021). Retrieved from <https://adukacyja.info>. (In Belarusian)
- Russian-Belarusian dictionary* (1982). In 2 vols., vol. 1. Minsk: BelSE Publ. (In Russian)
- San'ko, Z. (1991). *Small Russian-Belarusian dictionary of proverbs, sayings and phrases*. Retrieved from <http://slounik.org/sanko/l11>. (In Belarusian)
- Shmeleva, T. V. (1988). Modus and means of its expression in the statement. *Ideographic aspects of Russian grammar* (pp. 168–202). Moscow. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (2000). *Functional-communicative syntax theory: Fragment of the applied (pedagogical) language model*. Moscow: MGU Publ. (In Russian)

Vsevolodova, M. V. (2017). *Functional-communicative syntax theory: Fragment of the applied (pedagogical) language model*. Moscow: URSS Publ. (In Russian)

Конюшкевич М. И. Кто такой ТОЙ и что он КАЗАЎ? (Употребление сочетания ЯК ТОЙ КАЗАЎ в белорусской речи).

Рассматриваются факты популярности в современной белорусской речи сочетания «як той казаў», лингвистический статус которого в белорусском языкознании трактуется по-разному: фразеологизм, фразема, слова-паразиты. Ставится задача выявления особенностей функционирования данного фразеологизма в белорусской речи, для чего используется функционально-коммуникативный подход. Методику анализа составляет определение функций сочетания «як той казаў» в высказывании, установление вариантов расширения фразеологизма в сторону свободных построений, описание референтного наполнения слова «той», а также содержания делиберативной части высказываний с сочетанием «як той казаў» и его вариантами. В результате выявлены следующие функции сочетания «як той казаў» в белорусской речи – функция вводности, авторизация, самовыражение говорящего и заполнение его речемыслительных лакун, стилизация разговорной речи и, апелляция к осведомленности адресата, обеспечение диалогичности дискурса, речезыкетная функция. Вокруг инвариантного фразеологизма «як той казаў» образовалось вариативное пространство со следующей парадигмой (с вектором к свободным построениям): «як той казаў → казаў той → як казаў той N → як казаў N → казаў N → казаў / пісаў / думаў... N», а местоимение «той», неопределенно-референтное во фразеологизме, приобретает референтную функцию по мере отхода от центра к периферии пространства. Будучи живым и активным языковым явлением, сочетание «як той казаў» проявляет способность к расширению своих функций в современной коммуникации, что выражается в его корреляции с содержанием делиберативной части высказывания, в центробежной тенденции от идиоматического инварианта к свободным синтаксическим конструкциям.

Ключевые слова: авторизация, делибератив, высказывание, вводные слова, фразеологизм.

Мария Иосифовна Конюшкевич – д-р филол. наук, проф.; независимый исследователь; Гродно, Республика Беларусь.

Для цитирования статьи:

Конюшкевич, М. И. (2021). Хто такі ТОЙ і што ён КАЗАЎ? (Ужыванне спалучэння ЯК ТОЙ КАЗАЎ у беларускім маўленні). *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 79–94. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-79-94

For citation:

Koniushkevich, M. I. (2021). Who Is toy and What Did He kazaў? (Use of yak toy kazaў combination in Belarusian speech). *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 79–94. (In Belarusian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-79-94

НОВГОРОДСКИЙ МОТИВ / NOVGOROD MOTIVE

Новгородская фразеологическая школа

В. И. Макаров

Novgorod Phraseological School

V. I. Makarov

Владлен Иванович Макаров — кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: Vladlen.Makarov@novsu.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

В статье рассматривается понятие фразеологической школы. Выделяются критерии, по которым можно рассматривать формирование и деятельность фразеологической школы. Описываются исторический, географический, персональный, научно-теоретический аспекты понятия фразеологической школы. Подробно рассматривается деятельность Новгородской фразеологической школы, ее история, основные труды видных представителей, значимые теоретические положения, публикации, конференции, организатором которых выступила школа. Особое внимание уделяется деятельности основателя школы, доктора филологических наук, профессора В. П. Жукова. В обзор его деятельности входит описание как известных, признанных трудов В. П. Жукова, так и малоизвестных на сегодня публикаций, тем не менее, важных для отражения теоретических взглядов ученого. Дается краткая характеристика таких важных для взглядов В. П. Жукова теоретических идей, как метод фразеологической аппликации, семантическая классификация компонентов фразеологической единицы, классификация пословиц и поговорок.

Ключевые слова: лингвистика, фразеология, Новгородская фразеологическая школа, пословицы, поговорки, В. П. Жуков, история фразеологии

УДК 811.161.1:81.373(470.24)

Vladlen I. Makarov – candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0404-9330

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

This article considers the phraseological school concept. The criteria, according to which the formation and activities of a phraseological school can be considered, are highlighted. Historical, geographical, personal, academic and theoretical aspects of the phraseological school concept are described. The activities of the Novgorod Phraseological School, its history, main works of its prominent representatives, significant theoretical provisions, publications and conferences organized by the school. Special attention is paid to the personality of the school's founder, Grand PhD in Philological Sciences, Professor V. P. Zhukov. The overview of his activities includes a description of both V. P. Zhukov's well-known, recognized works, and publications less accessible for today, but still important for understanding the scientist's theoretical views. A brief description of such theoretical ideas important for V. P. Zhukov's views as the phraseological application method, the semantic classification of the phraseological unit components and the classification of proverbs and sayings is given.

Keywords: linguistics, phraseology, Novgorod Phraseological School, proverbs, sayings, V. P. Zhukov, history of phraseology

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Понятие фразеологической школы в систематическом аспекте практически не рассматривалось. Существуют отдельные статьи, реплики, замечания, констатирующие существование отдельных фразеологических школ, рассказы о жизни

и деятельности ученых, которые создавали и возглавляли фразеологические школы, входили в их состав. В то же время анализ деятельности фразеологических школ с точки зрения основных идей, которые они внесли в теорию фразеологии, особенно в сопоставительном плане, находится на периферии исследований.

Ведущими критериями выделения той или иной фразеологической школы являются географический и персональный. Логика такого структурирования прозрачна: деятельность школы прочно связана с именем ее основателя, а сам он обычно ведет свою работу в каком-либо университете или научном учреждении.

Если проследить возникновение и развитие фразеологических школ в историческом ключе, то первыми практически одновременно возникли московская (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, В. Н. Телия) и ленинградская (Б. А. Ларин, А. М. Бабкин, А. И. Молотков) фразеологические школы. Затем, когда ученики первых фразеологов постепенно защищали докторские диссертации и разъезжались по региональным научным центрам, обретали новых последователей, которые, в свою очередь, продолжали научные изыскания учителей, начали формироваться локальные фразеологические школы.

История вопроса. В различных источниках можно найти упоминания о существовании следующих фразеологических школ:

1. Самаркандская фразеологическая школа (Л. И. Ройзензон, Ю. Ю. Авалиани, А. Г. Ломов).
2. Тульская фразеологическая школа (В. Л. Архангельский, В. Т. Бондаренко).
3. Челябинская фразеологическая школа (А. М. Чепасова).
4. Костромская фразеологическая школа (А. М. Мелерович).
5. Белгородская фразеологическая школа (Н. Ф. Алефиренко).
6. Ростовская фразеологическая школа (Ю. А. Гвоздарев, Л. Б. Савенкова).
7. Казанская фразеологическая школа (Л. К. Байрамова, Э. М. Солодухо).
8. Магнитогорская фразеологическая школа (С. Г. Шулежкова).

Среди теоретических особенностей и достижений фразеологических школ упоминаются: «системная организация фразеологического состава», «изучение фразеологического состава языка с лингвокультурогенной и коммуникативной точки зрения» (Московская фразеологическая школа), «описание фразеологизмов как структурных единиц языка», «вопросы этимологии», «изучение славянской фразеологии в сопоставительном аспекте» (Ленинградская (Санкт-Петербургская) фразеологическая школа), «сопоставительно-типологическое изучение фразеологического состава» (Самаркандская фразеологическая школа), «когнитивное исследование фразеологии» (Белгородская фразеологическая школа), «динамика фразеобразования», «лингвокультурология» (Ростовская фразеологическая школа), «семантико-грамматические классы фразеологизмов, их ареалы, компонентный

состав и грамматические категории» (Челябинская фразеологическая школа), «проблемы фразеологии в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах» (Костромская фразеологическая школа), «историческая фразеология, крылатология, фразеография» (Магнитогорская фразеологическая школа) и так далее [Арсентьева, 2013], [Глотова, Бекоева, Цакалиди, 2019], [Казачук, Лебединская, Соловьева, Чепасова, 2002], [Киреева, 2020], [Михин, Осипова, Позднякова, 2015], [Свиридова, 2013], [Третьякова, 2013] [Арсентьева, 2013], [Глотова, Бекоева, Цакалиди, 2019], [Казачук, Лебединская, Соловьева, Чепасова, 2002], [Киреева, 2020], [Михин, Осипова, Позднякова, 2015], [Свиридова, 2013], [Третьякова, 2013].

В этой связи история Новгородской фразеологической школы не представляет какого-либо исключения. Ее основатель, Влас Платонович Жуков, ученик видного фразеолога А. М. Бабкина, начал изучение фразеологии в Ленинграде. В аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР А. М. Бабкин предложил В. П. Жукову тему «Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке». Впоследствии В. П. Жуков перенес свои научные интересы на благодатную в плане развития научного и филологического знания новгородскую землю.

Методология и методика анализа. Настоящая статья посвящается комплексной характеристике Новгородской фразеологической школы в историческом и теоретическом плане. Для подобного обзора, разумеется, будет недостаточным руководствоваться только упомянутыми выше географическим и персональным критериями, необходим более широкий взгляд. Представляется, что наиболее важными аспектами описания фразеологической школы являются следующие:

- Основные теоретические положения, идеи, достижения школы.
- Представители школы, их научные труды.
- Научные форумы, проведенные под эгидой фразеологической школы, их тематика и научные результаты.

Основные методы анализа материала в статье – описательный и исторический.

Анализ материала. Новгородская фразеологическая школа начала формироваться в 60-е годы, в тот момент, когда приехавший в Новгород Влас Платонович Жуков принял руководство кафедрой русского языка Новгородского государственного педагогического института и одновременно разрабатывал свои основные научные идеи, которые потом были подхвачены и развиты его учениками и единомышленниками.

Основные теоретические идеи В. П. Жукова изложить следующим образом:

- Своеобразие фразеологического значения по сравнению с лексическим. Если лексическое значения так или иначе формируются морфемами при основной роли корня, то роль компонентов фразеологизма при формировании фразеологического значения примерно одинакова. Метафорическое переосмысление словосочетания-прототипа вызывает смысловой разрыв между значением данного словосочетания и итоговым фразеологическим значением.

– Компонент фразеологизма не равен слову, так как проходит процесс деактуализации исходного значения. Однако он сохраняет знаковые свойства и участвует в образовании фразеологического значения, обладает некоторой долей семантической самостоятельности.

– Разработанный В. П. Жуковым метод фразеологической аппликации (наложения актуального значения фразеологизма на значение словосочетания-прототипа) позволил не только усовершенствовать традиционную семантическую классификацию фразеологизмов, построить типологию остаточной или приобретённой знаковости компонентов, но и решить такие вопросы, как различие синонимии и вариантности фразеологизмов, пословиц и поговорок, что привело к открытию целого класса пословично-поговорочных выражений. Данный метод позволил дифференцировать понятия слов-сопроводителей и компонентов-сопроводителей.

– В. П. Жуковым раскрыта зависимость между оценочностью семантики фразеологизма и его грамматическими свойствами. Из идеи, что «оценочное значение следует рассматривать как синтаксически ограниченное значение», сделан итоговый важный вывод о том, что «под воздействием оценочного фактора происходит семантическое и категориальное перерождение фразеологизма, сближение категорий глагола и имени».

– С учетом основных идей В. П. Жуковым описаны полисемия фразеологизмов и ее особый статус, роль внутренней формы в организации семантического пространства фразеологической единицы, морфологические и синтаксические свойства фразеологизмов, реализация ими категориальных и синтагматических свойств [Жуков, 1999], [Жуков, 2004], [Жуков, Жуков, 2006].

В работах 60–70-х годов, вплоть до этапной монографии 1978 года «Семантика фразеологических оборотов» [Жуков, 2019], В. П. Жуковым было раскрыто немало различных аспектов фразеологической проблематики, которые затем постепенно сложились в единую теоретическую картину.

Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления [Жуков, 1962]. В работе осмысливается понятие компонента фразеологической единицы, приводятся авторские наблюдения, доказывающие, что компонент не обладает свойствами слова свободного употребления.

О смысловом центре фразеологизмов [Жуков, 1964]. Идея работы в том, что фразеологизмы – это устойчивые раздельнооформленные языковые единицы, обладающие целостным лексическим значением или фразеологически связанным значением одного из компонентов. В данной работе впервые вводится понятие смыслового центра фразеологизма.

О многозначности фразеологизмов [Жуков, 1966]. Здесь рассматриваются факторы, определяющие полисемию фразеологизмов. Фразеологизмы, в отличие от слов, не «склонны» к многозначности. Этому препятствуют их меньшая в сравнении со словом контекстуальная подвижность, мотивированность значения и др. Далее автор рассматривает условия формирования и реализации разных значений полисемичных фразеологизмов.

«Внутренняя форма» и целостное значение фразеологизма [Жуков, 1967а]. В статье рассматриваются два вопроса: определение роли внутренней формы фразеологизма в формировании его целостного значения и выявление языковых способов обнаружения семантического потенциала компонентов фразеологической единицы.

Фразеологизм и синтаксическая структура предложения [Жуков, 1971с]. В. П. Жуков полагает, что фразеологизм в силу действия закона реализации значения входит в предложение как минимальную единицу коммуникации и вступает в определенное взаимодействие с предложением. Фразеологизм оказывает структурно-семантическую сопротивляемость предложению, а предложение оказывает сопротивляемость семантически реализуемому фразеологизму, выявляя тем самым структурно-семантическую специфику фразеологизма.

Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет [Жуков, 1967b]. В обзоре отмечается, что в 50–60-е гг. исследование русской фразеологии велось в разных направлениях. Характерную особенность исследований последних лет В.П. Жуков видит в том, что на смену «чисто интуитивным» критериям отбора фразеологической единицы, определения границ фразеологии приходят более объективные. В обзоре дан анализ основных дискуссионных вопросов русской фразеологии.

О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом [Жуков, 1969]. Статья посвящена дискуссионному вопросу о том, теряют ли компоненты фразеологизма словесные свойства. Как полагает автор, компоненты фразеологизма лишены собственно семантических признаков слова, однако замечает, что у разного типа фразеологической единицы наблюдается разная степень сближения компонента со словом.

Об управлении при глагольных фразеологизмах русского языка [Жуков, 1971b]. Автор раскрывает способности глагольных фразеологизмов к сильному и слабому управлению. При этом он делит фразеологический материал на три группы. Далее автор используя прием фразеологической аппликации, исследует лексико-синтаксическую природу фразеологизмов и приходит к выводу, что в них взаимодействуют и вступают в противоречие аналитические и синтетические компоненты.

Глагольный фразеологизм и синтаксическая структура предложения [Жуков, 1971а]. Фразеологизмы в силу целостности значения налагают определенные ограничения на структуру того предложения, в котором они вводятся, причем фразеологизм воздействует на структуру организации предложения в большей мере, чем лексическая единица.

Значение фразеологизма и значение слова [Жуков, 1974]. В статье рассматривается вопрос о сущности фразеологического значения как лингвистической категории. Автор пишет об определяющих признаках фразеологизма. При этом, выделяя несколько типов лексем, он устанавливает и другие собственно языковые отличия между вещественным значением фразеологической единицы и лексическим значением слова.

О знаковости компонентов фразеологизма [Жуков, 1975]. В статье затрагивается одна из наиболее острых проблем фразеологии – проблема знаковости компонентов фразеологических единиц. В.П. Жуковым компонент рассматривается как составная часть фразеологизма, лишенная основных признаков слова, как деактуализованное слово. Автор приходит к выводу том, что чем выше смыслообразующая активность компонентов, тем ближе такие компоненты к словам полного значения, тем активнее проявляются знаковые свойства компонентов, и наоборот.

Параллельно В. П. Жуков в 1966 году издал «Словарь русских пословиц и поговорок», который представляет собой первый в отечественной лексикографии опыт научного осмысления паремиологического состава языка. Словник словаря насчитывал 100 единиц (впоследствии был расширен до 1200 ед.), широко употребляемых или употреблявшихся в русском языке. В словаре объясняется смысл пословиц и пословично-поговорочных выражений. Иллюстрации показывают, как пословица или поговорка употребляется в речи. При некоторых паремиях даны справки об их происхождении. Во вступительной статье В. П. Жуков изложил теоретические основы словаря. К 2010 году словарь выдержал 14 изданий.

В 1968 году В. П. Жуков защитил докторскую диссертацию «Фразеологизм и слово». Она состояла из трех глав, каждая из которых была посвящена аспекту поставленной проблемы. В главе 1 давалась семантическая характеристика фразеологизмов, в главе 2 – морфологическая и словообразовательная характеристика глагольных фразеологизмов, в главе 3 – синтаксическая характеристика. В работе определялась сущность метода фразеологической аппликации и обосновывалась целостность его применения при синхронном и диахроническом изучении русской фразеологии. Предложенный метод В. П. Жуков последовательно применяет во всех трех главах, сравнивая семантические, морфологические и синтаксические свойства фразеологизмов с соответствующими свойствами лексем.

В дальнейшем, в работах «Семантика фразеологических оборотов» (1-е изд. – 1978, 2-е изд. – 2019), и «Русская фразеология» (1-е изд. – 1986, 2-е изд. – 2006) В. П. Жуков систематизировал свои идеи, придал им комплексный характер. В книге «Русская фразеология» представлена фразеологическая концепция В. П. Жукова в обобщенном виде. Задуманная как учебное пособие, эта книга по своему содержанию далеко выходит за рамки учебной программы. В ней рассматриваются вопросы, относящиеся к числу наиболее дискуссионных в теоретической фразеологии.

В. П. Жуков выступил соавтором книги «Современный русский литературный язык». – 1982, 1988 (в соавторстве с П. А. Лекантом, Л. Л. Касаткиным и др.).

Как выяснилось позже, эти книги стали неисчерпаемым источником для научных исследований в рамках созданной В.П. Жуковым школы.

Новый импульс получила фразеографическая деятельность В. П. Жукова. Вышли «Фразеологический словарь русского языка» (один из авторов, 6 изданий с 1967 года), «Школьный фразеологический словарь русского языка» (7 изданий с 1980 года, издания 2–7 в соавторстве с А. В. Жуковым) [Жуков, Жуков, 2013], «Словарь

фразеологических синонимов русского языка» (ответ. ред. и один из авторов, 1-е изд. – 1987, 2-е изд. – 2005) [Жуков, Сидоренко, Шкляров, 2005].

Состав научной школы и основная проблематика

Плодотворная научная деятельность В. П. Жукова представляет, безусловно, огромный и отдельный интерес. Все ее аспекты не могут быть освещены в рамках настоящей работы. Поэтому мы теперь остановимся на том, кто и как развивал идеи В. П. Жукова в дальнейшем.

Непосредственными учениками профессора являются его аспиранты, кандидаты филологических наук Н. И. Лавров, Л. Н. Сергеева, С. М. Вишневский, доктор филологических наук В. Г. Дидковская, а также Л. А. Секретарь и Н. Н. Хаак. Соавтором ряда научных трудов В. П. Жукова (статей, учебников, учебных пособий и словарей) является его сын и последователь, доктор филологических наук А. В. Жуков.

Н. И. Лавров, к сожалению, рано ушедший из жизни, разрабатывал принципы своего учителя на диалектном материале. Особое внимание он уделял такому фактору формирования значения фразеологизма, как внутренняя форма. Идеи Н. И. Лаврова изложены в посмертно изданной монографии «Смысловая структура диалектной фразеологической единицы» (Новгород, 1992). Почти всю жизнь Н. И. Лавров подвижнически собирал диалектный фразеологический материал по всей Новгородской области. Особенно его интересовали обороты, которые от фразеологизмов наследовали образный строй, а от терминов собственно назывную функцию: *пастушья сумка, львиный зев, кукушкины слезы*. Н. И. Лавров готовил «Очерки по номенклатурной фразеологии», приложением к которым должен был стать словарь номенклатурных выражений. [Жуков, 2001].

А. В. Жуков избрал в качестве основного направления научной деятельности проблему фразеологической переходности, связанную с таким свойством фразеологизмов, как сложность и неоднозначность процесса утраты ими лексических свойств. В результате возникают различные промежуточные явления, такие как вариантность фразеологизмов, категориальный синкретизм, лексико-фразеологическая гибридность, потенциальность компонента как слова, маркированность компонентов разного порядка.

В. Г. Дидковская сосредоточилась на исследовании единиц, которым уделяется обычно незаслуженно мало внимания, – фразеологических сочетаний. Ее привлекают различные аспекты теории фразеологических сочетаний: локализованность в системе языка, признаки, свойства, лексикографическая перспектива.

Л. Н. Сергеевой подготовлены «Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» (2004).

К представителям более молодого поколения НФШ относятся кандидаты филологических наук, работающие на кафедре филологии НовГУ имени Ярослава Мудрого (А. В. Батулина, Т. И. Кошелева, В. И. Макаров), на других кафедрах университета (Ю. А. Максяшина, Т. А. Лапаева), а также в других учреждениях (К. А. Жуков, Т. Г. Зуева, О. Ю. Машина, Ю. Е. Коркина).

Т. Г. Зуева посвятила свою кандидатскую диссертацию и ряд последующих работ неантропологической фразеологии русского языка, ее системным и семантическим свойствам, структурной организации и так далее.

Т. И. Кошелева работает в области фразеологической нормы, ее реализации, формирования, критериев. Фразеографический аспект проблемы находит отражение в идее словаря фразеологических трудностей.

В. И. Макаров изучает вопросы употребления фразеологизмов в различных типах текстов, их текстообразующие функции, вопрос об аккумуляции семантики фразеологизма при употреблении их компонентов. В последние годы он занимается юрислингвистическим аспектом употребления фразеологизмов.

О. Ю. Машина работает над таким направлением, как оттеночность семантики фразеологизмов в различном проявлении (текст, синонимия, словарь).

К. А. Жуков исследует вопросы концептуального содержания фразеологических единиц, сопоставительной паремиологии.

А. В. Батулина защитила кандидатскую диссертацию по семантике пословично-поговорочных выражений, а потом еще написала ряд работ по данной тематике.

Наиболее актуальной научно-исследовательской проблематикой НФШ является следующая:

- Своеобразие знаковых и семантических свойств фразеологизмов и смежных с ними языковых единиц (фразеологических сочетаний, пословиц и поговорок и др.) в языке и речи, в тексте и словаре;

- Разноаспектная типология фразеологизмов и других воспроизводимых единиц русского языка;

- Межуровневые отношения и связи в сфере фразеологии и паремиологии.

- Переходные явления в системе фразеологии и паремиологии.

- Словарное описание и систематизация фразеологизмов русского языка (на материале литературного языка и новгородских говоров).

- Сравнительно-типологическая и концептуально-культурологическая характеристика фразеологизмов и пословично-поговорочных выражений русского и других языков (английского, шведского и др.).

Конференции и сборники, связанные с НФШ

С самого начала Новгородская фразеологическая школа стремилась стать центром организации плодотворных научных дискуссий по самым актуальным проблемам фразеологии. На базе НГПИ, а затем и НовГУ прошел ряд конференций, имевших отклик далеко за пределами Новгорода.

«Вопросы семантики фразеологических единиц» (1971). Основные участники: Ю. А. Гвоздарев, А. М. Мелерович, В. Н. Телия, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, А. Г. Ломов, Р. Н. Попов, В. И. Зимин, М. И. Сидоренко, А. М. Эмирова, В. М. Огольцев, Л. Я. Костючук. Основные проблемы: систематизация фразеологических единиц и системные отношения в области ФЕ; семантико-грамматическая характеристика фразеологических единиц, семантико-стилистические функции фразеологических единиц; вопросы фразеографии. На этой конференции В. П. Жуков сделал один из

своих программных докладов, посвященный проблеме семантической целостности фразеологизма.

«Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии» (1991). Основные участники: Н. Ф. Алефиренко, А. Г. Балакай, В. Т. Бондаренко, Ю. А. Гвоздарев, Е. И. Диброва, В. И. Зимин, В. И. Кодухов, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, Л. Я. Костючук, В. А. Лебединская, Р. Н. Попов, В. П. Проничев, Ю. П. Солодуб, Бела Татар, Д. О. Добровольский, И. Я. Лепешев, А. В. Кунин. Основная проблематика: семантическая целостность ФЕ и их вариантность; синонимия и вариантность ФЕ; лексико-фразеологические отношения; ФЕ в словаре и в тексте; узуальное и окказиональное во фразеологии; фразеологическое значение и его структура.

«Фразеологизм и слово» («Первые Жуковские чтения», 1996). Основные участники: Н. Ф. Алефиренко, А. Г. Балакай, В. Т. Бондаренко, Бела Татар, Л. Е. Кругликова, А. А. Хуснутдинов, Н. Л. Шадрин, Ю. П. Солодуб, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, В. Д. Черняк, В. Н. Телия, Н. Е. Сулименко. Основные проблемы: грамматические свойства фразеологизма и слова; фразеологическое значение в словаре и тексте; паремиологические проблемы; синонимия, антонимия, вариантность; лексикография и фразеография; компонент ФЕ и слово; метод фразеологической аппликации и его применение для лингвистических исследований.

«Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков» («Вторые Жуковские чтения», 2001). Основные участники: В. Т. Бондаренко, Л. Е. Кругликова, И. Я. Лепешев, А. М. Мелерович, Н. Л. Шадрин, С. Г. Шулежкова, Т. Г. Аркадьева, В. П. Проничев, Н. А. Данилович, Л. Я. Костючук, Н. Ф. Алефиренко, Г. И. Богин, В. Т. Малыгин, Л. А. Ивашко. Основные проблемы: проблемы фразеологии и фразеологической переходности; проблемы лексикологии и лексической переходности; проблемы грамматической переходности, структуры языка и языковых уровней; проблемы исторической и диалектной лексикологии и фразеологии; когнитивная и прагматическая лингвистика в аспекте переходности.

«Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии» («Третьи Жуковские чтения», 2004). Основные участники: В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, Н. Л. Шадрин, А. Г. Балакай, А. А. Хуснутдинов, В. Т. Малыгин, Н. А. Данилович, Н. Ф. Алефиренко, К. П. Сидоренко, Т. Г. Никитина, В. В. Химик, Л. П. Дядечко, Е. Р. Ратушная, В. Т. Бондаренко, Л. Я. Костючук, Л. А. Ивашко. Основные проблемы: теория и практика составления словарей, в том числе новые типы словарей, новые критерии отбора материала и его подачи; историческая и диалектная лексикография, в том числе новое, расширительное понимание термина «диалект» (идиолект, диалект семьи) в словарной практике; структура словаря, в том числе применение в словарях современных способов анализа языковых явлений: антропоцентрического принципа, внимания к явлениям речи, употреблению языковых единиц в контексте; фразеография и паремиография, в том числе диалектная и многоязычная; словари языка писателей. Симпозиум проходил под сенью авторитета замечательного русского филолога, теоретика и практика фразеографии В. П. Жукова. Доклад А. В. Жукова, посвященный осмыслению опыта и

достижений В. П. Жукова на ниве лексикографии, открывает собой сборник материалов Третьих Жуковских чтений.

«Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме» (Четвёртые Жуковские чтения, 2009). Основные участники: В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Н. Л. Шадрин, В. Т. Бондаренко, В. И. Зимин, В. П. Проничев, К. П. Сидоренко. Основные проблемы: семантика, функции и свойства фразеологизмов и других устойчивых единиц в системе и тексте; фразеологизмы и другие устойчивые единицы в художественном тексте; сопоставительное изучение русской и иноязычной фразеологии в различных типах текстов; фразеологический словарь как текст; фразеологизмы и другие устойчивые единицы в историческом, фольклорном, диалектном и учебном тексте; активные процессы в области фразеологии в современном русском языке; фразеологизмы в массовой коммуникации.

«Литературная и диалектная фразеология: история и развитие» (Пятое Жуковские чтения, 2011). Конференция прошла под эгидой Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. Основные участники: В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Н. Ф. Алефиренко, Желька Финк-Арсовски, В. И. Зимин, Н. Б. Мечковская, М. Л. Ковшова, С. Г. Шулежкова, В. В. Катермина, Е. Е. Иванов, В. Т. Малыгин, Т. Г. Трофимович, В. Т. Бондаренко, К. П. Сидоренко. Основные проблемы: фразеологическая семантика: история и развитие; пути пополнения фразеологического фонда русского и других славянских языков; взаимодействие в тексте русских и иноязычных фразеологизмов и их сравнительное изучение; актуальные вопросы литературной и диалектной фразеологии; активные фразеологические процессы в русском и других славянских языках 1980-х – 2000-х гг. В составе материалов симпозиума был издан том редких и малодоступных работ В. П. Жукова [Литературная и диалектная фразеология..., 2011].

«Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы» (Шестые Жуковские чтения, 2014). Конференция прошла под эгидой Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. Основные участники: В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Петер Дюрчо, О. И. Федосов, Л. К. Байрамова, В. И. Зимин, Л. Б. Савенкова, М. Л. Ковшова, С. Г. Шулежкова, В. В. Катермина, Е. Е. Иванов, В. Т. Малыгин, Т. Г. Трофимович, А. Г. Балакай, Н. В. Юдина. Основные проблемы: пословицы и поговорки в пространстве русского мира; русская и славянская паремиология: единство и многообразие; теория и практика современной паремиологии; пословицы и поговорки в тексте. Материалы форума впервые были изданы в виде специального выпуска журнала «Вестник Новгородского государственного университета», входящего в список ВАК [Вестник..., 2014].

Кроме того, в разные годы в Новгороде или при непосредственном участии членов НФШ был издан ряд проблемных сборников научных работ, отражающих актуальную фразеологическую проблематику.

Вопросы лексики и грамматики русского языка. Новгород, 1969. Отв. редактор В. П. Жуков. В сборник включены работы, посвященные вопросам исторической, диалектной и современной фразеологии.

Системность русского языка. Новгород, 1973. Отв. редактор В. П. Жуков. Понятие системность, как отмечается в редакционном предисловии, употребляется авторами сборника в плане исследовательского подхода к различным явлениям русского языка.

Проблемы лексики и фразеологии. Л., 1975. Отв. редактор В. П. Жуков. Общая проблематика сборника – взаимодействие лексической и фразеологической систем.

Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л., 1978. Гл. редактор В. П. Жуков. Авторы статей сборника исследуют как «внешние» по отношению к ФЕ признаки, так и их внутренние качества, стараясь избегать как растворения ФЕ среди других сверхсловных единиц, так и провозглашения их замкнутым особым классом.

Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983. Отв. редактор В. П. Жуков. Он поместил в нем одну из своих известных статей, посвященную парадигматическим и синтагматическим свойствам компонента ФЕ.

Проблемы русской и общей фразеологии. Новгород, 1990. Отв. редактор В. П. Жуков. Среди авторов сборника: Бела Татар, Н. Ф. Алефиренко, И. Я. Лепешев, Ю. П. Солодуб, М. М. Копыленко, А. В. Кунин. Сборник посвящен составлению фразеологических словарей различных типов, а также особенностям словарной репрезентации фразеологического значения.

Фразеологизм и слово. Новгород, 1996. Сборник памяти В. П. Жукова. Отв. редактор А. В. Жуков. Сборник посвящен различным аспектам взаимодействия лексической и фразеологической систем, слова и ФЕ, грамматическим свойствам фразеологизма и слова, проблеме компонента ФЕ и его статуса.

Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах. Великий Новгород, 2001. Сборник памяти Н. И. Лаврова. Отв. редактор А. В. Жуков. Среди авторов: В. М. Мокиенко, А. С. Герд, В. И. Кодухов, Т. Г. Аркадьева, В. П. Проничев. Основная тема сборника – литературная и диалектная фразеология в различных областях функционирования.

К 60-летию профессора А. В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. Великий Новгород, 2007. Отв. редактор В. И. Макаров. Среди авторов: И. Я. Лепешев, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Бела Татар, Л. Г. Золотых, А. Г. Балакай.

Фразеологизм и слово в языке и речи. Великий Новгород, 2007. Сборник посвящен 85-летию В. П. Жукова и включает в себя статьи российских лексикологов и фразеологов.

Отдельно стоит сказать о многообразной деятельности НФШ в плане издания различных словарей.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок». М., 1966. Впервые изданный еще в середине 60-х годов прошлого столетия, он вполне заслуженно отнесен современниками – как специалистами, так и широким читателем – к отечественной и мировой лексикографической классике. По мнению одного из рецензентов, Ю. П. Солодуба, «этот словарь является подлинной сокровищницей народной мудрости, образности, меткости и яркости народной речи, нашедшей свое

отражение в таких своеобразных произведениях нашего отечественного фольклора, как пословицы и поговорки. Вместе с тем это, несомненно, ценнейший вклад, внесенный ученым в развитие теории русской и общей паремиологии».

Жуков В. П. «Школьный фразеологический словарь русского языка». М., 1980 (начиная со 2-го издания в соавторстве с А. В. Жуковым). Подготовка, создание и издание словаря стали поворотным этапом не только в научном творчестве самого автора, но и в судьбе отечественной фразеологии (особенно учебной. По пути, проторенному В. П. Жуковым, так или иначе пошли многие фразеологи и фразеографы, в том числе и создатели новых фразеологических словарей.

Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. «Словарь фразеологических синонимов русского языка». М., 1987. Впервые изданный в 1987 году, словарь является богатейшим собранием русской народной фразеологии, любовно и щедро проиллюстрированной образцами русской классической литературы. Из бесценного языкового материала в полном соответствии с теоретическим замыслом и волей редактора составителями построено монументальное и гармоничное здание словаря. И хотя за прошедшие годы предпринимались (и не безуспешно) попытки расширить и по-новому систематизировать синонимическое богатство русской фразеологии, словарь под ред. В. П. Жукова, по нашему мнению, и по сей день остается неповторимым и непревзойденным лексикографическим трудом. (Характеристики словарей даны по [Жуков, 2004].

Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004. В словаре новгородский фразеологический материал размещается по тематическому принципу. Автором исследован значительный пласт новгородской диалектной фразеологии, и работа может получить интересное продолжение.

Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М., 2003. Это фразеологический словарь нового типа, основная цель которого – показать во всем объеме и многообразии взаимоотношения фразеологизма и слова. Автор выделяет во фразеологизме семантически господствующий компонент, а также проводит анализ смысловых отношений и связей компонентов фразеологизма и свободно употребляемых слов. Дана подробная лексическая разработка слов-сопроводителей.

Жуков А. В., Жукова М. Е. Современный фразеологический словарь русского языка. М., 2009, 2015. Фразеологический словарь, посвященный современной фразеологии, сформировавшейся в основном в публицистическом и интернет-дискурсе начала 21 века.

Выводы. Проходит время, но исследования в области фразеологии продолжаются. Следовательно, продолжается и жизнь Новгородской фразеологической школы – в научной работе новых поколений.

Литература

Арсентьева, Е. Ф. (2013). Казанская фразеологическая школа. *Фразеология в многоязычном обществе*. (Т. 1, с. 115-125). Казань: ХЭТЕР.

Вестник Новгородского государственного университета (2014). 77.

Глотова, Т. А., Бекоева, М. Т., & Цакалиди, Т. Г. (2019). *Теория общей фразеологии*. Учебное пособие. Владикавказ: ИПЦ СОГУ.

Жуков, А. В. (1999). *Заметки о фразеологическом значении*. Электронный ресурс <http://admin.novsu.ac.ru/uni/scrapers.nsf/publications/D949A515360B4BCBC32567BA003568C1>

Жуков, А. В. (2001). Очарованный странник русской фразеологии. *Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах* (с. 5-8). Великий Новгород: НовГУ.

Жуков, А. В. (2004). В. П. Жуков – словарь: прозрения учителя. *Материалы форума «Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии» («Третьи Жуковские чтения»)* (с. 5-12). Великий Новгород: НовГУ.

Жуков, А. В. (2021). Через версты войны к истинам русской речи (к 100-летию со дня рождения В. П. Жукова). *Русский язык в школе*, 82(2), 85-89.

Жуков, В. П. (1962). Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 3, 82-93.

Жуков, В. П. (1964). О смысловом центре фразеологизмов. *Проблемы фразеологии и задачи составления фразеологического словаря русского языка* (с. 140–149). Москва, Ленинград: Академия наук СССР.

Жуков, В. П. (1966). О многозначности фразеологизмов. *Третья теор. конф. преподавателей и студентов: Тез. докл. и сообщ.* (с. 49–50). Новгород: НГПИ.

Жуков, В. П. (1967а). «Внутренняя форма» и целостное значение фразеологизма. *Ученые записки Новгород, гос. пед. ин-та. Филологические науки*, 12, 18–29.

Жуков, В. П. (1967б). Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет. *Вопросы языкознания*, 5, 104–113.

Жуков, В. П. (1969). О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом. *Русский язык в школе*, 3, 97–104.

Жуков, В. П. (1971а). Глагольный фразеологизм и синтаксическая структура предложения. *Русский язык в школе*, 3, 56–61.

Жуков, В. П. (1971б). Об управлении при глагольных фразеологизмах русского языка. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 1, 48–58.

Жуков, В. П. (1971с). Фразеологизм и синтаксическая структура предложения. *Вопросы грамматики русского*

References

Arsent'eva, E. F. (2013). Kazan Phraseological School. *Phraseology in Multilingual Society* (Vol. 1, pp. 115-125). Kazan': KhETER. (In Russian)

Glотоva, T. A., Bekoeva, M. T., & Tsakalidi, T.G. (2019). *Theory of general phraseology*. Textbook. Vladikavkaz: IPTs SOGU. (In Russian)

Kazachuk, I. G., Lebedinskaia, V. A., Solov'eva, A. D., & Chepasova, A. M. (2002). *Chelyabinsk School of Phraseology (findings and reflection on ways): academic and historical essay*. Cheliabinsk: ChGPU. (In Russian)

Kireeva, E. Z. (2020). On V. T. Bondarenko's dictionary "Responses in Russian dialogic speech". *Speech Genres*, 4(28), 317–324. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324

Literary and Dialectal Phraseology: History and Development (2011). *The Fifth Zhukov Readings: 90th Anniversary of Vlass Platonovich Zhukov*. (Vol. 2). Novgorod: NovGU. (In Russian)

Mikhin, A. N., Osipova, A. A., & Pozdniakova, N. V. (2015). From Old Slavonic fixed word complexes to modern political slogans (to the history of the formation of the concept of the Magnitogorsk school of phraseology). *Proceedings of Fixed Phrases in Academic Paradigms: Proceedings of Int. Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Vladimir Leonidovich Arkhangel'sky* (pp. 479-484). Tula: TSPU. (In Russian)

Sviridova, A. V. (2013). Some aspects of the development of phraseology. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University. Philology and art history*, 7, 207-213. (In Russian)

Tret'iakova, I. Iu. (2013). Kostroma phraseological school. *Vestnik of Kostroma state university*, 5, 135-137. (In Russian)

Vestnik NovSU. (2014). 77. (In Russian)

Zhukov, A. V. (1999). *Notes on phraseological meaning*. Retrieved from <http://admin.novsu.ac.ru/uni/scrapers.nsf/publications/D949A515360B4BCBC32567BA003568C1>

Zhukov, A. V. (2001). Enchanted wanderer of Russian phraseology. *Word and phraseological unit in the Russian literary language and folk dialects* (pp. 5-8). Veliky Novgorod: NovGU. (In Russian)

Zhukov, A. V. (2004). V. P. Zhukov — the dictionaries compiler: insights from a teacher. *Proceedings of the forum "Vocabulary heritage of V.P. Zhukov and the ways of development of Russian and general lexicography" ("Third Zhukov readings")* (pp. 5-12). Veliky Novgorod: NovGU. (In Russian)

Zhukov, A. V. (2021). Through the miles of war to the truths of Russian speech (to the 100th anniversary of V. P. Zhukov). *Russian language at school*, 82(2), 85-89. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1962). The relation of the phraseological unit and its components to freely used words. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 3, 82-93. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1964). On the semantic centre of phraseological units. *Problems of phraseology and the task of compiling a phraseological dictionary of the Russian language*

- языка: *Программа и краткое содерж. докл.* (с. 52–54). Ленинград: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена.
- Жуков, В. П. (1974). Значение фразеологизма и значение слова. *Русский язык в школе*, 3, 81–86.
- Жуков, В. П. (1975). О знаковости компонентов фразеологизма. *Вопросы языкознания*, 6, 36–46.
- Жуков, В. П., Сидоренко, М. И., & Шкляров, В. Т. (2005). *Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка*. Москва: АСТ, Астрель, Ермак.
- Жуков, В. П., & Жуков, А. В. (2006). *Русская фразеология* Учебное пособие. Москва: Высш. шк.
- Жуков, В. П., & Жуков, А. В. (2013). *Школьный фразеологический словарь русского языка*. Москва: Просвещение.
- Жуков, В. П. (2019). *Семантика фразеологических оборотов*. Москва: URSS.
- Казачук, И. Г., Лебединская, В. А., Соловьева, А. Д., & Чепасова, А. М. (2002). *Челябинская фразеологическая школа (итоги и осмысление пути)*. Научно-исторический очерк. Челябинск: ЧГПУ.
- Киреева, Е. З. (2020). О возможностях словаря «Ответные реплики в русской диалогической речи» В. Т. Бондаренко. *Жанры речи*, 4(28), 317–324. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-4-28-317-324
- Литературная и диалектная фразеология: история и развитие*: (2011). Пятое Жуковские чтения: к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова. (Т. 2). Новгород: НовГУ.
- Михин, А. Н., Осипова, А. А., & Позднякова, Н. В. (2015). От старославянских устойчивых словесных комплексов до современных политических лозунгов (к истории формирования концепции магнитогорской фразеологической школы). *Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Владимира Леонидовича Архангельского* (с. 479-484). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
- Свиридова, А. В. (2013). Некоторые аспекты развития фразеологической науки. *Вестник Челябинского государственного гуманитарно-педагогического университета. Филология и искусствоведение*, 7, 207-213
- Третьякова, И. Ю. (2013). Костромская фразеологическая школа. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 5, 135-137.
- (pp. 140–149). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1966). On the multiple meaning of phraseological units. *Proceedings of the Third theoretical conference of teachers and students* (pp. 49–50). Novgorod: NGPI. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1967a). “Inner form” and holistic meaning of phraseological unit. *Memoirs of Novgorod State Pedagogical Institute. Philological Sciences*, 12, 18–29. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1967b). Study of Russian phraseology in Russian linguistics in recent years. *Questions of linguistics*, 5, 104–113. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1969). On incommensurability of components of a phraseological unit with the word. *Russian language at school*, 3, 97–104. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1971a). Verbal phraseological unit and the syntactic structure of the sentence. *Russian language at school*, 3, 56–61. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1971b). On verb patterns of phraseological units of the Russian language. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1, 48–58. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1971c). Phraseology and the syntactic structure of a sentence. *Proceedings of Questions of grammar of the Russian language: Program and brief content. report* (pp. 52–54). Leningrad: Leningr. gos. ped. in-t im. A. I. Gertsena. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1974). Meaning of phraseological unit and the meaning of word. *Russian language at school*, 3, 81–86. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (1975). About the signification of phraseological components. *Questions of linguistics*, 6, 36–46. (In Russian)
- Zhukov, V. P., Sidorenko, M. I., & Shklyarov, V. T. (2005). *The explanatory dictionary of phraseological synonyms of the Russian language*. Moscow: AST, Astrel', Ermak. (In Russian)
- Zhukov, V. P., & Zhukov, A. V. (2006). *Russian phraseology* Textbook. Moscow: Vyssh. shk. (In Russian)
- Zhukov, V. P., & Zhukov, A. V. (2013). *School phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
- Zhukov, V. P. (2019). *Semantics of phraseological units*. Moscow: URSS. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Макаров, В. И. (2021). Новгородская фразеологическая школа. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 95–108. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-95-108

For citation:

Makarov, V. I. (2021). Novgorod Phraseological School. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 95–108. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-95-108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ / SCIENTIFIC LIFE: CHRONICLE, CRITIQUES, REVIEWS

Детская фразеография: псковская версия

Т. В. Соловьева

Children's phraseography: the Pskov version

T. V. Solovyova

Татьяна Васильевна Соловьева – кандидат филологических наук, доцент; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: tvp64@list.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Представлен обзор публикаций псковских ученых Е. И. Роголевой, Т. Г. Никитиной, которые квалифицируются как детская фразеография. Выделяются два блока работ. Первый – словари, адресованные школьникам 1–6 классов, отличительная особенность этих словарей – интерактивность, показано, как игровая фразеографическая стратегия варьируется в зависимости от жанра словарного проекта: юмористический детектив, занимательные этимологические истории, квест. Приводятся примеры творческих заданий, помещенных в словарях. Раскрываются возможности использования словарей на уроках русского родного языка. Второй блок – научные статьи и монографии, в которых сформулированы теоретические положения, лежащие в основе репрезентации фразеологизмов для школьников. Выделяются основные направления исследований, обращается внимание на полемику псковских ученых с другими создателями словарей. Демонстрируется, как выработанная концепция детской фразеографии трансформируется на фоне изменений, происходящих в обществе и в школе. В заключение подчеркивается актуальность исследований псковских ученых в обновлении теоретической базы детской фразеографии.

Ключевые слова: детская фразеография, фразеологический словарь, младший школьник, Т. Г. Никитина, Е. И. Роголева

УДК 81.161.1:81.276.1(470.25)

Tatiana V. Solovieva – candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3594-1498

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

The article provides an overview of the publications of Pskov scientists E. I. Rogaleva, T. G. Nikitina, which qualify as children's phraseography. There are two blocks of work. The first one is dictionaries addressed to schoolchildren of grades 1-6, a distinctive feature of these dictionaries is interactivity. It is shown how the game phraseographic strategy varies depending on the genre of the vocabulary project: humorous detective story, entertaining etymological stories, quest. Examples of creative assignments included in dictionaries are given. The possibilities of using dictionaries in the lessons of the Russian native language are revealed. The second block is scientific articles and monographs, in which the theoretical provisions that underlie the representation of phraseological units for schoolchildren are formulated. The main research directions are highlighted, attention is drawn to the polemics of Pskov scientists with other creators of dictionaries. It is shown how the developed concept of children's phraseography is transformed against the background of changes taking place in society and school. In conclusion, the relevance of the Pskov scientists research in updating the theoretical base of children's phraseography is emphasized.

Keywords: children's phraseography, phraseological dictionary, junior schoolchild, T. G. Nikitina, E. I. Rogaleva

OECD: 6.02.OY

V

В настоящее время выходят учебные фразеологические словари, адресованные детям, что позволяет говорить о детской фразеографии как новом направлении описания фразеологического фонда [Баско, 2019], [Волков, 2013], [Розе, 2018], [Ушакова, 2012]. Однако при их чтении часто задаешься вопросами: На основе чего отобраны фразеологизмы? Понятны ли детям примеры, демонстрирующие использование лексики из *словаря* в контексте? Интересна ли подача материала современному ребенку? Сможет ли словарь привить детям любовь к русской фразеологии и русской культуре? Чаще всего, вопросы так и повисают в воздухе.

Надо сказать, что таких вопросов практически не возникает к работам псковских ученых, докторам филологических наук Елене Ивановне Роголёвой и Татьяне Геннадьевне Никитиной. Их публикации можно разделить на два блока. Первый – словари, адресованные школьникам 1–6 классов; второй – научные статьи и монографии, в которых сформулированы теоретические положения, лежащие в основе репрезентации фразеологизмов для школьников.

Главная особенность словарей [Роголёва, Никитина, 2017а], [Роголёва, Никитина, 2019], [Роголёва, Никитина, 2020] – их интерактивность. Она обеспечивается за счет таких диалогизирующих приемов, как обращенность к читателю, персонификация автора – в тексте присутствуют два автора, ведущие диалог друг с другом и с ребенком-адресатом; маленькому читателю предлагается оказаться в позиции соавтора, активного исследователя; используются специальные игровые приемы конструирования словарной статьи. При этом игровая фразеографическая стратегия варьируется в зависимости от жанра словарного проекта.

Так, словарь «Сами с усами» [Роголёва, Никитина, 2020] построен в жанре юмористического детектива. Приведем пример расследования детективно-фразеологического агентства ГАКОС о происхождении фразеологизма «Семь пятниц на неделе».

«Служебно-розыскной пес Гафик: Коллеги, посмотрите, какой забавный календарь нам прислала Катя Романова из Москвы. В графе «Дни недели» – только пятницы, субботы и воскресенья. А вот что она пишет: «Очень люблю пятницу – заканчивается рабочая неделя, впереди выходные и столько всего интересного! Но семь пятниц на неделе – многовато. Я предлагаю пять. А субботы и воскресенья пусть остаются на своём месте!» Уважаемый Кокос, ответьте Кате, что мы оценили её шутку.

Кот-исследователь Кокос: А в чём шутка? По-моему, очень печально: человек мечтает о семи или хотя бы о пяти пятницах, а их-то всего одна. Да и та уже почти закончилась. И через два дня снова понедельник.

Пёс Гафик: Не печальтесь, Кокос. До окончания рабочего дня ещё целых три часа. Мы как раз успеем расследовать дело о происхождении фразеологизма «семь пятниц на неделе». Срочно вызываем экскурсовода Раскопкина! Звоните ему, коллега!

Экскурсовод Раскопкин: Здравствуйте, друзья! Я в Великом Новгороде. Показываю туристам храм Святой Параскевы Пятницы у торгового ряда, построенный в 1207 году. Для тех, кто не знает: торговля раньше называлась городской рынок. Во многих городах Древней Руси Пятницкие храмы строили рядом с торговыми рядами. Купцы считали святую Параскеву Пятницу своей покровительницей, и торговым днём на Руси была именно пятница. В этот день было принято исполнять различные торговые обязательства. В пятницу товар получали, а деньги за него можно было отдать в следующий базарный день, то есть в следующую пятницу. О человеке, который нарушал свои обещания и снова переносил срок выплаты, говорили в шутку: У НЕГО СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ. Так и появился фразеологизм, обозначающий непостоянного человека, который часто меняет свои решения, не держит слово» [Роголёва, Никитина, 2020, с. 147–148].

Далее Кокос рассказывает о своих планах на выходные, а пес Гафик выбирает фразеологизмы, которые будет изучать в понедельник. Оба шутят, неоднократно меняя свои решения, демонстрируя, как фразеологизм употребляется в речи.

После репрезентации фразеологизмов в словаре помещены интересные задания. Так, читателям предлагается приготовить «веселые бутерброды» (заморить червячка), оригинально украсить комнату гирляндами (на одну колодку), освоить способ запоминания таблицы умножения на 9 (по щучьему велению), попробовать себя в роли фокусника (как в воду глядел, как сквозь землю провалился, как в воду канул), скандировать кричалки за любимую футбольную команду (во всю ивановскую), помериться силой в армрестлинге (мало каши ел), построить кукольный домик из обувной коробки (ни кола ни двора).

Другой жанр построения словаря – занимательные этимологические истории [Роголёва, Никитина, 2019], в которых раскрывается механизм образования конкретного фразеологизма как знака языка и культуры.

Так, оказываясь в далеком прошлом Руси, авторы-рассказчики и читатель-ребенок из поездки по столбовой дороге в село Коломенское узнают историю происхождения фразеологизма *коломенская верста* [Роголёва, Никитина, 2019, с. 41], в процессе приготовления каши на деревенской свадьбе знакомятся с историко-этимологической версией фразеологизма *заварить кашу* [Роголёва, Никитина, 2019, с. 20–21].

Еще один словарный проект, как сообщают авторы, подготовлен к печати в жанре квеста. Согласно легенде, фразеологические рассказчики собираются в Пушкинских горах по приглашению еще одного – таинственного персонажа (им оказывается тень Пушкина) и участвуют в жеребьевке: вытащив жребий из шляпы, они должны выяснить историю происхождения доставшегося им фразеологизма. Кроме «Фразеологических стеклышек», «разбросанных» по тексту словаря (*когда ты соберешь 7 букв-стеклышек, наш словарь скажет тебе что-то важное!*), навигация осуществляется и с помощью игрового кубика в конце статьи адресат-ребенок узнает, к какой статье он должен перейти, найдя ее по соответствующему номеру в оглавлении [Никитина, Роголёва, 2021b, с. 80–81].

Представленные жанры словарей, разнообразные задания, адресованные как мальчикам, так и девочкам, имеющим разные увлечения, позволяют ребенку выбрать то, что ему интересно, найти свой образовательный маршрут:

Поражаешься воображению, эрудиции, креативности авторов в объяснении фразеологизмов и способах «вовлечения» ребенка в мир фразеологизмов.

Обращенность к сегодняшнему младшему школьнику определяется не только формой подачи материала, но и включением его в современные культурные реалии. К примеру, в словарной статье «*Подковать блоху*» адресат словаря вместе с авторами отправляется в санкт-петербургский музей «Русский Левша», в статье «*Тише воды ниже травы*» со спецсамолета фотографирует реку Волгу, едет на экскурсию в пушкиногорский музейный комплекс «Бугрово» (статья «*Вить веревки*»).

Безусловно, анализируемые словари адресованы не только детям, но и взрослым. В частности, для учителей словари приобретают особую значимость в связи с введением предмета «Русский родной язык». В соответствии с примерной программой в начальной школе изучаются фразеологизмы, возникновение которых связано с предметами, явлениями традиционного русского быта: игры, утварь, орудия труда, еда, одежда (например, *каши не сваришь, ни за какие коврижки*), а также с качествами, чувствами людей, с учением, с родственными отношениями. Таким образом, фразеологизмы не только осмысливаются в аспекте их значения, но и рассматривается их этнокультурный фон. В связи с тем, что утвержденных учебников по данной дисциплине нет, словари являются настоящим подспорьем в подготовке уроков.

Можно воспользоваться словарем [Роголёва, Никитина, 2020], в котором эксперты помогают узнать о происхождении фразеологизмов. Экскурсовод Раскопкин поведает о фразеологизмах, связанных с историей нашей страны; инженер Сантиметренко – о фразеологизмах, связанных со старинными мерами длины; повар Сгущенкин познакомит с кулинарными фразеологическими историями, мастер Профи представит фразеологизмы, связанные с разными профессиями.

Возможны разные варианты работы: на уроке тексты экспертов можно прочитать в словаре или заранее подготовленные ученики могут выступить в роли экспертов, пересказывая словарную статью из словаря. Например, при изучении темы «Профессии на Руси» словарь дает возможность познакомить младших школьников с профессиями кузнеца и фразеологизмом «довести до белого каления», сапожника («на одну колодку»), прядильщика («попасть в просак»). Авторы сначала рассказывают об особенностях профессии, а затем объясняют значение фразеологизмов, например, *Исконно русское выражение «попасть в просак» связано с бытом русских прядильщиков, канатных мастеров. Просак – это канатный станок, на котором в старину скручивали верёвки. Прядильщик мог серьёзно пострадать, если во время работы в такой станок, то есть в ПРОСАК, попадала его одежда или волосы. В наше время таких станков-просаков уже нет, прямое значение устойчивого выражения «попасть в просак» забылось, предлог «в» слился с названием станка и укрепилось переносное значение фразеологизма ПОПАСТЬ ВПРОСАК – по своей вине оказаться в*

затруднительном, неприятном, сложном положении; ошибиться в чём-либо [Рогалёва, Никитина, 2020, с. 125].

Таковы основные приемы преподнесения фразеологического материала в детской фразеографии псковских авторов.

Что касается их научных публикаций, связанных с детской фразеографией, необходимо отметить следующие моменты.

Концепция создания фразеологических словарей представлена в фундаментальном труде – диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук [Рогалёва, 2014]. Ее положения развиваются автором до сегодняшнего дня, в течение 7 лет. В основе концепции лежит принцип интерактивности в учебном фразеологическом словаре. В большей части публикаций раскрываются все лексикографические категории интерактивности в соответствии с концепцией псковских ученых: [Рогалёва, 2015a], [Рогалёва, Никитина, 2017b], [Рогалёва, 2017], [Никитина, Рогалёва, 2021b]. Другие же тексты посвящены изучению какой-то одной категории интерактивности – адресованности [Рогалёва, 2015b] или гипертекстового конструирования словаря [Рогалёва, Никитина, 2015].

Все без исключения публикации имеют зеркальное построение: в начале статьи дается теоретическое обоснование детской фразеографии, далее, в подтверждение выдвинутых тезисов, приводится богатый иллюстративный материал из словарных статей словарей.

Представляя псковскую версию детской фразеографии, Е. И. Рогалева и Т. Г. Никитина полемизируют с другими создателями словарей [Рогалёва, 2013], [Рогалёва, 2015a], [Рогалёва, Никитина, 2017b]. Отмечается, что существующие словари для младших школьников [Баско, 2019], [Волков, 2013], [Розе, 2018], [Ушакова, 2012] не всегда строятся с учетом принципов антропоцентрической лексикографии и современных требований к учебным словарям: механический перенос словника и контекстов-иллюстраций из словарей для взрослых читателей в издание для детей нарушает принцип градуальности, стремление автора сделать словарь доступным и привлекательным для ребенка не всегда соответствует критерию научности, что дезинформирует адресата и явно не способствует освоению русской фразеологии младшими школьниками [Рогалёва, 2015a].

Выработанная концепция детской фразеографии трансформируется на фоне изменений, происходящих в обществе и в школе. Так, 2015 году авторами раскрываются потенциальные возможности учебного словаря как ведущего дидактического средства усвоения фразеологизмов в формировании ИКТ-компетенции младших школьников [Рогалёва, Никитина, 2015]. Эта тема обусловлена введением нового ФГОС-3 начального общего образования и требованиями к метапредметным результатам освоения учебной программы. В настоящее время, когда общество активно пользуется электронными словарями, авторы доказывают эффективность бумажных словарей как обучающего средства и представляют реализацию интерактивного фразеологического текста в бумажном формате с учетом особенности памяти и восприятия у детей новой постиндустриальной культуры,

ориентированных на экранные источники получения информации, игровой аспект и интерактивность этого процесса словаря [Никитина, Роголёва, 2021b].

В статьях особое внимание уделено проблемам отбора материала в учебный словарь для детей. Раскрываются возможности использования фольклорного [Роголёва, 2018c], литературного [Роголёва, 2018d; Роголёва, 2020], ономастического [Роголёва, 2016], краеведческого [Роголёва, 2018a] и даже диалектного материала [Никитина, Роголёва, 2017] в каждой из параметрических зон комплексной словарной статьи, реализующей интерактивную гипертекстовую репрезентацию фразеологизма. Представление авторами разноаспектной культурной (культурологической, лингвокультурологической, лингвокраеведческой) информация, включенной в словарную статью, помогает ребёнку не только глубже понять внутреннюю форму фразеологизма и создать наглядное представление (фразеологический образ), но и обеспечивает более широкое поле ассоциаций, на основе которых происходит метафорическое переосмысление прототипа.

В последнее время появились статьи, в которых раскрываются особенности методической поддержки как учителей [Роголёва, 2018b], так и студентов [Никитина, Роголёва, 2021a]. Ценнейшим представляется опыт Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета, на базе которой для студентов разных уровней организованы различные формы работы в рамках элективных курсов по лексикографии, кружков, исследовательских групп, магистрантских и аспирантских семинаров. [Никитина, Роголёва, 2021a].

Таким образом, обзор показывает, что псковская версия детской фразеологии, в первую очередь конструирования детского фразеологического словаря отличается интерактивностью, присутствующей в каждой из жанровых разновидностей словарей. Приемы диалогизации в репрезентации фразеологизмов обеспечивают включение младшего школьника в исследование происхождения фразеологизма, мотивируют его к выполнению познавательных творческих заданий. Исследования псковских ученых отмечены несомненной новизной: они определили обновление теоретической базы детской фразеологии с учетом особенностей функционирования фразеологизмов, их связи с историей страны и культурой народа, соответствующее пользовательскому запросу современного ребенка. Плодотворность и перспективность этого направления современной фразеологии несомненна. Остается ждать новых словарей русской фразеологии для новых поколений юных читателей.

В завершение стоит отметить, что детская фразеология – не единственное лексикографическое занятие наших авторов: они опубликовали словари городского сленга, псковского, естественно, а Т. Г. Никитина – словари школьного и молодежного сленга. Все их лексикографические издания заслуживают отдельного обзора, и, может быть, не одного.

Литература

- Баско, Н. В. (2019). *Фразеологический словарь. 1–4 классы. Почему мы так говорим?* Москва: АСТ-Пресс.
- Волков, С. В. (2013). *Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей*. Москва: АСТ.
- Никитина, Т. Г., & Роголёва, Е. И. (2017). Региональный компонент школьного фразеологического словаря. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 2(10), 16.
- Никитина, Т. Г., & Роголёва, Е. И. (2021a). Проблемы вузовской лексикографической лаборатории: сотрудничество и сотворчество преподавателя и студента. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(1). 69–78.
- Никитина, Т. Г., & Роголёва, Е. И. (2021b). Современная учебная фразеография: инновационные параметры бумажного словаря. *Вопросы лексикографии*, 20, 67–90.
- Роголёва, Е. И. (2013). Учебный фразеологический словарь как средство социокультурной адаптации младших школьников. *Герценовские чтения. Начальное образование* 4(2), 179–186.
- Роголёва, Е. И. (2014). *Современная учебная фразеография: теоретические проблемы и конструирование словарей*. Автореферат дис. ... доктора филологических наук. Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого.
- Роголёва, Е. И. (2015a). Современная учебная фразеография: проблемы теории и практики. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры, Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. Гранада, Испания. Ред. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др.* В 15 т. (Т. 1, с. 164–169). Санкт-Петербург: МАПРЯЛ.
- Роголёва, Е. И. (2015b). Фразеографические приемы реализации категории адресованности в этимологическом интерактивном гипертексте для младших школьников (на лингвокраеведческом материале). *Герценовские чтения. Начальное образование*. 6(1), 200–205.
- Роголёва, Е. И. (2016). Игровое ономастическое пространство лексикографического проекта для детей «Веселые фразеологические истории». *Герценовские чтения. Начальное образование*, 7(1), 167–171.
- Роголёва, Е. И. (2017). Технологические приемы индуцирования интерактивности в учебном фразеологическом словаре (на лингвокраеведческом материале). *Образовательный потенциал* (с. 151–155). Электронный ресурс <https://emc21.ru/wp-content/uploads/2017/07/Statya-Rogaleva.pdf>
- Роголёва, Е. И. (2018a). Детская фразеография: лингвокраеведческий аспект. *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке* (с. 455–460). Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
- Роголёва, Е. И. (2018b). Инновационные фразеографические проекты псковской экспериментальной лаборатории учебной лексикографии как средство методической поддержки учителей начальных классов.

References

- Basko, N. V. (2019). *Phrasebook. 1-4 grades. Why do we say this?* Moscow: AST-Press. (In Russian)
- Volkov, S. V. (2013). *A unique illustrated phraseological dictionary for children*. Moscow: AST. (In Russian)
- Nikitina, T. G., & Rogaleva, E. I. (2017). The regional component of the school phraseological dictionary. *Scientific notes of Novgorod State University*, 2(10), 16. (In Russian)
- Nikitina, T. G., & Rogaleva, E. I. (2021a). Problems of the university lexicographic laboratory: cooperation and co-creation of a teacher and a student. *Verba. Northwestern Linguistic Journal*, 1 (1). 69-78. (In Russian)
- Nikitina, T. G., & Rogaleva, E. I. (2021b). Modern educational phraseography: innovative parameters of the paper dictionary. *Questions of lexicography*, 20, 67-90. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2013). Educational phraseological dictionary as a means of socio-cultural adaptation of primary schoolchildren. *Herzen's readings. Primary education*, 4(2), 179 186. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2014). *Modern educational phraseography: theoretical problems and construction of dictionaries*. Abstract dis. ... doctors of philological sciences. Novgorod. state un-them. Yaroslav the Wise. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2015a) Modern educational phraseography: problems of theory and practice. *Russian language and literature in the space of world culture, Materials of the XIII Congress of MAPRYAL. Granada, Spain. Eds. by L. A. Verbitskaya, K. A. Rogova, T. I. Popova at al.* In 15 volumes (T. 1, pp. 164-169). St. Petersburg: MAPRYAL. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2015b). Phraseographic techniques for implementing the category of addressing in etymological interactive hypertext for primary schoolchildren (based on linguistic and ethnographic material). *Herzen's readings. Elementary education*, 6(1), 200-205. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2016). Onomastic play space of the lexicographic project for children "Funny phraseological stories". *Herzen's readings. Primary education*, 7(1), 167-171. (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2017). Technological methods of inducing interactivity in the educational phraseological dictionary (based on linguistic and local history material). *Educational potential* (pp. 151-155). (In Russian) Retrieved from <https://emc21.ru/wp-content/uploads/2017/07/Statya-Rogaleva.pdf>
- Rogaleva, E. I. (2018a). Children's phraseography: the linguistic and ethnographic aspect. *Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XXI century* (pp. 455-460). Tula: TSPU (In Russian)
- Rogaleva, E. I. (2018b). Innovative phraseographic projects of the Pskov experimental laboratory of educational lexicography as a means of methodological support for primary school teachers. *Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies* (pp. 314-319). Yerevan: RAU. (In Russian)

Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике (с. 314–319). Ереван: РАУ.

Рогалёва, Е. И. (2018с). Использование фольклорных материалов во фразеологических словарях для начальной школы. *Герценовские чтения. Начальное образование*. 9(2), 135–141.

Рогалёва, Е. И. (2018d). Сказочные персонажи во фразеологическом тексте для младших школьников. *Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации*, (с. 100–105). Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

Рогалёва, Е. И. (2020). Использование литературного материала в интерактивных учебных фразеологических словарях в бумажном формате. *Ученые записки Новгородского государственного университета*, 1(26), 14.

Рогалёва, Е. И., & Никитина, Т. Г. (2015). Инновационный учебный фразеологический словарь: элементы ИКТ в бумажном формате. *Образовательные технологии и общество*, 18(3), 574–592.

Рогалёва, Е.И., & Никитина, Т.Г. (2017а). *Ума палата: детский фразеологический словарь*. Москва: Изд. Дом Мещерякова.

Рогалёва, Е. И., & Никитина, Т. Г. (2017b). Школьный фразеологический словарь: традиции и инновации. *Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст* (с. 399–407). Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина.

Рогалёва, Е. И., & Никитина, Т. Г. (2019). *Фразеологический словарь: занимательные этимологические истории для детей*. Москва: ВАКО.

Рогалёва, Е. И., & Никитина, Т. Г. (2020). *Сами с усами: веселый фразеологический словарь*. Москва: Изд. Дом Мещерякова.

Розе, Т. В. (2018). *Большой фразеологический словарь для детей*. Москва: Абрис/ОЛМА.

Ушакова, О. Д. (2012). *Почему так говорят. Фразеологический словарь школьника*. Санкт-Петербург: Литера.

Rogaleva, E. I. (2018с). The use of folklore materials in phraseological dictionaries for primary school. *Herzen's readings. Elementary education*. 9(2), 135-141. (In Russian)

Rogaleva, E. I. (2018d). Fairy-tale characters in the phraseological text for younger students. *Interethnic interaction in a multicultural educational space: problems of language interaction and intercultural communication* (pp. 100-105). Cheboksary: CSPU. (In Russian)

Rogaleva, E. I. (2020). The use of literary material in interactive educational phraseological dictionaries in paper format. *Scientific notes of Novgorod State University*, 1(26), 14. (In Russian)

Rogaleva, E. I., & Nikitina, T. G. (2015). Innovative educational phraseological dictionary: elements of ICT in paper format. *Educational technologies and society*, 18(3), 574-592. (In Russian)

Rogaleva, E. I., & Nikitina, T. G. (2017а). *Uma ward: children's phraseological dictionary*. Moscow: Publishing house. House of Meshcheryakov. (In Russian)

Rogaleva, E. I., & Nikitina, T. G. (2017b). School phraseological dictionary: traditions and innovations. *Pushkin Readings - 2017. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text* (pp. 399-407). St. Petersburg: LSU. (In Russian)

Rogaleva, E. I., & Nikitina, T. G. (2019). *Phraseological dictionary: entertaining etymological stories for children*. Moscow: VAKO. (In Russian)

Rogaleva, E. I., & Nikitina, T. G. (2020). *Themselves with a mustache: a fun phraseological dictionary*. Moscow: Publishing house. House of Meshcheryakov. (In Russian)

Rose, T. V. (2018). *A large phraseological dictionary for children*. Moscow: Abris/OLMA. (In Russian)

Ushakova, O. D. (2012). *Why do they say so. Phraseological dictionary of a schoolchild*. St. Petersburg: Litera. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Соловьева, Т. В. (2021). Детская фразеогрфия: псковская версия. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 109–116. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-109-116

For citation:

Solovyova, T. V. (2021). Children's phraseography: the Pskov version. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 109–116. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-109-116

**НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО